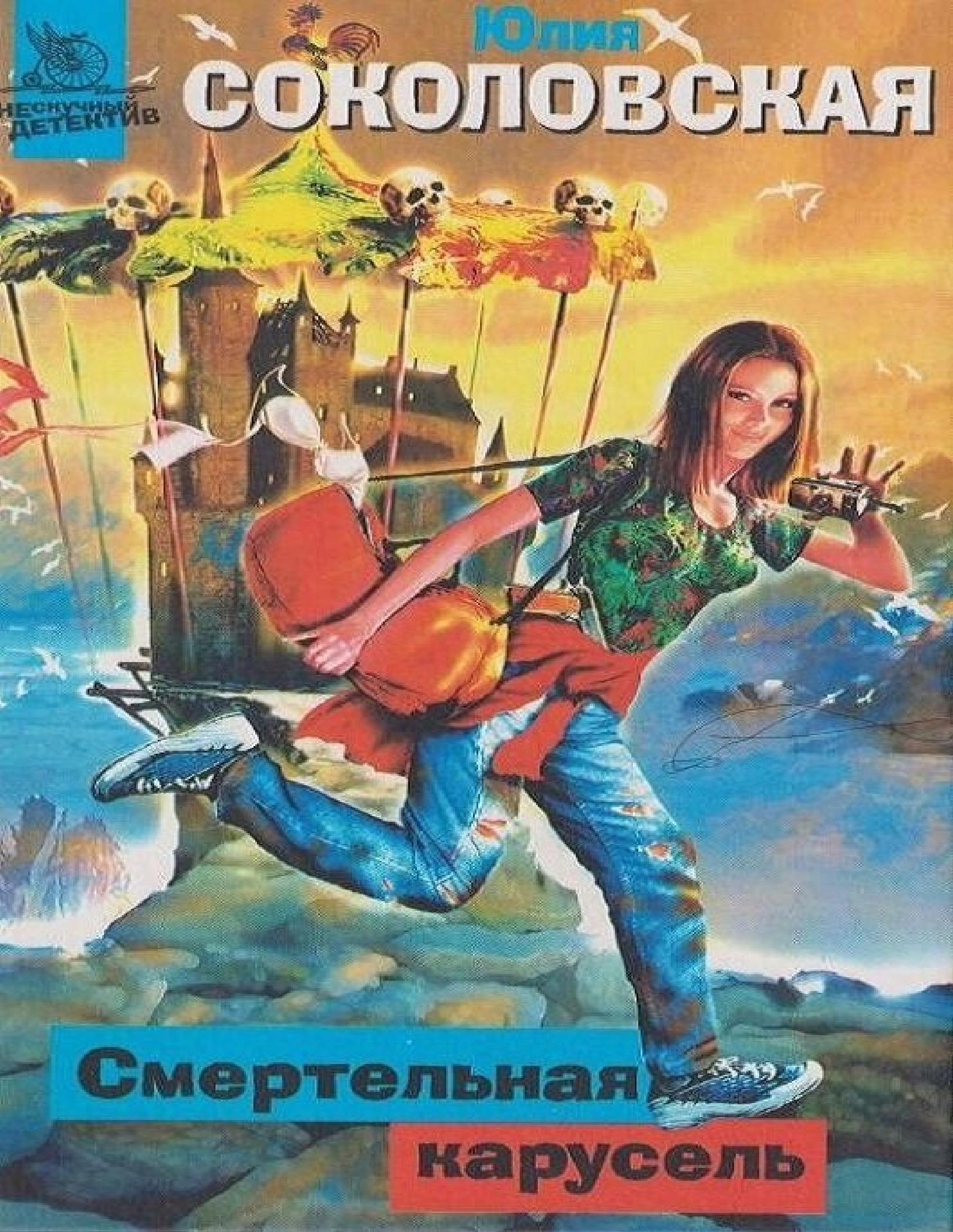

Юлия

СОКОЛОВСКАЯ

Смертельная

карусель

Артур Конан Дойл и Агата Кристи отдыхают... За компьютером — Лидия Сергеевна Косичкина, Сибирь, Россия. Это не телешоу для домохозяек! В старинном замке на восточном побережье Англии льется не дешевая имитация, а самая настоящая кровь, — фантазия Лидии Сергеевны придает этому зрелищу изысканность и легкую тоску по смыслу жизни. Новый роман основан на реальных событиях. В них поневоле принимала участие скромная журналистка, которая и поделилась информацией с сибирской писательницей.

Юлия Соколовская

Смертельная карусель

*Люблю бывать среди всякой сволочи,
она много занятнее вашего приличного общества;
мне иногда даже приятно вспомнить,
среди каких проходимцев я бывал!*

А. И. Куприн

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало этой безобразной истории мне видится неизменно глупо. И одинаково. Я в жизни не знала эту женщину. Никогда не узнаю, и слава богу. Мне страшно подумать, что она будет сидеть напротив, обжигать ледяным взглядом, будет знать мою фамилию, имя, подноготную, членов моей семьи и где нас всех при случае можно застать. Это готовая шизофрения. Одна лишь мысль об этом способна свести меня с ума и навсегда упрятать мой любопытный нос в недра запертой квартиры.

Отрадно, что эта история произошла с другими...

Но почему я решила, что означенная женщина исчадие ада? Понятия не имею. Я знала — она загнана в угол и, ради того чтобы выиграть время, готова на все, в том числе отдать на растерзание совершенно постороннего человека, какой бы ангельской внешностью и покладистым характером тот ни обладал. Вероятно, я вбила себе в голову, что этого достаточно для дьявольской ауры. Вот и видится мне начало этой готики неизменно одинаково. И глупо...

Черная ночь. Квартира, погруженная в тишину. Наглухо зашторенная комната. Красноватый свет, колеблющиеся прямолинейные складки ткани. В матовом мерцании двое — женщина и ее гигантский суперкомпьютер, где собрана информация обо всем на свете. Она жадно смотрит на экран, постукивая дрожащим костлявым пальцем по мышке. У нее яркая демоническая внешность. Худое лицо с выразительно очерченными скулами. Прямые волосы до плеч. Нос с горбинкой, глаза горящие, дыхание прерывистое. На высоком лбу, в окружении блестящих бисеринок пота, поигрывает фиолетовая жилка. Это зверь, загнанный такими же зверьми. Только нечеловеческая выдержка не позволяет ей сорваться с места, выскочить в окно и раствориться в густых чернилах ночи. Ей нужен человек, способный взять на себя ее грехи...

Глаза лихорадочно бегают по монитору. В этом гигантском суперкомпьютере собрана информация обо всех периодических изданиях страны и особах женского пола, имеющих право называться журналистками. Ее интересует некто по имени Полякова Вера Владимировна. В этой стране сотни журналов, тысячи газет — начиная с официозных московских монстров и кончая захудалыми «боевыми листками» какого-нибудь заштатного уездного городишки. Распространенное имя, ходовое отчество, популярная фамилия. Неужели во всем государстве российском не найдется ни одной завалящей Веры Владимировны Поляковой? Быть того не может...

Вот он — итоговый ряд имен. Рука дрожит, глаза болят от напряжения... Их очень много — журналисток Поляковых. Сотня с добрым хвостиком. Выделяем: «Вера»...

Экран гаснет, гудит системный блок, переваривая запрос. Новый список — двенадцать Вер, очень даже недурственный результат, учитывая наличие в стране массы других женских имен. А как насчет означенного отчества? Новый запрос пользователю не нужен — их отчества мерцают на экране белым по черному: Вера Владимировна Полякова...

Вера Владимировна Полякова...

Трое. Редкая удача. Беготня скрюченных пальцев по клавишам — а подать сюда этих несчастных, дабы мы на них полюбовались и запомнили! Возникают три картинки, словно нарочно обведенные черными рамочками...

Дьяволица всматривается в застывшие на экране фотографии, и чем дольше она это

делает, тем сильнее ощущает нездоровое возбуждение. Первая явно не годится на роль несчастной. Это она сама. Вторая тем более. Корреспондентка безвестной тамбовской газетенки. Ни комплекции, ни возраста. Полный колхоз. От горшка — да к дизелю, от молочной фермы — к перу, вроде того, как жители «Града обреченного» менялись профессиями по велению того, кто их обрек...

Пусть живет и пишет про свои надои с намолотами. На третьей фотографии симпатичная девушка с челкой. Довольно худенькая, мордашка остренькая, глазенки с искринкой. Обычные черты лица, но вместе с тем имеется в них что-то необычное. Штатная корреспондентка газеты «Юность Сибири», Энск, 26 лет, не замужем...

Дьяволица пытается понять, что же необычного в этом лице, пристально смотрит и наконец понимает. Это лицо в самом поверхностном плане, в самых общих очертаниях, не имея в себе ничего дьявольского, а скорее наоборот, все же напоминает лицо сидящей перед монитором женщины.

Кривая улыбка обнажает прокуренные вампирьи зубы. Она нашла свою удачу. Бесхранитель не покинул ее, он рядом, он знает, чего хочет его хозяйка. Дьявольский план начинает претворяться в жизнь...

Я недавно вычитала, что нашей Вселенной 13 миллиардов 700 миллионов лет. А изначально она состояла из четырех атомов. Из четырех жалких, ничтожных частиц химического элемента, собранных из ядра и электронов. Тьфу! А кто их, интересно, высчитывал? Я имею в виду атомы. Не Бог же, в самом деле. Чепуха это все. Но цифра крепко запала в голову, потому как я тут же перевела ее в доллары и ужаснулась. Параллельно с обретением знаний я, очевидно, посмотрела в зеркало. Ужас возвеличился в куб — из зеркала взирало нечто мутное, мореное, напоминающее Вселенную. Во всяком случае, по возрасту. В ту же ночь, под прикрытием темноты, в голове моей вспыхнул мятеж. Повстанцы захватили почту, телеграф с мостами, а наутро власть пала. Жизнь Вселенной переменялась к лучшему. Я бросила пить, курить, скучать по любимому и задираю маму. Это было трудно. Но кто сказал, что будет легко, особенно третий пункт (между прочим, и второй)? Лучший способ не скучать по любимому — это обзавестись новым любимым. Что я и сделала, превратившись в работницу эпистолярного жанра. Короче говоря, я засела за стол, писала каждый день по письму и, что характерно, иногда получала ответы, в которых нет-нет, да и проглядывало между строк что-то из области тоски по утраченному. Нельзя сказать, что при этом я бросала в потолок чепчик. Это было приятно, мило, очень волнующе — но в таком состоянии мне предстояло прожить еще как минимум месяцев одиннадцать, а что случится в нашей жизни за одиннадцать месяцев, одному Богу известно. Не самая долгоиграющая конфета — любовь на расстоянии...

В один из таких дней, а вернее ранним октябрьским утром, без предварительного уведомления явилась Бронька Хатынская.

— Кто стучится? — спросила я хрипло и сонно.

— Орки стучатся в ворота, — зловеще пробасила Бронька. — Открывай по-доброму, не то хуже будет.

Бормоча под нос «чур, меня, изыди и растворись...», я загремела замками. Хуже только вор в четыре часа ночи.

— Кто рано встает... — осветила Бронька белоснежной улыбкой сумрачную разруху подъезда. Она не менялась. Менялись только юбки в ширину богатырских бедер.

— Тому спать весь день хочется, — без присущей мне приветливости отозвалась я и побрела просыпаться. Бронька шла в кильватере, наступая на тапки.

— Я справедливо возмущена, Косичкина. Одиннадцать ноль пять. Твоя дочь успела огрести пару двоек, мать — нагрузить тележку мясом. Я видела, как она брела к Центральному рынку, сгибаясь под тяжестью бытовых печалей. А этот семейный урод без зазрения совести топчет подушку и смотрит один и тот же сон.

— Я легла в пять, — пожаловалась я.

— Сиротливо смотришься, — обозрела Бронька мои апартаменты и меня, наглухо запакованную в практически шерстяную ночнушку. — По кому из двоих грустишь?

— А тебя это напрягает? — Я дерзко вскинула нос и ушла чистить зубы.

Когда я вернулась, в комнате ее не было. Она сидела на кухне, водрузив свой пышный кринолин на вертящийся табурет, и сооружала кофейное ассорти.

— Я хочу с тобой помириться, — объявила подруга. — Ты не звонишь, не приходишь и ведешь себя так, будто я продала за тридцать гривен все твои секреты ведущим разведкам мира. С чего начнем?

— С магазина, — буркнула я, отнимая у нее кофе и забирая серьезное дело в свои проверенные руки.

— Но ты, по слухам, бросила пить, — удивилась Бронька.

— А это я образно.

Она не стала комментировать мои решения в свете наступившей осени и борьбы с традиционным октябрьским сплином старыми проверенными средствами. Это не послужило бы катализатором нашему примирению.

— Ну хорошо, — избавляясь от иронии в голосе (ни хрена, мол, себе образы), сказала Бронька. — Из меня неважный турсператор. Я такая плохая. Сволочь последняя. Хотела сделать тебе кондратия, заманила в капкан, и ты две недели бегала с выпученными глазами по красивым местам (кстати, толще ты от этого не стала). А последующие две недели? Побойся бога, Лидочек! Ты провела их так остервенело, что мне было мучительно больно, завидно и стыдно, что самая сподобилась лишь на жалкую имитацию твоих подвигов. Посмотри внимательно в зеркало — у тебя в глазах бессовестная тоска по Крыму!

С этим трудно было не согласиться. Тоска в глазах, не такая уж бессовестная, продолжала присутствовать. Я изучала ее в зеркале каждый день, анализируя и подмечая все новые нюансы. Если она будет прогрессировать, я накоплю о ней полный объем информации и смогу защитить диссертацию на тему «Тоска как средство подавления личности и оружие индивидуального террора в умелых и опасных руках».

На мою подругу Хатынскую можно злиться лишь в единственном случае — имея ее где-нибудь подальше. Если Бронька появляется в зоне действия бумеранга, злиться на нее невозможно. Отболтается. Поэтому через четверть часа мы помирились и приступили к уничтожению моего кофе с баранками, которые моя мама без малого сорок лет покупает в булочной на первом этаже и все никак не остановится.

— Это все ерунда, — уверенно заявила Бронька, в четвертый раз поднимая руку на мой кофе. — Веселая, беззаботная пора. И вполне штатная ситуация. Я имею в виду твои крымские каникулы. Чуток адреналинчика — подумаешь, трагедия. Кстати насчет подставы. — Она прервала водоворот в чашке и замерла вместе с ложечкой. — У тебя как обстоят дела с сюжетами?

В этом месяце надо мной довлел единственный сюжет — он имел прямое отношение к

тоске в глазах и сумбурно подобранном снам. Сомневаюсь, что испытанное мною ушедшим летом в обозримом будущем ляжет на бумагу.

— Слабовато, — призналась я.

— Все понятно, — просмотрев мои мятые мысли, хихикнула Бронька. — Но учти, разгадывание секретов бытия и сканворда в троллейбусе — принципиально разные вещи. Бросай это грязное дело, если не хочешь закончить свои дни в монашеской келье. Одна моя знакомая тоже чересчур увлекалась интроспекциями и самоанализом. Теперь она лежит в белом доме па 905-го года. Ей колят аминазин и поят галоперидоном. Жалеет сильно.

— Ты спрашивала о сюжетах, — напомнила я.

— Я помню. Так вот. Я знаю одну знакомую моей знакомой, но не ту, которая на 905-го года, а наоборот — она ее лечит, втыкает аминазин и все прочее, так вот, у этой знакомой есть дальняя родственница, она недавно умерла, от чего, не помню, но все типично, а у этой родственницы осталась двоюродная племянница — сирота круглая, круглее некуда, так вот эту сироту подставили, причем так конкретно подставили, что мое злодеяние по отношению к тебе тихо ежится, Крым предстает элизиумом, а твои прыжки от мафий и спецслужб — всего лишь гугуканье в яслях. Ничего себе преамбула?

Преамбула была убивающей в глаз, не сиди передо мной Бронька — рецензент низкопробного чтива и большая затейница по части сгустить не такие уж густые краски. Но я не стала раньше времени настраивать ее против себя. Беды не оберешься.

— Супер, — прошептала я и направила в люстру большой палец. Извечные мучения редакционных работников: шикарный заголовок — вот бы статью к нему!

— Тогда слушай. — Она бесцеремонно ссыпала в чашечку остатки моего кофе и закрутила новый водоворот. — Но сразу предупреждаю: история гадкая, детали неизвестны. Поэтому не падай в обморок и не канючь подробностей. Говорю, что знаю.

Говорила Бронька почти шепотом — очевидно, для пущей страшности. Она уложила минут в пятнадцать. Этого хватило, чтобы я впала в ступор, заработала озноб и огромные выпуклые глаза. Пока Бронька наслаждалась произведенным эффектом, пришла с базара мама, растолкала по морозилкам фрагменты мертвых животных и подчеркнуто любезно поздоровалась с Бронюшкой. Меня она не заметила. Но это было не суть важно — я чувствовала, как заряжаюсь нездоровым возбуждением.

— Только никому, — предупредила Бронька, провожая глазами удаляющуюся из кухни маму. — У этой конторы такие длинные руки, что куда хочешь дотянешся.

Сочинить такую очаровательную историю она не могла по причине своей полной непригодности к сочинительству. Приукрасить, обвесить шокирующими небылицами — другое дело. Но от начала до конца? И, хоть тресни, я не могла понять, что в этой истории можно приукрасить.

— Волосы пригладь, — торжествующе заметила Бронька. — Дыбом встали.

Естественно. Сказать, что я находилась под впечатлением, — не сказать ничего, а с чувством промолчать. В голове моей уже начали фабриковаться не вполне отчетливые намерения. Даже подошедшая с трубкой мама не смогла извлечь меня из болота тягучих мыслей.

— Тебя. Варюша.

— Привет, мамахен. Звоню из школы, — бодро отрапортовало под какофонию сотен дитятей мое единственное. — Спешу сообщить, что прошло четыре урока, а у меня ни одной лишней двойки, не считая по биологии. Но биологию давай не считать, она не лишняя.

Потому что наша биологичка совсем сбесилась. Она всему классу навывставляла «бананов» и наорала так, что... Ой! Мама! Антоха за попу ущипнул!.. Он говорит, я слишком долго с тобой разговариваю, а ему надо позвонить партнеру по бизнесу, а перемена не резиновая!..

— Замечательно, — пробормотала я, продолжая с головой барахтаться в своем болоте. — Только ногти не грызи, Варюша. На кончиках ногтей скапливается большое количество свинца, а он вреден для тех, кто много думает...

— Это ты о ком, мамахен? — удивилась дочь.

— А вот мне обидно, — как бы между прочим заметила Бронька. — Нет, не за себя. И не за дочь твою, которая, уверена, вырастет куда толковее, чем ее бесподобная мамаша. Мне обидно за девочку, о которой я тебе рассказала. Ты не думаешь о том, как ей было плохо, о лишениях и испытаниях, уготовленных ей судьбой. Нет, ты думаешь о том, как из всего этого состряпать новое чернушное чтиво. Ты меня даже не слушаешь. — Бронька оторвалась от табурета и своевременно отняла у меня телефон, антенной которого я уже начала размешивать сахар.

— Неправда, — встрепелась я. — Эта девочка меня беспокоит, как родная. Но еще сильнее я о ней забеспокоюсь, когда увижу ее собственными глазами и услышу историю во всех шокирующих подробностях. Ты должна организовать нашу встречу, Бронька. Позабыв про страх и длинные руки конторы... Да, — опомнилась я. — Если эти руки и впрямь такие длинные, почему ты мне это рассказываешь? Откуда ты вообще узнала про девочку?

— Ой, только не надо, — манерно поморщилась Бронька. — Как узнала, как узнала... Спокойно узнала. Клава проболталась — та самая, знакомая моей знакомой. Как узрела меня на пороге — так раскрыла рот и проболталась. Ты же знаешь, мой облик внушает бездну доверия. А зачем я рассказываю — догадайся сама. Но ты уже догадалась, и процесс пошел, верно? И учти, предупреждение о длинных руках не напрасно — измени историю до неузнаваемости, ты прекрасно знаешь, как это делается, опыт наработан.

— Нет, я должна с ней встретиться, — настойчиво твердила я. — Это неотъемлемое право любого литератора — знать правду. Прежде чем изменить историю, я должна знать, что именно предстоит менять. Я могу, конечно, написать, не зная предмета, левой ногой, с похмелья, но это же халтура, согласись. Так большие дела не делаются. Помозгуй, Бронька, ты же пробивная.

— Ну хорошо, — возгордившись своей незаменимостью, согласилась подруга. — Возможно, ты права. Организуем незабываемую встречу в порядке наведения мостов. Иначе, знаю я тебя, разойдешься, а потом нас обеих обнесут желтой ленточкой. Будет тебе рандеву. На днях позвоню. Но одно условие, Косичкина. — Тут Бронька посуровела, а голос ее сделался подобен голосу врача, доказывающего пациенту необходимость полного отказа от спиртного. — Я не знаю, что подвигло тебя на абстиненцию, но подозреваю, это возрастная блажь. Постарайся к следующей нашей встрече от нее избавиться. Не забывай — абсолютно непьющий человек так же близок к улице 905-го года, как и безудержный выпивоха.

Через неделю она объявилась.

— Я звоню тебе с приветом! — прокричала Бронька предельно жизнерадостным голосом. — Мосты наведены и нацелены друг на друга, осталось их только состыковать. Предлагаю прогуляться. Что может быть приятнее прогулки на свежем воздухе? Да, не спорю, хорошо бы посидеть в прокуренной кухне и попить водочки, но это удовольствие сегодня не для нас. Ты не помнишь, какой вид транспорта следует до Искитима?

— Ты составишь мне компанию? — поразилась я.

— Никакой самодеятельности, — строго отрезала Бронька. — Один в поле не трактор. Будешь ходить за мной, как крысеныш за дудочкой крысолова. Я не расслышала, какой вид транспорта следует до Искитима?

— По-моему, электричка, — неуверенно предположила я. — Но мне сдается, что и твой «кефир» неплохо бы туда добрался. Не тайга...

— Мой «кефир» добрался до автосервиса на Большевистской, больше с него требовать нечего, — отрубил Бронька. — Не знаю, почему тормоза решили покочевряжиться — я так редко ими пользуюсь... Прикинь, Косичкина, всю неделю я мучительно перебиваюсь с трамвая на троллейбус и уже готова написать реферат об эрекции в транспорте, но что-то мешает. Очевидно, природное целомудрие. Через час встречаемся на вокзале, у пригородных касс...

Город-спутник областного и международного центра, коим по праву считается наш город, впечатлял своей унылостью. Серые дома, обветшалые стены, грязные лоджии. Затрапезные киоски-«комки», изведенные в Энске еще при старом добром президенте. Подозрительные личности. Даже банкоматы какие-то жуликоватые. Я собралась спать четыре сотни на непредвиденные расходы, так этот железный дундук минуты четыре гудел и вздрагивал, а потом выдал мне рваными десятками, разбавленными для приличия двумя «синенькими» (что бы, казалось, понимал?). Искомая особа проживала на улице Водопроводной, в самом ее конце, вблизи городского кладбища, где о водопроводе даже не мечтали.

— Комнату снимает, — пояснила Бронька. — С работы уволилась, городскую квартиру продала, деньги в банке, а сама вот-вот смоемся в параллельные миры.

На крыльце возлежало нечто огромное, добродушное, покрытое рыжей шерстью и сухими листьями. То ли собака, то ли орангутанг, то ли изрядно опустившийся человек. Бронька села на корточки и потрогала ему нос.

— Мокрый, — сделала заключение.

— Не человек, — компетентно заметила я. — У человека нос сухой.

Существо гостеприимно заворчало, поднимая на пас добрые глаза.

— Какое славное животное, — восхитилась Хатынская. — Ну вылитый мой спонсор. Чем больше обретает судимостей, тем добрее становится...

— Вам кого? — высунулась из оконца под стрехой аккуратная старушка.

— Веру Владимировну, — учтиво поклонилась Бронька. — Нам заявлено на полдень по протекции Ады Семеновны и нижайшему соизволению Нины Борисовны. Уж будьте так милостивы, соблаговолите, пожалуйста.

Удивляюсь, как при этом она не поставила меня па колени. Добрая домоправительница любезно препроводила нас в дом и показала комнату, где проживает особа, попасть к которой на прием труднее, чем к кинозвезде. Квартирантка никуда не сбежала. Глубоко вздохнув, девочка в сером свитере предложила нам присесть па покатый диван (для гостей — чтобы быстрее уходили) и тихо поинтересовалась о цели визита. У нее было очень приятное осунувшееся лицо. Она казалась подавленной, невзирая на то что с момента интересующих нас событий минуло больше месяца. Я объяснила ей цель своего прихода, отметив при этом с большим сожалением, что девочка совсем замкнулась. Встретив нас, она пыталась улыбнуться, а сейчас сидела без движений, ни жива ни мертва, и угрюмо смотрела в глубь пашей с Бронькой злодейской сущности. Больше всего на свете ей хотелось выгнать нас вон. А потом забыться.

— Поблагодарите вашу подругу с длинным языком, — пошла в наступление Бронька. — Некую Клаву Сурикову. Заодно и меня благодарите, девушка. Не прими я надлежащие меры, ваши приключения стали бы достоянием всего региона. Клава предупреждена, что дальнейшая работа языком гарантирует приход крепких ребят с длинными глушителями на стволах; поэтому она будет молчать, в какую бы пытку это ни вылилось. А с нами вы можете чувствовать себя совершенно свободно. Посмотрите на наши открытые, доверчивые физиономии.

— Мы друзья, Вера, — добавила я.

Девчушка меланхолично усмехнулась:

— Друзья — это не те, с кем видятся впервые. Извините.

— Полностью с вами согласна, — закивала кудряшками Бронька. — Мы можем прийти во второй и в третий раз. Мы можем выставить охрану за калиткой и превратиться в дружно спаянный коллектив и не расставаться никогда, куда смерть не разлучит нас. Кстати насчет спаянности... — Бронька замялась и стала бросать на меня призывно-возбужденные взгляды — мол, давай же хоть (раз воспользуемся ситуацией, когда я не за рулем. Трое составляют коллегия, и весь этот джаз...

— Вы хотите сказать, у вас есть средство для спаивания... в смысле, для спаяния коллектива? — улыбнулась девчушка.

— А вы хотите, чтобы мы пришли с вафельным тортиком? — вызывающе бросила Бронька. — Извините, девушка, одна из присутствующих здесь дам, но не вы и не я, прекрасно знает, что такое депрессия и как с ней бороться. От себя могу лишь добавить, что это не водка.

Это был клубничный торт со взбитыми сливками и емкость традиционного мартини. Мы приобрели их в центральной части городка, где поддерживалась видимость благополучия.

— Подождите, — покрываясь тигровыми пятнами, пролепетала девчушка. — А какая мне выгода от моей болтливости?

— Никакой, — охотно внесла ясность Бронька. — Просто особу, сидящую напротив вас, не остановить никаким глушителем. Она перевидала этого добра целый арсенал. Она опишет вашу историю в меру своего понимания на основе уже известных скудных фактов, и чем закончится в дальнейшем это дело — неизвестно. Вдвоем же вы непринужденно обсудите, какие темы лучше опустить, какие затронуть, а на чем следует заострить особенное внимание. Для вашей же пользы. И перестаньте, Вера Владимировна, смотреть на нас как на тайных агентов, жаждущих экзекуции. Мы законопослушные и добропорядочные гражданки и явились сюда по собственной инициативе.

— Достаем «паяльник»? — тихо мурлыкнула я.

— Доставайте, — еще тише сказала Вера. — Но не думайте, что с этого часа вы обладаете защитным тотемом. Я заранее вас предупреждаю. Эта история случилась полтора месяца назад, и по сей день я пребываю в страхе. Скажите, я похожа на человека, способного беспричинно пребывать в страхе?

— По правде говоря, я об этом думала, — призналась Бронька. — Насколько я в курсе, вы проявили недюжинную выдержку и отвагу. Вы вырвались из когтей жутких монстров только благодаря вашим личностным качествам. И вдруг такое дальнейшее поведение. Увольнение с работы, продажа квартиры, переезд в «мексиканские» трущобы... Не могу поверить. Вас не тронули. Пожалели. Ну неделю можно попсиховать, ну две. Извините, Вера

Владимировна, либо вы на этом деле хорошо переломились, чему лично я не верю, либо ваши дела по-прежнему плохи. А, следовательно, и наши... — До моей подруги наконец дошло, что все беды начинаются с малого. Она украдкой покосилась в окно и очень задумчиво уставилась на меня. Не пора ли, мол, линять?

— Вас нашли, — догадалась я. — Предложили сделку: вы уходите в тень, молчите во все стороны, и вас оставляют в покое. Или что-то другое. Пострашнее. Допустим... поработать на них.

— Примерно. — Вера опустила голову. — Плетью обуха не перебить. Тем паче монолитный обух. Ко мне «официально» никто не подходил. Эти люди избегают личного контакта, они общаются по телефону. Но они подослали ко мне своего человека... Я не хочу об этом говорить, это слишком личное. Они поступили подло, воздействуя на меня через того, кому я доверяла... Они не остановятся ни перед чем, они пойдут по трупам, лишь бы добиться своего! Они не любят проигрывать. А я не хочу на них работать!.. Скажите, вы не потеряли желание услышать мою историю?

Мой задор слегка скукожился. Я бы охотно взяла тайм-аут, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию. Но Бронька уже обдумала. За меня и за всех присутствующих.

— Ой! — сказала она, свернув с мартини пробку. — Как глупо я поступила. Задумалась, блин, ворона...

Пришлось расставлять бокалы. А какое потребление без приятной, душевной беседы?

— Разорви мои уши... — восхищенно вымолвила Бронька. — Какая клюква...

Я усердно анализировала услышанное.

— Вы многое недоговариваете, Вера. Но не думаю, что вас соберутся ликвидировать. По крайней мере, следуя здравому размышлению. Это никому не нужно. Вы не являетесь носителем чрезвычайных секретов и не знаете конкретных имен. Перед вами проходили псевдонимы и прозвища. Следов конторы не найдут даже гениальные сыщики. Известные вам факты — сплошная беллетристика. Успокойтесь. Я понимаю ваши чувства, мне бы тоже было неприятно на вашем месте. Но не надо драматизации — вас просто пугают. К тому же вы не обращались в органы. Вот и впредь не обращайтесь — пустое. Не поверят. А поверят — не помогут. Наши органы служат не для раскрытия преступлений, а для их фиксации.

— А вы считаете, я сама об этом не думаю? — улыбнулась Вера.

А ведь она совершает ошибку, вдруг, подумала я. Хорошо, по нашим лицам и поведению можно понять, что ни к каким зловещим конторам мы с Бронькой не относимся. Опытной журналистке это сразу по силам. Но что мешает нам с Бронькой относиться к зловредным конторам? К одной из желтых газет, коих развелось, как собак нерезаных? Коим наплевать на курву-судьбу отдельного человека, а возбуждают лишь жареные фактики, прямо влияющие на зарплату? Неужели она этого не учитывает?

Но девчушка нам попалась сообразительная. Она многое учитывала и предвидела.

— Если факты, описанные мною, попадут в газету, — тихо сказала она, — то журналистский коллектив во главе с редактором крупно об этом пожалеет. Это не моя угроза.

— Ради бога, — согласилась я. — Вас никто не подставляет, Вера. Публикация состоится в отдаленном будущем. Или вообще не состоится. Абсолютно новый антураж. Новые действующие лица и исполнители. Новые побудительные мотивы. Все, что может измениться, изменится. Останется только суть, о которой вам лучше и не думать:

сомневаюсь, что публика, вогнавшая вас в это нелепое состояние, читает бульварные романы.

Но даже в ту минуту я отчетливо поняла, что ставлю перед собой очень деликатную задачу: видоизменить все, не меняя ничего.

Глава первая

Отродясь не увлекалась готическими романами. Не люблю архаику — по определению. «Готический» в переводе с итальянского — «варварский». Все эти мрачные сооружения с заплесневелыми стенами и дырами в полу, аттики, портики, пинакли с аркбутанами, фамильные призраки, маньяки-оборотни и прочие товарищи Франкенштейна, бродящие по пыльным галереям и худым кровлям. Писк мышей, таинственные детские голоса... Несерьезное занятие. Мне куда по душе новейшая история. Период между мировыми войнами. Особенно Америка двадцатых — тридцатых годов — с ее возведенными до абсурда кризисами, депрессиями и калейдоскопом мафиозных разборок. Все эти Торрио, Колоссимо, Альфонсо Капоне, вздетые до ранга национальных героев. Интерес к борьбе добра со злом и определил выбор профессии. Мне пришлось пройти через тернии и окутанные дымом семейные баррикады.

«Прилежная вырастает девка, — похвалил меня однажды отец на закате моих школьных дней. — Отчетливо видны способности к точным дисциплинам. Вдумчива, усидчива. Пусть идет в технический вуз. А закончит — определим по научной линии. Будет женщина-профессор». — «А мне вот кажется, ее не привлекает наука, — возражала более проницательная мама. — Выбор вуза несуществен для девочки. Она же интроверт. Пусть учится там, где легче. А окончит — замуж выйдет, детишки пойдут. При хорошем муже станет домохозяйкой — разве позорно в наше время быть домохозяйкой? И не спорь, Владимир, это очень ответственное и трудоемкое занятие...» — «Вы слепые, как кроты, — заявляла при удобном случае Нина Борисовна — тетушка по отцовской линии — хрипатая и мужеподобная главврач Первой клинической больницы. — У ребенка ярко выраженные способности к медицине. Разуйте глаза — это самое перспективное и выгодное направление. Через десять лет профессия врача в нашей стране станет определяющей. Высокая зарплата, связи, устойчивое положение в обществе!...»

«И ничего нет невозможного для врача для неотложного», — ухмылялся в усы отец. «Вот именно!» — кричала тетя Нина. Она имела тайное влияние на отца. Но не всегда. Мама в грош не ставила тетю Нину. А отец никогда не слушался маму. Получались лебедь, рак и щука, тянущие несчастный воз (то есть меня) в разные стороны. Увы, особой страсти к наукоемким отраслям я не испытывала. В ученые, доценты с кандидатами таких, как я, не принимают. Их могут потерпеть лишь па каком-нибудь заштатном заводике по производству железа имени Первой пятилетки, да и то при условии, если на заводе не платят зарплату. Оканчивать по примеру матери институт домработниц меня тоже не прельщало. Не для того рождалась. Слишком накатанный путь. Это раньше при отсутствии кухонной техники и элементарных продуктов содержать дом казалось невероятным делом. Нынче при наличии денег это не вопрос — суп из кубиков сварила, и уже супермама... Что же касается медицины, то эту тему могли и не поднимать. Несложное слово «скальпель» я стабильно ассоциировала со словом «скальп», а понятие «доктор» — с доктором Моро, Менгеле, Геббельсом и прочими славными представителями этой уважаемой профессии. Оттого неудивительно, что при подобном отношении к жизни я выбрала единственный приемлемый путь — в журналистику...

Мама с папой погибли в автокатастрофе, возвращаясь с дачи. Лох уснул за рулем, выехал на встречную полосу... Я осталась одна — со свежим аттестатом на руках.

Потрясение было столь велико, что в этот год я даже не пыталась поступать. Пустая голова — хоть шаром покати. Девяносто третий — год великих потрясений и захватывающего роста цен — я просидела дома, штудируя спецлитературу. Благо деньги у родителей имелись — причем в шикарной американской валюте. Отец являлся сопредседателем совместного со шведами предприятия, которое действительно что-то производило, окромя воздуха, оттого и не накрылось в первые годы «черной» демократии. Через год я безо всякого усердия поступила на журфак.

Криминальная колонка в областной молодежной газете была тоненькой, как прокладка, но тянулась на четыре длинные страницы. Не хочу хвастаться, но треть добытой информации принадлежала единолично мне. «Ты же впечатлительная, как Золушка, Вера, — удивлялся мне в лицо главред Плавский — большой любитель поездить на кривой козе. — Объясни, каким образом к тебе стекается информация?»

Объяснить необъяснимое очень трудно. Любила меня информация. Впечатлительность шагала в ногу со вредностью, подчас изрядно отставая. На второй год она отстала безнадежно и уже не догоняла. К третьему году она плелась в обозе моих характерных добродетелей — за честолюбием и стремлением разбогатеть — и значительно видоизменилась, сохранив лишь влияние на личную жизнь. Криминальные сводки в огромном городе, где за сутки случаются двести краж, десятки разбоев, грабежей, пяток бытовых убийств и хотя бы одно завалящее заказное, не способствуют чрезмерной впечатлительности. Я нюхом чуяла эти преступления. Я с головой уходила в работу, выискивала жареное, опрашивала людей, не замечая порой, что в мозгах образуется перекосяк, а реальность смещается в сторону. Очевидно, в такие моменты преобладало чувство собственной значимости. Оно и довело меня в один прекрасный день до греха.

Этот сентябрь с первых дней не задался. Дождливое лето напрочь выбило из колеи. Злоумышленники украли счетчик со щитка в подъезде. Старую электроплитку из подвала. Рыбки в аквариуме дружно сдохли. Кот Акакий долбанулся с третьего этажа и со страху сделался мудрым, то есть окончательно спятил. Вслед за ним глюкнулся компьютер — практически новый и ни разу не обьезженный. В аккурат на собственное рождение (в пятницу, 13 числа) я зашла к соседке Маше и нашла у нее под одеялом собственного приятеля Рудика, который час спустя ожидался к моему столу. А корица, за которой я к ней пришла, собственно, Рудику в торт и полагалась. Вот такая вышла клубника со сливками. Стало противно от этой потной мышины возни. В сей же час эти двое были вычеркнуты из моей жизни. Торт я съела сама. Валерьянку и вермут разделила с Акакием. Рудик полночи бился в дверь, умоляя о снисхождении, а я лежала, купаясь в слезах, и вспоминала нашу первую встречу, когда редакционный «уазик», спешащий на очередную «жареху», красиво взял на таран серебристую «тойоту», раскромсав ей передок. За рулем «тойоты» сидел большеглазый блондинчик. Он смотрел на меня во все глаза, а по лбу тоненькой струйкой бежала кровь. Между нами прошмыгнул Эрот — веселый такой, шаловливый. Не уследили... Не успели понаехать гаишники, а он уже пригласил меня в ресторан. Не в какой-нибудь, что выросли как грибы, а в почтенный, уважаемый элитой «ЦК». Там он снова смотрел на меня огромными глазами. И в постели продолжал. И из кухни наутро косил, пока мастерски сжигал яичницу. Через неделю смотрел. Через две. Через месяц и даже через полтора. Правда, в жены брать не спешил.

С тех пор я ела только торт «Причуду» от фабрики «Большевик».

Апофеозом же моих сентябрьских несчастий стала статья с непроверенным

материалом. Главный в это время был в отлучке, и схватить меня за руку оказалось некому. Но я-то была уверена, что материал проверенный! Досконально — до последней буквы и запятой перед причастными оборотами. К сожалению, фигурирующий в нем господин, укокошивший по пьяной лавочке двоих законопослушных граждан, оказался пи много ни мало племянником мэра. То есть человеком, обладающим неприкосновенностью от разного рода злопыхателей. То есть в принципе невиновным. И такой обидный материал в уважаемой молодежной газете, по мнению руководителей города — сущий пасквиль. Молодой человек, за неимением *Corpus delicti*, был освобожден из мест предварительных заключений, а мне строжайше порекомендовали извиниться. «Не скажу, что ты совершила преступление, Вера Владимировна, — скорбно поджав губки, заявил умудренный шишками редактор, — но опасная халатность налицо. Могла бы и посоветоваться с битыми товарищами. Учись работать головой, а не ручкой, однако. Ты не хочешь куда-нибудь исчезнуть деньков на двадцать? Работа, оно конечно, дело нужное, срочное, но как бы тебе это помягче выразить...»

Я сама не глупая, понимаю отношения четвертой власти с первой. Мысленно пожелав трусоватому редактору всего наилучшего, я сунула под мышку кофеварку и отправилась под домашний арест. А куда мне идти? За вынужденный простой никто не заплатит. Оплата побуквенная (сiju по ночам и считаю буквы, суммируя трудовые копейки). Хорошо, хоть открытым текстом не уволили. «Не психуй, Верунчик, образуется, — посочувствовал на прощание Лешка Первомайцев, невзначай прикрывая локтем забытую мною банку растворимого кофе. — Ты все равно переработала. Отдохни, покопайся в себе». — «Конечно, Лешенька, — печально улыбнулась я. — Хорошо, что существуют тупики: можно остановиться и оглянуться».

В кои-то веки я навела порядок на балконе.

Этот малолетний урод, выпущенный из милиции, позвонил мне тем же вечером.

— Ну что, коза, угомонилась? Заруби на носу, сука рыжая, если вякнешь еще не по теме — то кранты, пиши отходняк по собственному желанию, догнала, а?

Вообще-то я шатенка. Чем и горжусь. Не опуская трубку на рычаг, я позвонила в ближайшее отделение и дословно описала ситуацию. Милиция вдохновенно помолчала. Потом поинтересовалась (лирично):

— А вы ничего не пугаете, девушка?

— Это как? — удивилась я.

— Дело в том, что у нас лежит заявление от гражданина Чистякова А. В. В нем он пишет, что подвергается ежедневным нападкам со стороны некой гражданки Поляковой В. В., в связи с чем убедительно просит органы милиции оградить его от этих настойчивых домоганий всеми доступными нам средствами.

— Ух ты, — восхитилась я. — А чем я ему насолила, он не пишет?

— Очень даже подробно. Вы надеялись его соблазнить, польстившись на трехкомнатную квартиру в «доме под строкой», а когда не удалось, прибегли к угрозам и дешевому шантажу.

— Ну извините. — Я вздохнула и повесила трубку.

Из оцепенения меня вывел продолжительный звонок в дверь. Я как чувствовала неладное — не пошла открывать. Звонили настойчиво — сначала длинно и пронзительно, потом короткими захлебывающимися трелями. В завершение начали пинать.

— Ну ты, коза! — молодо и агрессивно орали на весь подъезд. — А ну открывай, шмара

драная! Мы тебе шерстку вылижем! Уроем, б...! Еще один звонок, и молись за свою задницу, сучонка, не жить тебе, усекла, отпендюрим и забьем на хрен!..

Этих одноклеточных там было как минимум трое. Попинав дверь, они скovyрнули звонок, некоторое время постояли, погоготали, после чего убрались. А меня добрых полчаса после ухода этих отмороженных било крупной дрожью. Так уж получилось, что в просторной двухкомнатной квартире после смерти родителей я проживаю одна. Приятеля с треском выгнала, замужем — никогда. Хотя однажды пыталась. Впору фильм снимать про сбежавшую невесту. Женишок мне в принципе нравился, хотя и имелись у него определенные странности, заставлявшие задуматься. Например, мамаша с головой горгоны Медузы, к которой он относился, как солдат-новобранец к большому трехзвездочному генералу. Она явилась на «смотрины», вся из себя размалеванная, но на меня даже не глянула. Ходила из комнаты в комнату, осматривая квартиру, на глаз прикидывала высоту потолков и настойчиво интересовалась, во сколько кирпичей несущая стенка. Уяснив, что в два, заметно оживилась. «Женитесь, дети мои!» После этого визита мои матримониальные устремления как-то съезжились. «Ты не останешься сегодня на ночь?» — уныло спросила я у будущего супруга, когда мамаша удалилась в туалет. «Не могу, родная, — растерянно пробормотал тот. — Мне маман не разрешила. Говорит, до свадьбы я обязан ночевать дома. А как раз сегодня она хочет со мной побеседовать». Не думаю, что этой ночью мамаша предлагала сынку столько суверенитета, сколько он сможет унести. Дальнейшие свидания подтвердили — дело не к добру. Я стала искать повод не выходить замуж. Любой. Как назло, эти упыри почувствовали мою настороженность; за неделю до свадьбы — ни одного повода! Пришлось самой фантазировать. Мой дражайший суженый (скорее дрожащий и ряженный) обожал бисквит с кремовой заливкой. Я загрузила эту беду в жарочный шкаф, а сама принарядилась, глазки подвела. А сунула голову в духовку — горячая волна как ударила мне в лицо!.. «Ты какая-то не такая», — подозрительно заметил жених, входя в квартиру. «Сайты не такой», — проворчала я и посмотрела в зеркало. Да как застыла с раскрытым ртом. Ну и корова! Ресницы слиплись, щеки в жирных разводах! Зато бисквит на столе. Пока он корчился от хохота, я решила твердо — вот он, повод. Замуж ни ногой. И не пошла. «Ты знаешь, мама разрешила последнюю ночь перед бракосочетанием провести с тобой», — обрадовал меня женишок. Ну конечно, подумала я, все ждалки прождала. «Голова побаливает от счастья, — с сожалением вымолвила я. — Давай последнюю ночь проведем раздельно, а завтра сольемся в тихом семейном экстазе?» Он посмотрел на меня очень встревоженно — не собралась ли я в последнюю ночь гульнуть на стороне? Но ушел, традиционно чмокнув меня в ухо. А я по-быстрому собрала вещички, бросила сверху томик Хмелевской с романом «Бесконечная шайка» и на недельку перебралась к подруге. Но и там меня нашли несостоявшиеся родственники. Разъяренная свекровь грудью билась в дверь, требуя сатисфакции, а подруга встревоженно интересовалась, не вызвать ли знакомых братков для рассеивания свадебной церемонии, а то ведь эта фуфырища дверь вынесет...

Последний визит молодого поколения остро напомнил о событиях трехлетней давности. Я извлекла из пыльных запасников газовый «ИЖ» и положила в прихожей. Буду отбиваться до последнего вздоха. Но наступило подозрительное затишье. Сорок восемь часов меня никто не беспокоил, не звонил, не выламывал дверь. По естественным причинам я из дома никуда не отлучалась. Читала труды американских публицистов о кумире моей юности Аль Капоне. Пила кроваво-красный каркаде (для окончательного отошания) и догрызала последние сухарики. На исходе второго дня позвонил Лешка Первомайцев —

поинтересоваться, в какой стадии гнилостных изменений я пребываю.

— В стадии самоедства, — тускло отчиталась я. — Доедаю желудок. Кожа отлипает лохмотьями, образуются гнойные нарывы, кишащие опарышами, чернеют ноги, и волосы вылазят пучками.

— Это не страшно, — решил Первомайцев. — Поправишься. У меня вон тоже волось вылазят. Не шучу, Верунчик. С жуткой силой, я конкретно в панике. Ты не знаешь эффективного новомодного средства от облысения? Я уже перепробовал все старомодные, только хуже стало.

— Знаю, — сказала я. — Кастрация.

Лешка обиженно попыхтел в трубку:

— М-да, Верунчик, чувствительно... Похоже, тебя там основательно приперло... Между прочим, я вчера ходатайствовал о тебе. Поднялся к Плавскому, не убоюсь, и расписал все твои достоинства, о которых ты постеснялась ему сообщить. Он выслушал меня благосклонно. Не нужно стесняться своих достоинств, Верунчик.

— Я еще не уволена? — с бесстрашной невозмутимостью спросила я.

— Ну что ты, — подчеркнуто бодро возмутился коллега. — Таких, как ты, увольнять нельзя. Им сопутствует удача. От них всего лишь раз в году бывает вред, а ежедневно — польза. Но ты знаешь, Верунчик, — перешел на нормальный стиль общения Первомайцев, — я бы посоветовал тебе лично связаться с Плавским. Трудно признаться, но ты лидер группы риска. Секретарша Ангелина проболталась, что он звонил Каховцевой из «Знамени Сибири» — ну, ты знаешь эту бесстыжую мымру, маму удавит за скандальный сюжет! — и настойчиво интересовался, не согласна ли она за баснословный оклад перейти в нашу газету. Не могу взять в толк, к чему бы это?

Повесив трубку, я принялась усиленно размышлять. Мысли роились в голове самые отвратные. С попаданием в черный список для меня закрыты все газеты города, даже хваленые «независимые». Даже те, где в руководстве сидят приличные с виду люди и кричат на каждом углу, что при подборе кадров руководствуются профессионализмом.

Впрочем, с последними можно поработать под псевдонимом. Или, к примеру, помолиться за дальнейшее благоденствие и процветание отдельно взятой невелички. Или без ложной гордости позвонить Плавскому, спеть аллилуйю, покурить фимиам и прогнуться радугой.

Ни одна из этих задумок не была реализована. По мою несчастную душу явился демон. Черный ангел в человеческом обличье, имеющий желание ввергнуть меня в пучину ада...

Пролетели другие сорок восемь часов.

— Вера, дорогая, мы так давно не слышались! Как ты поживаешь? — раздался в телефонной трубке подзабытый щебет подружки Клавы (со времен осады ее квартиры разгневанным семейством жениха ипохондрик Клава старается со мной не общаться).

— Неплохо, — процедила я. — Все по-старому: живу, кайфую. Повелеваю временем и пространством.

— Куришь?

— Курю. Две пачки «Беломора» натошак. Как молитва.

— Господи, да когда же ты накуришься? — Очевидно, дым моих безвредных сигареток долетал на другой конец города. Или Клава опять где-то вычитала, что курение опасно для здоровья. Я приготовилась к затяжной осаде. Что может быть хуже мнительной классической зануды?

Ноу Клавы в этот день имелись на меня другие виды.

— Чем ты занимаешься? — радостно спросила она.

— Ем торт «Причуда» от фабрики «Большевик», — соврала я.

— Маша тоже просит кусочек, — хихикнула Клава. — Слушай, подруга, есть возможность смотаться в Англию. На недельку и назад.

— Ну смотайся, — снисходительно разрешила я.

— Не мне, а тебе.

Прозвучало очень странно. Я в растерянности помолчала.

— Растолкуй.

— А все очень просто, как замуж выйти, — щебетала канарейкой Клава. — Я бы и сама охотно съездила, но не могу. У меня мигрень в голове — это раз. Юбилей на носу — это два. И в загранпоездку требуется журналистка — это три. А я затурканная медсестра в психичке. Умею писать только жалобы главврачу на непристойное поведение пациентов и заявления на отпуск.

— Ты здорово объясняешь, — похвалила я. — Попробуй еще разок.

— Дочирикались, — захихикала Клава. — Повторяю для глухих тетерь. Требуется репортер для поездки в Англию — в свете освещения одного светлого и радостного события. Аккредитация необязательна. Рядом со мной сидит моя старая знакомая... Вернее, старая знакомая моей покойной мамы — она так утверждает и говорит, что у нее по личным, неотложным причинам срывается командировка в старушку Англию... вернее, уже сорвалась, и нет ли у меня знакомой журналистки по имени Вера Владимировна Полякова, не испытывающей отвращения к загранпоездкам?

— А тебе не кажется, что это звучит тупо? — резонно заметила я.

— Ой, Верунчик, а давай она сама тебе все объяснит? Ты располагаешь свободным временем? Зачем мы будем играть в испорченный телефон?

— Хорошо... — Я чуть помедлила. — Пусть приезжает. Но объясни этой... старой знакомой, что я безумно занята и уделю ей не больше получаса, а к чаю смогу предложить только чай, поскольку торт я уже доела.

Через двадцать минут постучали в дверь — ровно столько надо, чтобы при наличии «зеленых» светофоров доехать на такси от Клавы до меня. Я изучила в глазок перспективу лестничных пролетов и неестественно прямую особу, застывшую перед дверью. Она смотрела на мой раскуроченный звонок.

— От Клавы, — негромко сказала женщина.

Пароль сработал. Я отомкнула оскверненную малолетними убийцами дверь. Впустила незнакомку.

— Здравствуйте, — сказала незнакомка.

За исключением черного плаща и неестественно прямой спины, в ней не было ничего демонического. Ни одной приметы, указывающей на причастность моей гостьи к войску «ангелов тьмы». Улыбчивая женщина с приятным усталым лицом. Ровная стрижка, ухоженные руки. Шляпка — как у всех. И для «старой знакомой» не такая уж старая. Ну сорок — сорок два. Немного застенчивая, немного растерянная. Но явно ждущая от меня принятия решения.

— Добрый день, — поздоровалась я. — Проходите, пожалуйста.

Она отказалась от чая. Отказалась от приглашения присесть в мягкое кресло. Опустилась на краешек стула и безотлагательно приступила к делу.

— Вы простите меня, Вера, за сумбурное начало... Дело в том, что я не могу поехать в Англию — по семейным обстоятельствам. Они возникли внезапно — эти досадные обстоятельства... Понимаете, Вера... — Женщина слегка порозовела. — У меня сын слег... в клинику для страдающих наркологической зависимостью. Мы с таким трудом его туда поместили — он сбежал из дома, прятался на даче, отлавливали с помощью милиции, на грядах, как какого-то кролика... — По виску женщины резко запульсировала фиолетовая жилка. Но она сумела справиться со сложными чувствами — висок быстро успокоился и побледнел. — Словом, обстоятельства убедительно требуют моего присутствия в стране. Вы должны понять. Мы найдем другого человека, в этом нет проблемы. Но не хотелось бы подводить руководство. И... людей, о которых я должна написать. Пока оформят нового работника, пока согласуют в Англии, уйдет полмесяца. А встречу никто переносить не будет, и через неделю репортаж должен быть готов. В этом нет ничего сложного, поверьте — три-четыре дня повертеться в компании интересных людей и сделать набросок статьи обо всем, что там увидите. А какие там дивные места, Вера... Просто сказка. Восточное побережье Англии, уютный домик, полный пансион, непуганая природа...

— Подождите, — некультурно перебила я. — Во-первых, вы не представились. Во-вторых, звучит по меньшей мере странно. Описанное вами удовольствие можно предложить любому журналисту — он с восторгом согласится. Покажите мне человека, несогласного на всем готовеньком посетить Англию. Это абсурд. И незачем ради поиска подмены лететь в Сибирь, выходить на мою подругу и совершать кучу других малопонятных действий, когда это можно сделать проще. Ведь вы не сибирячка? Ваша манера вести себя, невзирая на хорошее воспитание, с головой выдает в вас коренную жительницу столицы. Это не чудно?

Она ни капли не сконфузилась. Напротив — она обрадовалась моим словам, приободрилась, как будто я ей подыграла.

— Очень рада, Верочка, что вы умеете думать. И не падки на дешевые посулы. Спешу привести вам один убедительный довод. Надеюсь, вы не против? — Она открыла сумочку и извлекла на свет обтянутое кожицей удостоверение. — Откройте, пожалуйста, и внимательно изучите. Это документ, удостоверяющий мою личность.

Я открыла документ и внимательно изучила. Предложенное мне удостоверение не могло не вызывать уважения. Это были корочки одного видного московского издания, учрежденного еще во времена папы-Ленина и благополучно дожившего до наших дней. Фотография изображала женщину, сидящую на моем стуле. Возможно, слегка помолодевшую, но, вне всяких сомнений, ее.

— Не замечаете ничего необычного?

Для других — нет. Для меня — пожалуй. Не создай я искусственную преграду своему удивлению, оно бы выразилось в более адекватной форме. Но я намеренно себя сдерживала. Отделалась ухмылкой.

— Впечатляет, — сказала я, возвращая удостоверение. — Местами даже забавно. Вы — Полякова Вера Владимировна. Я, собственно, тоже.

— Я в курсе, — кивнула женщина. — Оттого мы и сидим рядом.

— Трудно было меня найти?

— Практически без проблем. Полчаса компьютерного времени. Существуют файлы, дающие всестороннее представление о российском журналистском корпусе. К сожалению, не просто получить на них разрешение, эти списки — в компетенции федеральных органов госбезопасности, но если у вас имеются связи... — женщина многозначительно

помолчала, — то поиск значительно упрощается. Простите, что вышла на вас через Клаву, это глупо, неэтично... Хотелось схитрить, а получилось убого. Еще раз простите. Признаться, я оробела. Слишком редкое совпадение, знаете ли. Дело в том, что в Англии ожидают именно Полякову. Веру Владимировну. Долго объяснять, да и ни к чему, наверное. На месте поймете. Это связано с консервативным мышлением англичан, кардинально отличающимся от нашего. Нет, ничего серьезного, уверяю вас. Но спорить с ними бесполезно — упертые, как бараны... — Моя абсолютная тезка на мгновение растянула губы в улыбке. — А работа, как я уже говорила, очень непьющая. Вы согласны, Вера?

В этой женщине, несмотря на приятную внешность, было что-то магическое. Она смотрела на меня запавшими, почерневшими от усталости глазами и каким-то невероятным образом умудрялась глушить во мне тревогу. Так летучие мыши-вампиры с первым укусом вбрызгивают под кожу жертвы обезболивающую жидкость, дабы впоследствии безбоязненно присосаться и с чувством попировать на ничего не подозревающем животном.

— Вы согласны? — повторила она. — Уверяю вас, это чистая, не сомнительная в плане легитимности поездка. Вы спасете меня, а я при случае отблагодарю вас.

— Ну не знаю... — забормотала я, проявляя презренное малодушие.

— Скажите, у вас имеется загранпаспорт?

— Ну конечно, но...

— Прекрасно, давайте его сюда. Вот конверт, здесь командировочные. Десять тысяч рублей — на билет до Москвы и обратно. Рейс «Трансаэро», очень удобен. Двести фунтов стерлингов — непредвиденные расходы. Послезавтра в Москве зайдете по адресу Сущевский Вал, двенадцать, квартира шесть. Вам выдадут паспорт с проставленной визой, там же — билеты до Лондона и назад. В Хитроу вас встретят... Полагаю, вы сумеете отпроситься у начальства под благовидным предлогом?

Я растерянно вертела в руках абсолютно белый конверт. Он казался пухлым и заманчивым. А загадочная женщина уже направлялась к выходу.

— Не забудьте одеться по погоде, Вера. Сводки «Евроньюз», канал «Культура». С семи утра до полудня, каждые полчаса. Я очень на вас надеюсь, вы же не подведете меня? — Она взглянула на меня с настойчивой человеческой надеждой и тепло распрощалась.

Дьявол склонен быть притворщиком. А эта женщина не являлась пешкой в руках Дьявола — она являлась ближайшей его сподвижницей. И притворялась — будь здоров. Дурная тетка, стерва она... — пробуждалось во мне здоровое нытье и быстро засыпало. Загранпоездками я не избалована. Единственная Прага прошлым августом — по итогам удачно завершеного «криминального» года — произвела на меня беспощадное впечатление. Я бродила по улочкам Старого Мiesta, по Градчанам, по Карлову мосту, по красивейшему Еврейскому кладбищу и чуть не плакала от бессилия, что все это не мое. А мое — это жалкая квартира в доме эпохи позднего сталинизма в районе пересечения двух улиц со страшными названиями — Ленина и Советская, в далекой, заметенной сугробами Сибири, которая даже у россиян не всегда ассоциируется с собственной страной. Да работа — на чертовом четвертом этаже, состоящая из кофеварки, компьютерного гения за соседним столом да массы дурных новостей. Не поеду больше за границу, решила я год назад. Только нервы мотать.

Но я летела — быстрее ветра. За пределы СНГ улетать легко — возвращаться трудно. Нестыковки в объяснениях визитерши просматривались явно (особенно про чадо в наркологической клинике — свежо просто до тошноты...).

И в манере себя вести сквозило нетерпение. И документы оформились слишком быстро. Невероятно быстро! Без малейшего моего участия! На Суцевском Валу дверь открыл прозрачный субъект с повадками привидения. «Вы одна?» — спросил, как выдохнул. «Нет, — подумала я, — со мной наемный убийца и еще кое-какая нечисть». Привидение внимательно осмотрело лестничные марши, вслушалось в тишину подъезда, после чего пригласило меня войти в коридор. В самый типовой коридор заурядной московской квартиры — проще говоря, большой. А само астрально растворилось в полумраке комнат. Вернулось и всучило мне очередной белый конверт. Не успела я и рта раскрыть, а привидение уже скрипело замками и зловеще изрекало мне в лицо: «Счастливого пути, барышня...»

Других необычных моментов я не отметила. Я утонула в кресле рядом с иллюминатором, тянула тоник и тихо кайфовала. Вот он, шанс — досадить злосчастному миру! И себя развеять. Нету сил сидеть в четырех стенах, размышляя о незавидном будущем. Достало! А вдруг в туманном Альбионе я найду свою удачу? Месяц мой — сентябрь, сентябрю положен сапфир (означает ясный ум), а сапфир венчает корону английской королевы, в чью сторону я и направляюсь... Чем не цепочка?

По прибытии в Лондон я воочию убедилась — удачу придется искать в плотном тумане. Аэропорт Хитроу и его окрестности затягивал густой кисель с ароматическими добавками смога. Моросило что-то непонятное. Местное время — шесть утра, а что будет твориться с этим воздухом к вечеру, когда он нагазуются до предела?

— Изложите цель вашего визита в страну, — протянув паспорт, прохладно поинтересовался лощеный работник турникета.

— О, сэр... — растерялась я. Мобилизовала школьные знания и зачастила на ломаном королевском: — Работа и еще раз работа, сэр. Видите ли, я журналистка, прибыла по частному приглашению и должна осветить одно яркое событие местного масштаба... Сверх того, я всю жизнь мечтала посетить вашу страну — колыбель, так скажем, цивилизации и оплот протестантизма. Я хочу воочию лицезреть Биг-Бен, Вестминстерский и Букингемский дворцы, Трафальгар сквер, Гайд-парк, Британский музей и господина Тони Блэра... Это не утопия, сэр?

Он с изумлением выслушал про «колыбель цивилизации» и действующего премьера, но не стал настаивать на моем выдворении из страны. Я забросила на плечо сумку и отправилась дальше — напрямик к подтянутому мужчине в ворсистом шевиотовом костюме. Он держал в руке табличку: «Полякова». У него была приятная, хотя и не особо выразительная внешность. Но улыбаться он умел со всем шармом, что и начал делать с первых же минут знакомства.

— Бригов. Вадим, — протянул он широкую ладонь.

— Вера. Полякова, — немного удивленная, я ответила на рукопожатие. По каким-то детским причинам я вообразила, что встречающий будет аборигеном. С моноклем в кармане.

— От вас исходит запах фиалки, — откровенно сообщил встречающий, продолжая улыбаться. Руку, впрочем, отпустил.

— Это знак дурного тона? — Я кокетливо хлопнула глазками.

— Вовсе нет. Признак моветона — в отсутствии женского аромата. На это, кстати, падки местные женщины. В далеком прошлом прекрасные туземки носили диадемы. Ныне они скучны и озабочены мужскими проблемами. Даже жуирствующие особы не издают

ароматов. А настоящая шатенка обязана пахнуть фиалкой. Так же, как блондинка — серой амброй, а брюнетка — черным деревом и мускусом. Это сказал один мудрый медик в девятнадцатом веке, ваш покорный слуга к изречению не причастен.

— Потрясающе, — пробормотала я.

Мой новый знакомый тоже издавал не только звуки, но и аромат. Весьма докучный. Предположительно «Бустер» — резко спортивный, древесный, с примесью мексиканского перца и мускатного ореха с Суматры. Мода такая. Очень благородная. Терпеть не могу восточные пряности.

— Вы позволите взглянуть на ваш паспорт?

Я протянула ему свои заграничные корочки со свежееиспеченной визой. Он не стал их долго изучать. Пробежался по фамилии и сравнил оригинал с фото.

— Вы моложе, чем я думал.

— Все проходит, — улыбнулась я. — Но страшно не хотелось бы, чтобы это случилось завтра.

Я не стала сообщать ему о замене в рядах «отечественной журналистики». Неизвестно, что на уме у человека. Может, развернуть, и будет мне тогда Англия только сниться.

— В таком случае у вас большое будущее, — непонятно с чего вдруг заключил Бригов, внимательно посмотрел в мои глаза и вернул документ. — Ну так что, Вера Владимировна, в путь? Нас ожидает небольшая поездка на автомобиле. Сущий пустяк — километров двести пятьдесят.

— А вы встречаете одну меня? — удивилась я.

— Разумеется, — кивнул Бригов. — Остальные доберутся своим ходом, они знают пункт назначения.

— Скажите, Вадим... — я помялась. — А что я должна делать?

— А вы не знаете? — Он нахмурился. По ладно скроенному лицу пробежала тень — словно от машины по асфальту.

— Знаю, — быстро соврала я, испытывая первые признаки тревоги. — Я буду делать репортаж обо всем увиденном. Подробный и качественный. На основе накопленного профессионального и жизненного опыта.

— Вот именно. — Бригов разгладил лицо и приветливо улыбнулся. — Доскональный, пронзительно яркий репортаж с элементами художественного произведения. Разумеется, не для газеты... А-а, я понял, — догадался он. — Вас интересуют детали.

— Ну конечно, — сказала я. — А вы что подумали?

— А-я-яй, Вера Владимировна, вы бежите впереди автомобиля, детали будут на месте. Какой резон о них сейчас говорить? Пойдемте, совершим небольшое путешествие...

Я не знаю, был ли он приезжим, вроде меня, или проживал в этой туманной стране на правах гражданина, но ориентировался Бригов неплохо. Он вез меня на угловатом черном «плимуте», лихо лавируя между сонными, еле плетущимися местными. Мы миновали развязку и пару пешеходных мостов. Но с выездом на автостраду он вынужденно сбросил скорость: здесь висел густой туман, машины тянулись с черепашьей скоростью, соблюдая дистанцию.

— Поедем через Питерсборо и Скегнесс, — сообщил Бригов. — Это самая короткая и приемлемая дорога.

Я равнодушно пожала плечами: эти названия мне ни о чем не говорили.

Автострада была вполне европейской. Машины шли густо, в четыре потока. Но по мере

продвижения туман рассеивался, машин становилось меньше. Бригов вырулил к разделительной полосе и набрал резвый темп.

Он оказался не таким уж разговорчивым парнем. Не знаю, хорошо это или плохо, но подчас его молчание угнетало. Я не знала, как себя вести. Я отдала себя в руки незнакомых людей, еду в неизвестном направлении заниматься неведомо чем, но Бригов в отличие от меня прекрасно знает, чем я должна заниматься, и считает, что и для меня это не тайна за семью печатями. А веду себя чужаковато, поскольку придуриваюсь. Капкан какой-то для одинокой шатенки...

Мысль о том, что абсолютная тетка сотворила для меня не вполне благо, потихоньку начинала доминировать. Но на первых порах я не тряслась от страха — относилась свои тревожения на счет врожденной впечатлительности. Бригов отделялся скупыми комментариями о картинках за окном. Я в ответ выражала сдержанное удивление и на всякий случай запоминала названия населенных пунктов. Старушка Англия и впрямь показалась мне усталой, пожилой женщиной — повидавшей виды и уже не комплексующей по поводу своей внешности. Покрытые черной копотью дома, грязные кровли, многочисленные фабрики с огромными дымовыми трубами. Серый люд, объевшийся овсянки и спешащий на работу. Редкие перелески, поля со скошенными злаками. Деревенки с архаическими остороконечными крышами. Снова невзрачные кирпичные корпуса, трубы, грязные канавы, песчаные карьеры, отвалы, забитые промышленным мусором, безжизненные красные холмы.

— Не самые живописные места, — проследил за выражением моего лица Бригов. — Есть и покраще. Корнуолл, например. «Кольца друидов», слышали? Травка зеленеет круглый год, эль и портер текут рекой. Цветочные плантации до горизонта... Руины Стонхенджа на Солсберийской равнине у болот Девоншира... А здесь, как видите, сплошные карьеры да швейные фабрики. Продажа шерсти — важнейший источник богатства нации. — Бригов ухмыльнулся. — У них даже лорд-канцлер в парламенте восседает на мешке с шерстью, представляете, какая прелесть?..

Единственную остановку мы сделали на окраине городка Берфорд, у тихого супермаркета со стоянкой для машин. Здесь я впервые увидела пост дорожной полиции — бледный аналог нашей российской ГАИ. Парни в клетчатых черно-зеленых фуражках вовсю «гибэдэдэшничали» — сидели в белом «остине» с зеленой полосой и увлеченно жевали булочки с беконом. Бригов встал почти впритык — те и ухом не повели.

— Вам ничего не надо купить? Учтите, Вера Владимировна, через час мы прибудем, а с магазинами в наших краях довольно напряженно.

— Продукты? — удивилась я.

— Нет, что вы, — рассмеялся Бригов. — С продуктами как раз полный порядок. Я имел в виду тутти-фрутти — разную всячину. Расческу, например, сигареты. Не забывайте, Вера Владимировна, суток четверо вам придется сидеть на одном месте, а жалобы по поводу отсутствия элементарных удобств я слушать не желаю. Решайте. А мне надо купить сигареты.

Он ушел, а я осталась одна в аскетичном салоне. Плюс двое парней средней упитанности, аппетитно потребляющие кошмарно калорийные булочки. «А не хочешь ли ты обратиться в полицию? — ехидно поинтересовался у меня так называемый здравый смысл. — Посмотри, какие надежные крепкие ребята. Купишь им по паре булочек. Объяснишь, что у тебя скопились подозрения и неплохо бы их развеять, покуда не доехали

до беды. Они обязательно тебя выслушают, в долгу не останутся...»

И пошлют подальше. Бред латентной истерички, обозлилась я. Ничего не случилось. И ничего не случится. Я, по образу Клавы, становлюсь мнительной. Только Клаве год от года видятся болячки, а мне — коварные преступления. Это профессиональная вредность. Рискнул бы Бригов оставить меня в машине, подозревай во мне сомнительную особу?

«Бобби» в картузе вальяжно повернул ко мне барсучью мордашку, смерил взглядом и сыто подмигнул. Он явно наслаждался жизнью. Я в ответ тоже подмигнула. Склеила улыбку. Сцапала сумочку и выбралась из машины. У меня есть двести фунтов, почему я не могу их потратить на свои прихоти?

Супермаркет пустовал. Начало дня — не самое урочное время для шопинга. Бригов копошился в отделе штучных товаров. За кассой позевывал пожилой англосакс в вязаном жилете.

Человек, похожий на викария, осматривал кастрюли. Две худенькие пенсионерки подбирали корм для собачек. Очень бодро жестикулировали. Сытая и загнивающая Европа... От этого безлюдного, набитого товарами пространства исходило такое спокойствие, что я усовестилась по поводу своих недавних страхов. Принялась бесцельно бродить по рядам со всевозможными баночками, коробочками, с удивлением понимая, что купить-то, в сущности, нечего. Многообразие не стимулирует покупательскую активность, напротив — снижает.

— Вы не взяли ничего, — с удивлением заметил Бригов, появляясь за спиной. — Возможно ли такое?

— Увы, — развела я руками. — Расческа у меня уже есть, сигаретами запаслась. Если не возражаете, я куплю что-нибудь перекусить? Знаете, последний раз обедала в Москве, а пока еще доедем до вашего пансиона...

— Обязательно, — кивнул Бригов. — Еда — первейшее удовольствие в жизни. Рекомендую булочки с беконом — в этом заведении они просто домашние. Думаете, просто так здесь копы пасутся?

На двести девятом километре от Лондона, за городком Стрэт-Уолш, Бригов свернул с автострады на восток. Потянулась дорога попроще — через болота и вересковые пустоши. Городок Скегнесс, стоящий на берегу океана, мы объехали западными окраинами. Мелькнули несколько приличных коттеджей с лужайками. Далее потянулись скалы, дорога петляла между ними, как горный серпантин. Встречались небольшие деревеньки (у одной из них Бригов заправил свою грациозную газель, расплатясь наличными), невзрачные мотели с кемпингами. Иногда в прорехах скал открывалось море в серую штормовую полосу. На заключительном этапе путешествия цивилизация окончательно испарилась, остались только скалы. Да солоновато-йодистый морской запах. На двести пятьдесят шестом километре Бригов свернул с дороги, сбросил скорость до минимума и потащился по узкой «одноколейке», умело лавируя между нагромождениями камней. Конечная точка — полное безлюдье. Растительности мало, одни лишь скалы, утесы. Далеко в море выступает высокий мыс, похожий на остров. На скале — отдельные деревья, среди камней — шапки кустов. С материком клочок земли соединяет узкий перешеек, похожий на искусственно созданную плотину. На самом краю мыса, нависая над океаном каменной террасой, возвышался средневековый замок...

Глава вторая

Я вопросительно взглянула на Бригова.

— Вот и проясняется одна из многочисленных деталей, Вера Владимировна, — не спуская глаз с опасной дороги, сообщил Бригов. — Поместье Кронбери, некогда полноценное творение каменных и прочих дел мастеров. Вы видите все, что от него осталось. В девятнадцатом веке эту развалину пытались реконструировать, снесли лишние стены, соорудили вход в донжон, но в целом не преуспели. Слишком малое пространство, чтобы развести строительство. Бросили. Но даже уцелевшее впечатляет, не так ли?

— Сурово, — призналась я, с унынием созерцая вздымающиеся в небо башни. — Полагаю, у него имеется хозяин?

— Чисто номинальный, — охотно откликнулся Бригов. — Некая семейка по фамилии Стэнфорд. Отдаленная родня драчливого сэра Кронбери. Много лет проживают в Оклахоме, а право сдавать эту рыцарскую обитель в аренду поручили одной риелторской конторе в Гримсби. Вы чем-то недовольны, Вера Владимировна?

— Я в восторге, — буркнула я. — Обожаю призраки.

— В самом деле, — расхохотался Бригов. — С призраками в этом замке нам предстоит столкнуться плотно; надеюсь, вы понимаете, о чем я? Но в целом штука безвредная, только ходите поосторожнее — многие конструкции в плачевно аварийном состоянии. Переломы конечностей не будут способствовать продуктивной работе.

Мы спустились с пригорка и въехали на перешеек. Но добрались не дальше чем до середины: дорогу преграждали камни.

— Конечная, — возвестил Бригов. — Дальше пешком.

Мы вышли из машины. Справа кусты, слева камни. Я невольно замерла, охваченная странным чувством. Картина перед нами раскрылась поистине жутковатая — для художника-мариниста, возможно, находка, но для человека, которому предстоит здесь жить... Небо, затянутое плотными тучами. Дождь еще не добрался до берега, но далеко на востоке серую муть полосуют молнии. Слепые очертания башен обретают резкость, становясь от этого еще мрачнее. С горы они напоминали фантом — нечто призрачное, несуществующее, вблизи представляли пугающе реальными. Изъеденные временем башни: слева повыше и стройнее, справа — более приземистая, мощная, вытянутая прямоугольником вдоль моря. Волны цвета асфальта разбиваются о камни, бурно растекаясь пеной, а вокруг, насколько хватает глаз, сплошная вода, с ревом идущая в атаку...

— Нравится? — спросил Бригов. — Видок у вас какой-то отъехавший, Вера Владимировна.

— Я просто кайфую, — проворчала я. — Знаете, Вадим, нестандартно. За долгие годы перед глазами устоялась другая картина, нужно время, чтобы привыкнуть, а вы уверены, что здесь есть тропа?

— С вечера была, — ухмыльнулся Бригов. — Следуйте за мной, не отставайте, будем искать. Давайте сюда вашу сумку...

Особенностью местного колорита являлся также нестихающий ветер, так и норовящий сбить с ног. Преодолевая его сопротивление, мы сделали несколько маневров между камнями и вышли непосредственно к замку. Территория пребывала в глубоком запустении. Пространство перед входом заросло кустами, на флангах высились щербатые останки стен,

словно мхом поросшие травой. Однако электричество имелось — я разглядела провода, висящие довольно низко над землей. Несколько столбов на перешейке и связка через трансформаторную будку с линией электропередачи, проходящей за скалами.

Из помпезного средневекового ансамбля уцелели три строения. Они стояли параллельно морю, связанные между собой. Слева так называемый донжон, головная башня — облупленная ротонда с зубцевидным окончанием стен и заостренной конусной крышей. Под порталом имелся «парадный» вход — тропа упиралась в арочное углубление, в котором просматривалась тяжелая дверь. Справа высился жилой флигель — прямоугольное сооружение о трех высоких этажах с крохотными оконцами и впечатляюще массивной пирамидальной крышей. На первом этаже со стороны суши также просматривалась дверь, но очень узкая, лишенная архитектурного оформления, ведущая, очевидно, в одно из подсобных помещений (о чем говорили груды угля и какие-то ржавые баки, выстроенные в ряд). Донжон с жилым флигелем соединялись нефом — одноэтажным горизонтальным строением с двускатной крышей. На уровне чердака располагались слуховые окошки. Крыша обветшала, с выбитой черепицей, видны контуры каминных труб, явно потерявшие функциональное значение.

— Прошу вас, — Бригов с усилием отворил входную дверь. — Здесь проходит земная слава... Как-то там про «глорию мунди», да? И вы в этом доподлинно убедитесь.

— Сик транзит gloria мунди... — машинально прошептала я.

Испытывая нарастающее беспокойство, я ступила под стрельчатую арку...

Я стояла в совершенно новом для себя мире. Напряженная, чуть вибрирующая тишина. Огромный вестибюль с облицовкой из топорно обработанного камня. Окутанные мглой лестницы. Тусклый свет, сочащийся через два мутных окна на северной стороне. По правую руку — широкий арочный проход. Вероятно, в неф, а из него далее — в жилую часть замка.

Безрадостно вспомнились слова Бритова о призраках. На воздухе они звучали иначе. Это шутка была такая? Насчет плотного компактного проживания...

Шаги отзывались гулким эхом. Мы вошли в неф — сумрачную галерею, украшенную резными столбиками-колоннами. Через тридцать шагов новый вестибюль — начало жилой башни. Нереально высокий потолок — куда такой? Слева две винтовые лестницы: рядом с нами северная, в дальнем конце зала — южная. Между лестницами еще один арочный проем — видимо, выход на террасу, к морю. Напротив, на западной стороне, тяжелые дубовые двери.

— Запоминайте хорошенько, Вера Владимировна. Комнаты дворецкого и горничной. Между ними кухня, совмещенная с обеденным залом.

С ощущением какой-то ирреальности я по стопам Бригова поднялась на второй этаж. В нормальном доме это был бы четвертый. Непривычно просторный коридор. На видимом протяжении — массивные колонны с вычурными капителями. Узоры в форме виноградных гроздьев. (Плитчатый известняк, — буркнул на ходу Бригов, — На века возводили.) В глубоких нишах — двери. Каждую дверь обрамляет собственный декор: на одних цветочные барельефы, на других какие-то сцепки из охотничьей жизни, на третьих — переплетения геометрических фигур. Чересчур тяжелое великолепие. Игра объемов и форм. Но в сущности обычная коридорная система, не понаслышке знакомая каждому россиянину. Вот кабы не эти обескураживающие архитектурные излишества...

— Ваша усыпальня на южной стороне, — объявил Бригов. — Пройдемте.

Этот огромный коридор не был глухим. Мы дошли до середины, когда слева открылся

еще один, перпендикулярный главному. Значительно уже и короче. Он заканчивался массивной дверью с витражом из цветного стекла, через который и проникал в коридор тусклый свет. Я вопросительно посмотрела на Бригова.

— Лоджия, — пояснил сопровождающий. — Если угодно, широкий балкон. Нависает над террасой и служит неплохой смотровой площадкой. Если вам захочется полюбоваться морем, то милости просим.

Мы отправились дальше. Я обратила внимание на очередную не очень приятную «мелочь». В этом коридоре отсутствовало электрическое освещение. Ни на стенах, ни на потолке я не увидела ламп. Лишь по колоннам на уровне плеч были развешаны какие-то тяжеловатые подсвечники-жирандоли. Но гильзы для свеч были пусты, да и вообще трудно представить, что в наше время можно жить при лучинах. В дневное время суток освещения хватало — свет поступал от лестничных пролетов, снабженных узкими оконцами, и от «аппендикса» на лоджию, но как, интересно, здесь выкручиваются в ночное время, когда не видно ни зги?

— А вот и ваша комната, — распахнул Бригов последнюю дверь на южной стороне. — Добро пожаловать, располагайтесь.

Я шагнула за порог, машинально отметив, что дверь почти не заскрипела, а комната выходит на восток, к морю. На гостиничный номер это помещение тянуло с сильной натяжкой. Или вовсе не тянуло. Не бывает таких гостиниц. Верно подметил Бригов — усыпальня. Огромный жутковатый холл с полузадернутыми портьерами на окне. Громоздкая паровая батарея в углублении под подоконником. На потолке остатки былых украшений, фигурные укосины между потолком и стеной в форме каких-то крылатых кошачьих с разинутыми пастьми и ядовитыми жалами. Воплощения человеческих грехов, не иначе. Стены идеально ровные, но в грязно-бурых, вряд ли отмывающихся разводах. В принципе не грязно. Но обстановка скудная и пахнет плесенью. Помимо пыльных портьер — увесистый стол с резными ножками, пара стульев, низкая тахта с комплектом белья на одного человека. В изголовье чугунный светильник с электрической (неужели?) лампочкой под тряпичным абажуром.

— По-спартански, согласен, — оценил мои лицевые ужимки Бригов. — Царица Клеопатра жила получше. Но на четыре дня, думаю, сойдет.

— Да, конечно, о чем речь. Лишь бы не в склепе, — отшутилась я. — Где наша не пропадала?

— Золотые слова. — Бригов подошел к столу и поставил мою сумку на сложенную треугольником скатерть. — А теперь пойдёмте, осмотрим мою холостяцкую берлогу. Она как раз над вами.

— А это еще зачем? — испугалась я.

Бригов в третий раз удивился — давно я не давала ему повода.

— А вы не собираетесь делать репортаж на заданную тему? — Он снова сместил в кучку брови и сделался далеким и холодным.

По правде говоря, я не собиралась делать репортаж. Я бы охотно сделала ноги.

— Ну что вы, Вадим, — попыталась я изобразить наивность. — Просто не представляю, какое отношение к моему репортажу имеет ваша, как вы остроумно выразились, берлога. В ней будут происходить заметные события?

Бригов расслабился и вновь озарился плакатной улыбкой.

— Ценю ваш острый язык, Вера Владимировна. Никаких событий в моей усыпальнице

происходить не будет. Это бы выглядело по меньшей мере странно. Но вы имеете право посещать любые уголки этой крепости — когда вам вздумается и по любому поводу. Я скажу больше — это ваша первейшая обязанность. — Он медленно окинул меня взглядом покупателя-оценщика и зачем-то добавил: — Если вы, конечно, журналистка... Я имею в виду, толковая журналистка...

По всем намекам и недомолвкам, в этом доме назревал журфикс — торжественный прием по случаю чего-то. Но пока никто не шел. А возможно, люди грамотно прятались, используя складки местности, не желая выставляться раньше времени.

Мы поднялись по южной лестнице на третий этаж. Обстановка точь-в-точь копировала второй — за исключением «аппендикса» на лоджию. Те же колонны с капителями, арочные перекрытия с выступающими замковыми камнями. Канделябры в шахматном порядке.

Комната Бригова была поскромнее моей и смотрелась не в пример уютнее. Вместо тахты здесь стояла просторная двуспальная кровать под балдахином, имелся старинный шкаф с бронзовыми ножками, овальная тумбочка. Ковровая дорожка на полу — не первой свежести, но лучше, чем никакая. А главное, воздух не такой затхлый.

— Поменяемся? — тяжеловато пошутила я.

— Э нет, — заулыбался Бригов. — Вы можете приходить сюда в любое время, Вера Владимировна, я всегда рад гостям, но меняться — увольте. Не мое удовольствие. Как говорится, кто успел — того и тапки. А чем вам, собственно, не нравится ваша комната? У вас в Москве спальня поболее?

Я ощутила на лице новое дыхание страха. Возможно, оно повеяло от слов Бригова, а возможно оттого, что он подошел ко мне слишком близко. Для продолжения разговора незачем соблюдать такую короткую дистанцию. Но я не выдала своего страха, осталась на месте.

— Вам, видимо, нравится запах фиалки? — достаточно резко спросила я.

Он не перешел критическую точку. Подавил «хотенцию». Очевидно, сообразил, что в критической точке производная равна нулю (или вовсе отсутствует) и такая глупая ситуация нас может досрочно завести в тупик.

— Извините, — сказал он, притормаживая. — Очень нравится. Я, видите ли, Вера Владимировна, тоже не портянкой утираюсь, поэтому весьма неравнодушен к запахам. Но вы подспудно правы — мы должны в первую очередь заниматься делами. Осмотрите замок, если есть желание. А я устал с дороги, отдохну минут пяток на своем ортопедическом матрасе, не возражаете?

Я учтиво кивнула и вышла из комнаты. И за порогом чуть не окочурилась, когда столкнулась с каким-то вампиром в черном...

Об этом субъекте стоит рассказать подробнее. Он был достаточно в годах и абсолютно лыс. Классический вампир — без преувеличения! Сухой, как щепка, глаза белесые, с красной прожилью, смотрит не на тебя, а куда-то вглубь. На лице вообще никакого выражения — сплошная маска. И одет во все подходящее — для соответствия, видимо, уровню: стоячий ворот с белым нашивным воротничком, прямой в талии костюм — абсолютно черный; жакет почти до колен, брюки с идеальными стрелками. Руки-ноги — по стойке смирно, голова вверх, ну, зомби ходячий...

Я могла стоять часами, отходя от столбняка, рассуждая на тему, а существуют ли зомби лежачие, но положение спас Бригов. Вероятно, моя застрявшая в дверном проеме фигура

повлекла за собой резонное удивление. Меня никто, как Штирлица, не просил остаться. Бригов слегка отодвинул меня в сторонку и недовольно произнес:

— В чем дело. Винтер?

— Трое уже прибыли... — произнес со скрипом и неопределенным акцентом упырь.

Так и просилось в качестве окончания: сэ-эр... Но он закончил более прозаично: — Вадим Евгеньевич.

— Хорошо, — сухо вато сказал Бригов. — Они уже расселены?

— Полагаю, да.

— Что-то еще, Винтер?

— Да, Вадим Евгеньевич.

Надо думать, присутствие журналистки не вдохновляло на откровения.

— Познакомьтесь, Вера Владимировна, — сказал Бригов. — Этот человек выступает в роли дворецкого. В роли профессионально подготовленного, всамделишного дворецкого. Поэтому, если возникнут какие-то бытовые вопросы, можете смело обращаться к нему. Не откажет. Этот парень отзывается на имя Винтер, не забудете?

— Постараюсь, — кивнула я.

— Вы не хотите прогуляться по замку, Вера Владимировна?

— О том и мечтаю. — Я неуклюже соорудила какой-то аляповатый книксен и поспешила оставить этих двоих.

В этом замке было что-то привораживающее и отталкивающее одновременно. Очень странное ощущение — когда глаза боятся, а ноги ходят. Здесь все дышало стариной. Резные «оклады» узких окон, паутина на растрескавшейся штукатурке, деревянные ступени винтовой лестницы, по необъяснимым причинам не издающие скрипа...

Я медленно, наострив уши во избежание нового сюрприза, спустилась по южной лестнице. На втором этаже господствовал полумрак. Слишком мало источников света для такого обширного пространства. Будто в тумане уходили на север ряды каменных колонн, увенчанные виноградными гроздьями. Виднелся освещенный проем на северную лестницу. Я взялась за дверную ручку, чтобы войти к себе в комнату, как внезапно полумрак качнулся. В дальнем конце коридора мелькнула гибкая тень. Я застыла. Человек возник из ниоткуда, а исчез в проеме на лестницу. Все произошло очень быстро, я не успела его рассмотреть. Вроде бы мужчина, но почему такая плавная женственность в движениях? Странно это как-то.

После минутного созерцания пустого коридора я насилу сообразила, что человек не мог появиться из ниоткуда. Из ниоткуда появляются только инкубы, суккубы и прочая нечисть.

А человек, скорее всего, вышел из своей комнаты на той стороне коридора и отправился на лестницу. Надо ему туда. «Трое уже прибыли», — доложил Винтер Бригову. Они расселены по комнатам, не во дворе же. И ничего в этом странного.

А все равно странно. Я толкнула дверь в свой «гостевой зал», а когда стала ее закрывать, обнаружила еще один обидный сюрприз. На двери отсутствовал замок!

Вернее, замок когда-то присутствовал, но это было слишком давно, чтобы обольщаться. Начинка вынута, а на двери красуется лишь ржавый корпус, приличия ради, дабы не болтался, схваченный двумя шурупами. Очень милая картина. Получается, любой желающий может войти в мои апартаменты и делать в них все, что посчитает нужным.

Самое время перестать бояться и унижать себя презренным малодушием. Ничего не

происходит! — сказала я себе. Ровным счетом ничего. Нет причины бояться. Есть только поводы. А твои поводы — мы их давно наизусть выучили. Они определяются твоей врожденной бытовой впечатлительностью.

Некий добрый человек постелил под дверь коврик. Я вытерла ноги и принялась более внимательно изучать свои владения. За занавеской обнаружилось смежное помещение — в некотором роде санузел. В нем имелся унитаз, раковина с протекающим смесителем и голые стены. Вода холодная, причем текла тоненькой струйкой, без веселого напора. Я застелила постель, накрыв ее клетчатой шотландкой, раскрыла окно и долго стояла, наблюдая за беспокойным морем.

В 11.80 по местному времени я решилась выйти в коридор.

Где и получила новый стресс. С испугом, окаменением, прочими сопутствующими. В этом доме все сговорились сделать меня зайкой! Я чуть не сбила какую-то шиншиллу со стопкой белья! Натуральную мышь. Мордасик остренький, глазки бусинками. Одета в серое, с белым передником. Рюшечки, кружавчики. Вылитая горничная из какой-нибудь страшилки про старый замок. Волосы сальные, секущиеся, собраны пучком на затылке — идет по коридору, и хоть бы хрен — никого в упор не видит. Как ни в чем не бывало прошествовала мимо, даже не покосилась.

— Здравствуйте, — сказала я ей в спину.

Шиншилла, не говоря ни слова, повернула на южную лестницу и исчезла. А я осталась с раскрытым ртом, гадая о природе явления. На привидение эта мышь не тянула. Возможно, она была глухонемая и слепая и двигалась по памяти?

Собравшись с мужеством, я отправилась по коридору. Добралась до «аппендикса» на лоджию и повернула направо. Будучи «толковой журналисткой», я должна отметить во всех закоулках этого дурдома. Дверь на лоджию отворилась беззвучно. Я вышла к каменной балюстраде с узорчато выгнутыми балясинами. Основную часть лоджии составляла квадратная площадка, вымощенная плитами. По ее краям располагались каменные вазы, из которых по решеткам вился плющ. В обе стороны от площадки тянулись отводы — небольшие, в полтора метра шириной террасы, заканчивающиеся колоннами, подпирающими козырек. На одной из террас происходило нечто. Вау! — как говорят англичане. Двое самозабвенно занимались сексом.

Не дом, а какая-то грязная клиника... Я оцепенела от такого откровенного бесстыдства. Час от часу не легче. Они меня не видели — я стояла за решеткой, обвитой растениями, и подойти к краю балюстрады просто не успела. Но даже встань я у них под носом, они бы не прекратили своего увлекательного занятия. Страсть застала врасплох. Они совокуплялись яростно, наплевав на весь мир, будто в последний раз. Голубоглазая блондинка с ладно скроенной фигурой вцепилась в перила балюстрады, извиваясь, как змея, и дыша, как загнанная лошадь. А русоволосый парень с приятными, но немного брутальными чертами лица ублажал ее сзади со всем напором молодого энергичного самца.

Тропической жары вблизи океана не наблюдалось, но одежды на партнерах был самый минимум. На блондинке только часы и весело болтающийся крестик, а на ее воздыхателе — спущенные до пола джинсы. Остальная одежда живописно валялась в ногах. Да еще в каменной вазе у них за спиной мирно покоились два чистых фужера и заткнутая пробкой бутылка вина.

Я вышла из оцепенения. Не люблю я контрасты. Секс не выглядел виртуальным,

напротив, все выглядело живо и задорно. Но вместе с тем ощущался привкус какого-то сюрреализма. Такое впечатление, что замок стоит сам по себе, а эти двое — сами по себе, ошибочно спроектировались. А я и вовсе — не пришей куда рукав... Я медленно стала сдавать на исходную — к дверям. Определенно, в этом доме все сумасшедшие (кроме Бритова; этот экземпляр — порядочный темнила).

А не взять ли мне фотоаппарат? — вдруг подумала я. В самом деле, чем не мысль? Злополучный профессионализм обрушился на голову в самый неподходящий момент. Он поспешил напомнить, что я в этом замке не только запуганная особа женского пола, но и журналистка с заданием сделать репортаж обо всем увиденном. Я могу ходить, где вздумается и делать, что заблагорассудится. В сумке — компактная японская фотокамера, затвор бесшумный — идеальная штукавина для освещения пикантных ситуаций. А кое-что я уже увидела... Любовная партия еще не вошла в стадию эндшиля.

Я выскользнула с лоджии и на носках устремилась к себе. И снова застыла в шоке! У меня в помещении находился посторонний! Я слишком быстро влетела в комнату, озабоченная лишь неблагоприятным желанием заснять соитие. И чуть не родила от испуга, когда гибкое худое тело метнулось за портьеру, прочертив параболу от моих вещей к окну. Но слова не потребовались. Он сам сообразил, что номер не удался. После короткой паузы портьера отогнулась, и появился невысокий чернявый человек с азиатскими чертами лица. Молодой, не старше тридцати. В руке четки, в глазах восточное коварство. На лице противная ухмылка. Мягко ступая, он отделился от портьеры и приблизился ко мне, оторопело застывшей у двери.

— Вы что себе позволяете? — жалобно пролепетала я.

Человек улыбнулся с радушием самаркандского деспота. Во влажных миндалевидных глазах сузились зрачки. В них таилась гремучая энергия.

— Простите, — сказал он мягко и почти без акцента. — Я не знал, что здесь живут люди. — По-кошачьи ступая, он обогнул меня, подошел к двери. У порога обернулся, посмотрел крайне пронырливо. — Меня зовут Рустам, а вас? — Ответа он не стал дожидаться, змейкой перетек за косяк и бесшумно растворился в полумраке.

Жуть рогатая. До кошмаров не дожили, а уже страшно. А чего хотел-то? Пошарить по моим вещам? Я быстро перевернула содержимое сумочки. Деньги, документы, аспирин «Упса» — все на месте. Багаж в дорожной сумке: белье от сибирских и белорусских кутюр, крылышки на каждый день, фотоаппарат... Компактное плоское изделие фирмы «Никон» быстро перекочевало в джинсовую курточку, туда же отправились деньги, паспорт. Отчетливо понимая, что время срывать «клубничку» упущено, я все же вышла из комнаты и побежала на лоджию.

Так и есть, незваный гость с замашками домушника поломал все мои неблагоприятные планы.

Когда я появилась на лоджии, там все уже было пристойно. Двое закончили альковные дела, успели одеться и в данный момент в расслабленных позах потребляли из фужеров темно-красный «Пино Нуар». Молодой человек, свесив ножки, сидел на перилах, что-то тихо рассказывал, а партнерша стояла рядом, прислонясь к балюстраде, и туманным взором искала истину в вине. На этот раз мое появление не осталось незамеченным. Оба одновременно повернули ко мне головы. На лбу у молодого человека образовалась глубокая морщинка. Целый каньон с обрывистыми берегами. Фужер угрожающе наклонился. Блондинка в первый момент изобразила испуг, но взяла себя в руки, перекинулась с

партнером молниеносным взглядом и попыталась улыбнуться.

— Приветтики, — сказала я.

— Хай, — воскликнула блондинка. — Очень рады вас приветствовать на земле древних кельтов и их друидов. Вы, наверное, Жанна?

— Нет, я Вера.

— А-а-а, — сказала блондинка, сильно вытянув тяжеловатое у основания лицо. — Ну тогда простите.

— Но все равно мы рады вас приветствовать. Решительно, — смастерил нехитрую улыбку молодой субъект. Настолько нехитрую, что она не помешала отметить покрывающую его лицо мертвенную бледность. Блондинка также не лучилась жизнерадостностью. У нее подрагивала рука, сжимавшая фужер. Возможно, это было следствием моего внезапного вторжения, возможно, остаточным явлением неистового любовного акта.

Но вероятнее всего, ее терзали нерадостные мысли, избавиться от которых не могли ни прелести туманного Альбиона, ни сексуальная мощь партнера.

— Арсений, — представился молодой субъект, возвращая фужер в неопасное положение. — А это Эльза.

— Хай, — повторила Эльза. — Как поживаете, Вера?

У меня возникло сильное подозрение, что она пытается показаться глупее, чем есть на самом деле. Любимое занятие блондинок. И еще одно сильное подозрение — что все эти имена ненастоящие. Равно Бригов, Винтер... Что все люди, присутствующие в замке (кроме меня, неразумной), пользуются псевдонимами, намеренно прикрывая свою истинную суть.

— А вы, наверное... прислуга? — предположил Арсений.

— Журналистка, — объяснила я.

— Это как? — распахнула глаза блондинка.

— Род деятельности такой, — пожалала я плечами. — Бойкая работница пера.

И тут я на своей шкуре почувствовала, до чего напряжены эти двое. Они выдавливали труса по капле, не позволяя страху взять верх над рассудком, но после моих слов как будто лопнули заслонки — и их свернутый в три погибели страх обрушился на меня, как самосвал с обрыва. Не в силах больше контролировать дрожь в суставах, блондинка расплескала вино. Арсений посерел, покрылся дополнительными морщинами. Да и я была не в лучшей форме: стало трудно дышать, словно вакуум навалился из космоса, вытеснив пригодный для дыхания йодистый воздух.

— Что-то не так? — глубоко вдохнув, поинтересовалась я. Не думаю, что я вела себя неправильно. Никаких указаний от Бригова относительно слова «журналистка» я не получала.

— Зачем вы здесь? — тихо спросил Арсений.

— Выполняю задание хозяев, — как можно безмятежнее ответила я. — Сделать репортаж о встрече в замке и предоставить его на рассмотрение. Вы участники встречи, я правильно поняла?

Они посмотрели так, как будто я уже превратилась в скелет и занесла над ними косу. Пусть слабое, но утешение: не одна я тут дергаюсь и припадочно страдаю.

— Что-то не так? — повторила я.

— Ур-роды... — сплюнул в сердцах на перила Арсений. — Какие, право слово, ур-роды... — Затем он быстро вскинул на меня глаза: — Простите, Вера, к вам это не имеет никакого отношения. Я имею в виду других людей...

— Каких людей?

— Да организаторов этого...

«Мероприятия», — закончила я за Арсения. Молодой субъект предпочел не развивать тему. Он даже не поинтересовался, а как лично я отношусь к столь деликатному поручению, что было бы логично. Они совсем скисли. Никто из них не предложил мне выпить вина и поговорить по душам. Блондинка опорожнила фужер, протянула партнеру за добавкой. Арсений машинально налил и сам приложился к горлышку.

— А вы давно знакомы? — полюбопытствовала я.

Блондинка отрешенно кивнула:

— Давно.

— Мы познакомились на этой лоджии, — добавил Арсений, вытирая рукавом уста. — Минут двадцать назад.

— Полчаса, — блондинка посмотрела на часы и пошевелила пухлыми губками. — Я вошла без четверти. Как в открытое бурное море. Ты стоял у этих перил, словно капитан на капитанском мостике. Твой корабль разрезал носом волну, и соленый ветер дубил твою мужественную кожу...

— Ты вошла совершенно случайно, — пробормотал Арсений.

— Ясное дело, — согласилась Эльза. — И бутылка вина с двумя фужерами оказалась в моих руках совершенно случайно.

Я не дерзнула задавать им лишние вопросы. Кто такие, откуда. Почему заброшенный замок в сердце восточной Англии оказался в руках подозрительных русских, каждый из которых занят своим сомнительным делом: одни темнят, другие пугаются, третьи... пугают. Слишком уж очевидное несоответствие. Подлинная Вера Владимировна Полякова, от имени которой я имею честь выступить, ответы на эти вопросы обязана знать.

— Приятно было с вами побеседовать, — сказала я и покинула странную компанию. Но оставаться совсем уж непосвященной я посчитала бы оскорбительным. Как-никак, а опыт работы в условиях затрудненного понимания задач за годы наработан.

Я решила разведать, где поселили этих двоих. «Трое прибыли», — отчитался Винтер. Первый — Рустам с повадками багдадского вора. Гуттаперчевый торс мелькнул в конце коридора, напугав меня еще до возмутительного явления в моей комнате. Выходило одно из двух: либо он жил в этой зале — первой от лестницы на западной стороне коридора, либо опять же забрел к кому-то в гости с намерением покопаться в вещах. В коридоре никого не было. Я на цыпочках добежала до своей комнаты и притаилась за колонной. Идея отдавала легкомыслием — далеко не факт, что эти двое покинут лоджию. Раздавят бутылочку и опять займутся любовью, дабы стабилизировать падающее настроение. Дождись их тогда. Скорее опять шиншилла испугает. Или Рустам очередную пакость шепнет на ухо...

Я развернулась вполоборота — в этом доме надо контролировать все подходы, чтобы не оказаться раньше времени в дурке...

Я прождала минут пять. Наконец послышались голоса, и из «аппендикса» вынырнули Эльза с Арсением. Голоса стихли. Они застыли в матово освещенном пространстве, склеившись в подозрительно долгом поцелуе. К завершению трогательной сценки руки Арсения принялись похотливо блуждать по холмам и впадинам блондинки. Эльза отстранилась. Опять послышались голоса. Они звучали еле слышно, заглушенные колоннадой и наполненным миазмами ужаса пространством.

— Не надо, милый, я устала, приходи попозже... Я должна побыть одна. Да и тебе не

повредит немного одиночества, нам ведь есть о чем подумать?.. Ступай к себе, не терзай меня, а вечером встретимся и все согласуем...

Преодолевая сопротивление мужских рук, Эльза оторвалась от Арсения. Ее комната находилась совсем рядом — напротив «аппендикса», она сделала два шага и исчезла в богато орнаментированной нише. Арсений остался один посреди холодного пространства. Он показался мне каким-то незащищенным. Поначалу дернулся за Эльзой, потом остановился, махнул рукой. Поозирался и принялся всматриваться в черноту коридора. Я боязливо ушла за колонну, по-шустрому прикидывая, сумею ли тихо смыться в нишу, а из нее — в комнату. Могла бы и не мучиться — стоящий на свету ни черта не видит во тьме.

Повертев головой, Арсений вынул из нагрудного кармана носовой платок, размашисто утер лоб (неужели вспотел?). Затем он развернулся и медленно направился к северной лестнице. Там свернул направо, то есть ступил на марш, идущий вверх. Я оторвалась от колонны и побежала на южную лестницу. В считанные секунды взлетела на третий этаж, вбежала в коридор и укрылась за аналогичной колонной — позади комнаты Бригова. Арсений поднимался куда медленнее. Я успела отдышаться, а он только появился в проеме. Унылой тенью вплыл в коридор, но далеко не пошел. Повернул налево и скрылся в первой же комнате. Над Рустамом, прикинула я. Наступила определенная ясность. Гости расселены, и каждый сверчок знает свой шесток — по крайней мере место средоточия своих личных вещей.

Но тщательно восстановленная в голове планировка башни и диспозиция гостей рассыпались в прах. Распахнулась дверь в комнату Бригова, и я чуть не получила по носу. Пришлось срочно нырять за колонну — в узкую щель между стеной и узорчатой опорой.

— Хорошо, — раздался исполненный корректности женский голос. — Я все прекрасно поняла.

Показался белый передник. За ним мышиный нос и все остальное, доходчиво свидетельствующее о том, что местная шиншилла не такая уж глухонемая.

— И позаботьтесь о белье, Юдифь. Не забывайте, нам понадобятся еще три комплекта, — донесся из глубины комнаты голос Бригова.

Юдифь?.. Ни хрена себе имя собственное. Благо я уже научилась удивляться в движении. Пока шиншилла выслушивала последние наставления Бригова, я протиснулась в щель, для чего пришлось максимально сплюснуться.

— Я поняла, Вадим Евгеньевич, — сказала мышь и с натягом затворила дверь. Прошоркали подошвы — выставив нос и задрвав крохотный подбородок, шиншилла поплыла по своим делам. Чтобы высвободить себя из объятий каменного плена, мне пришлось вдохнуть полной грудью. После чего я привстала на цыпочки и дюйм за дюймом вытянула себя из щели. При этом моя голова зацепилась за металлический предмет.

Глава третья

Я не сразу обратила на это внимание. Сделала несколько шагов, а затем вернулась. Предмет был явно из металла, причем имел острую грань. Это необычно. Металлические шуковины на каменных колоннах? Я ощупала все места, за которые могла зацепиться головой, и в итоге обнаружила эту железную коробочку. Вроде серого напыла на серой стене. Я придвинулась к ней почти вплотную. Стала изучать. Напыл имел ярко выраженную прямоугольную форму с характерным утолщением в направлении коридора. К колонне он крепился посредством стального штифта, вбитого в трещину.

Капелька пота поползла по спине. Не нужно быть спецом в области высоких технологий, чтобы распознать обыкновенную видеокамеру... Я оторвалась от колонны и, перебирая ладонями по стеночке, сместилась к следующей колонне. Что натолкнуло меня на эту мысль? Я начала ощупывать следующую колонну, особенно участок, наиболее благоприятствующий наблюдению за коридором. Опять нашла видеокамеру! С аналогичным штырем. Я кинулась дальше. Третья колонна оказалась чистой, на четвертой я вновь наткнулась на железку! В отличие от первых двух, эта была развернута в обратную сторону, но при желании также могла держать под прицелом приличный кусок коридора. Набравшись смелости, я принялась осязать поверхность колонны выше видеоискателя и задела тонкий провод, отходящий от камеры и ползущий куда-то ввысь, к заплесневелому потолку...

Оглушенная страхом и изумлением, я опустилась на корточки. Прислонилась к стене и попыталась образумить свои чувства. Дело ясное, что дело темное. Замок опутан подсматривающей аппаратурой. Надо думать, она везде — от первого до последнего этажа, включая террасу, лоджию (вот потеха!), а возможно, и примыкающие сооружения. Провода уходят на чердак, сплетаются в общий кабель... Для чего, дело очевидное — подсматривать! Вероятно, и подслушивать. Причем развешена аппаратура до того умело, что наткнуться на нее можно лишь случайно, что я и сделала. Либо зная о ее наличии.

Но тогда возникает ряд каверзных вопросов. Некоторые из них так и вопиют, перебивая друг друга. А скажите, каким образом эти камеры снимают в темноте, при отсутствии электрического света? Они инфракрасные? А где находится операторская (для кого все это снимается и кто ведет мониторинг?)? А осуществляется ли съемка в настоящее время? Или камеры отдыхают, ожидая своего часа?

Голова гудела, как звонаря в пасхальный день. И самый главный вопрос рисовался красной краской, поперек сознания: а не собрат ли мне вещички, да мало-помалу, медленным шагом, робким зигзагом, не смотаться ли мне из этого странного дома, где события происходят загадочные, а публика как на подбор сумасшедшая?

И ответ вспыхивал, перечеркивая все мои сомнения: нет причины умирать от страха! Нет нужды спасаться бегством! За часы моего пребывания в замке не произошло ни одного по-настоящему неприятного события, не говоря уж о событиях трагических и непоправимых. А состояние мое — следствие тягостной обстановки, вызванной не в последнюю очередь дурацким заплесневелым домом...

Я отчетливо понимала и еще один неприятный аспект: своим бегством без причины я могу нажать дополнительные неприятности. Поэтому, отсидев недолгое время на полу, мне не осталось ничего иного, как намотать волю на кулак и продолжать обследование замка. Я

добрела до южной лестницы и, не встречая живых существ, спустилась в вестибюль. Еще одно величественное помещение с явной нехваткой уюта. Покореженные от времени стены с пустыми бронзовыми жирандолями освещались единственным источником: дневным светом. Он в достаточной мере проникал через широко открытые двери на террасу. По ногам дул ветерок. Причудливой игрой света и тени очерчивались две винтовые лестницы в разных углах помещения. Арочный свод в примыкающий неф. Прокопченные дубовые двери, три штуки, на западной стороне. Обиталище дворецкого, кухня, комнатка шиншиллы... Впрочем, нет, не шиншиллы. Эта крыса коридорная имеет имечко, да такое, что одуреть можно. Юдифь. Пресловутая вдова — во время осады ее родного города ассирийским воякой Олоферном отправилась к тому в стан, уложила в койку и отхватила, коварная, ему голову мечом. Куда охрана смотрела? Великий Джорджоне эту «агентессу» так и запечатлел — мордашка кротенькая, в ручонке меч, пухлой ножкой поигрывает отрубленной головой, будто мячиком футбольным...

Я приотворила дверь на кухню, полагая по причине слабоумия, что в лоб не получу, а необходимые знания обрету и приобшучу к копилке. Ничего особенного я за дверью не увидела. Помещение изгибалось буквой «Г». В видимой части располагалась кухонная и подсобная утварь, старинные баки для стирки, деревянные кадки, горшки, слева — два четырехместных стола, покрытых скатертями. Большая печь с тяжелой стальной дверцей, служащая, очевидно, источником нагрева паровых батарей в помещениях. Напротив двери — выход на улицу, у порога — ведро с углем. В невидимой части кухни работало какое-то электрическое устройство, шипела плита и производились ароматы, способные свести с ума любого голодного гурмана.

Я прикрыла дверь и отправилась на невидимую половину, где вершилось кулинарное таинство. Лучше бы я этого не делала. У замка Кронбери необычно длинные уши (чтобы лучше слышать тебя, Вера Владимировна...). Не успела я докрасться до угла, откуда уже просматривалась затрапезная плита с конфорками, как мне навстречу шагнул дворецкий. Такое ощущение, что этот экземпляр прятался за углом. По мою ранимую душу. Я опять перепугалась...

А как еще себя вести, когда из-за угла вылетает костлявый верзила с окровавленным тесаком?..

Чуть сердце не выпрыгнуло. Я с шумом втянула воздух — словно топливо в прохудившийся карбюратор.

— Я вас слушаю, мэм, — дребезжащим голосом, растягивая гласные, проговорил дворецкий.

Этот господин с веселой внешностью вампира, похоже, совмещал свои блуждания по замку с поварскими обязанностями. И никакой он не англичанин — куда ему? В лучшем случае прибалт. Тоже мне Бэрримор доморощенный...

Я опасливо покосилась на тесак, с которого капала самая что ни на есть кровь.

— Э-э... Видите ли, Бэrr... м-м, прошу прощения, Винтер, весьма бы хотелось узнать, когда мы сможем пообедать.

Дворецкий даже ухом не повел. Глаза остались холодны, как проруби в арктических льдах.

— Обед по расписанию, мэм. В четырнадцать ноль-ноль. Ужин — в девятнадцать тридцать. Вы можете спуститься сюда и принять пищу за столом, наравне со всеми. Можете заказать в номер, вам доставят на подносе.

— Я поем у себя, — сглотнула я.

Этот тонкокожий субъект с обтянутыми скулами умел говорить, почти не раздвигая губ. Его слова не нервировали барабанные перепонки, они проникали сразу в мозг.

— Хорошо, — продребезжал дворецкий, — я учту. Со всеми вас не устраивает. Еще вопросы есть?

Я покосилась по сторонам — как назло, ни единого зеркала. И не поймешь, отражается ли этот долговязый.

Можно было, конечно, поинтересоваться содержанием меню (и получить тесаком по шее), но на такое хамство я уже не отважилась. Пробормотав какое-то односложное извинение, я пулей вылетела из поварской. Он за мной не погнался.

И то ладно. Между прочим, ничего смешного. Пару лет назад натуральный вампир терроризировал пассажиров общественного транспорта Далласа. По накатанной схеме работал, поганец. Выискивал в толпе хорошую девочку, проталкивался к ней и заводил приятную беседу. А затем с бухты-барахты накидывался на нее и принимался яростно кусать в лебединую шейку. Пассажиры, понятно, в транс, жертва в крик, а маньяк напивался досыта из белой шейки и безнаказанно растворялся в толпе...

Я на негнущихся ногах добралась до нефа, где привычно угнездилась за колонной и принялась работать органами чувств. Из кухни не долетало ни звука — дверь служила плотным изолятором. Вестибюль помалкивал. Так случилось, что в эту минуту никто не поднимался по лестнице. Неф просматривался насквозь — широкая галерея с глухими стенами, украшенная двойной шеренгой витых колонн. Я вошла в эту низкую залу и, пока добралась до главной башни замка, вычислила еще парочку подсматривающих устройств. Одно пряталось в колонне — в том месте, где часть камня раскололась и дала усадку. Там проглядывал черный провал, пригодный для маленькой маскировки. И второе — на стене, навстречу первому, отчасти перекрывая сектор его «обстрела». Не скажу, что это открытие вселило-в меня бодрость. Но и не избавило от последних сил, поскольку с подобным положением вещей я уже смирилась.

Хмурый донжон прорезали сразу несколько лестниц. В отличие от лестниц жилой башни, местные — скрипели! Я насчитала пять штук, испробовав на прочность каждую. Одна оказалась в ужасающе плачевном виде: издала душераздирающий треск, и не успей я вовремя сигануть с третьей ступени, одним бы призраком в этом замке стало больше.

Еще две пребывали в откровенно аварийном состоянии, но по крайней мере не падали. Пятая, вблизи крохотных северных окошек, казалась самой надежной. С нее я и начала свои плутания по лабиринтам донжона. Одни и те же лестницы в этой башне не тянулись от вестибюля до крыши. Они соединяли только этажи, далее обрывались. Мне приходилось взбираться на этаж, а там, среди гнилых стропил и разрушенных внутренних стен, чуть не на ощупь искать очередной сохранившийся пролет. Второй этаж когда-то представлял огромную залу с окнами-бойницами, но сейчас здесь царил крошечный хаос. За последнюю сотню лет здесь не то что не жили — не появлялись никогда. Часть внутренней кладки обрушилась, обнажив наружную — рустуку, дубовые перекрытия прогнили, и весь этаж являлся теперь единой баррикадой из наваленных камней, строительной извести и трухлявых балок. Такое впечатление, что цитадель основательно потряхнуло взрывом. Свободный от развалин участок оставался только в центре, но и там плиты в полу разъехались, обнажив изъеденное жуками нутро. (А почему бы и не взрыв? Немецкие летчики неплохо отбомбились по Англии, могли и сюда шурануть пару бомбочек.)

Для прохода на третий этаж мне пришлось довольно долго искать целую лестницу. Я переступала через разбросанные камни и старалась держаться как можно ближе к стене. Она представляла собой на удивление мощную конструкцию. Толщина каменной кладки впечатляла. Даже потеряв часть бутовой кладки, стены замка оставались поразительно мощными, о чем доходчиво говорили узенькие оконца, расположенные не в плоскости, а в глубоких сужающихся нишах, по глубине которых и можно было судить о толщине стен. Я где-то читала, эти замки, по сути, являлись неприступными. В редких случаях, когда захватывались стены и побочные строения, сюзерен с семейством и верной стражей перебирались в донжон, где и удерживали этаж за этажом. Когда их загоняли на последний этаж, то все уцелевшие спускались по лестнице в толще (!) внешней стены и спокойно выбирались через подземный ход где-нибудь в соседнем лесу...

Лестницы на третий этаж сужались. Уже не винтовые геликоиды, а затхлые ниши в толще камня с осыпающимися ступенями. Перед тем как выбраться на новый уровень, я вдоволь наелась плесени, навизжалась в паутине и больно шмякнулась коленкой. Третий этаж представлял зрелище еще печальнее. Здесь высились очертания какой-то старинной мебели, преимущественно шкафов, кособоких тумб, кованых сундуков, но все это находилось в полуразрушенном виде, а те же рухнувшие перекрытия да отставшая кладка лишь усугубляли картину запустения. И здесь мне пришлось хорошенько поплутать, прежде чем найти приемлемую лестницу.

А вот на четвертом этаже я могла расстаться с жизнью. Это была не зала, а хитро сплетенная анфилада — помещения соединялись по кругу арочными проемами, а в центре имелась овальная комната с двумя диаметрально расположенными входами.

Я добросовестно прогулялась по анфиладе, лавируя между реликтами канувшей в Лету эпохи, заглянула в каминные с забитыми вековой гарью дымоходами. А в качестве финальной точки экскурсии вошла в этот «овальный» зал. Он почти не освещался. Помнится, я воспользовалась южным проемом. Я не успела толком оценить ситуацию, даже растеряться — ловушка поджидала сразу за порогом. Под ногами захрустело, пол начал прогибаться — я по-

пала в тот участок, где перекрытия разрушились, а осталось лишь изъеденное насекомыми дерево! Чувствуя, что неудержимо проваливаюсь, я совершила какой-то фантастический скачок, схватилась обеими руками за гнилые обломки и практически повисла. Обрушью половицы всей массой, я бы не смогла подтянуться (я вообще не умею подтягиваться на перекладине). Но отвалилась, видно, часть, остальная в растрюханном виде повисла над залой третьего этажа. («Отлично, Верунчик, — восхищенно оценил бы Лешка Первомайцев мои кандибоберы. — Ты еще не пимши, а уже не попамши»)

Изогнувшись, я зацепилась ногой за болтающиеся доски, нашла какой-то выступ, подтянула вторую ногу, отдышалась. Слишком долго «перекуривать» опасно — эти сопли болтаются на честном слове, да еще под моим весом. Я, конечно, не бегемот, но много ли тут надо? Сломанные бревна оторвутся в любой момент...

Перебирая руками, я медленно, сантиметр за сантиметром, стала переползать на невредимый участок пола. Вставать на ноги я уже не решилась, так и доползла до порога. Там уселась на каменную приступочку и принялась мысленно молиться, растирая онемевшие ладони. Дыра в полу получилась не слишком заметной, по крайней мере, со стороны. Полумрак не давал толком рассмотреть место «аварии». Виднелись трухлявые лохмотья и нечто подозрительно вогнутое, похожее на какую-то угловатую воронку —

аккурат в том месте, где ступила моя нога. Применив пространственное воображение, я представила, с какой высоты можно шмякнуться через проделанную дыру, и от души поздравила себя со вторым рождением.

Насладившись ощущением, что жизнь продолжается, я решила выбираться из раннего Средневековья в позднее. Можно, конечно, для густоты эмоций, прогуляться на чердак (я и что-то похожее на лестницу присмотрела), но в моем трясущемся состоянии это было бы не слишком умно. Экскурсия окончена, забудьте...

Тщательно двигаясь по собственным следам, я выбралась в вестибюль. На четвереньках спустилась с винтовой лестницы и начала отряхиваться. Хорошо погуляла. По старой лоховской привычке даже не оглянулась. А когда закончила приводить в порядок одежду, сняла с волос паутину и собралась двигаться к истокам, получила новое потрясение. Посреди вестибюля стояли двое и с интересом наблюдали за моими странными движениями.

Эти двое, удивительно похожие на незабвенную чету Адамс, похоже, только что прибыли. Вошли с перешейка через «парадную» дверь. Женщина придерживала свисающую с плеча сумку, а мужчина сжимал в руке кожаный чемодан — малогабаритный, но вместительный.

— Ой, — сказала я, — испугали.

Изображать восторг по поводу радостной встречи я воздержалась. Достаточно испуга. Они, впрочем, тоже не возрадовались. Смотрели как-то настороженно, насупленно и выглядели крайне утомленными с дороги.

— Здравствуйте, — сказала брюнетка с нервно «тикающим» лицом. — Мы не ошиблись? Это замок Кронбери?

— Совершенно верно. Вы не ошиблись, здравствуйте, — сказала я. — Это замок Кронбери. Вас с нетерпением ждут, милости просим.

Брюнетка промолчала. Только ямочка на щеке задергалась сильнее. Она оторвала от меня тяжелый взгляд и принялась опасливо озираться.

— А вы, наверное, Эльза? — заинтересовался моей персоной спутник, ярко выраженный пикнический тип — короткошей, широкий, коренастый, с тонкими щегольскими усиками. Когда-то он, возможно, был красавчиком. Но потом заплыл салом и отрастил мешки под глазами.

— Нет, я Вера. А вы, наверное, Жанна? — обратилась я к брюнетке, которая тут же перестала озирать интерьеры и сделала широкие глаза.

— Да. А вы откуда знаете?

— Догадалась, — я не стала вводить ее в заблуждение. — Вам идеально подходит имя Жанна. Хорошее русское имя. Меня саму недавно приняли за другую, по ошибке обзвав Жанной, вот я и подумала...

— А я и оказалась, — перебила брюнетка. — Итак, я — Жанна, вы — Вера, очевидно, прислуга в этом доме, а это... Мостовой. — Она коснулась плеча спутника, который согласно кивнул. — Знаете, Вера, мы очень долго добирались до этого замка, жутко устали, не могли бы вы проводить нас к местному администратору?

— Надеюсь, это не туда? — с опаской покосился Мостовой на винтовую лестницу, откуда я так некрасиво сползла.

Я покачала головой:

— Нет. Рекомендую никогда не подниматься в эту башню. Если желаете еще немного пожить.

Я ничего такого особенного им не сказала, просто предупредила. Но реакция последовала моментально. Упитанный красавчик как-то весь скукожился, начал совершать рукой глубокомысленные пассы, но потом опомнился и перехватил в свободную руку чемодан. Брюнетка сделала глотательное движение. Как бы невзначай она придвинулась к красавчику — как будто он такой отважный и уже собрался ее спасти.

— А что вы там делали? — пробормотал красавчик, не отводя глаз от винтовой лестницы. Далась ему эта лестница. Или я настолько эффектно с нее сползла?

— Знаете, есть такие качественные методы, — сказала я. — Это методы изучения свойств решения задач без попыток найти сами решения. Проще говоря, пустое мудрствование от нефиг делать. А вы решили, что я там порядок наводила? — Очевидно, мой героический провис над бездной с перспективой сделаться крошечком настроил меня на иронический лад. Путешественница по имени Жанна взглянула на меня какими-то новыми глазами.

— А вы уверены, что вы прислуга?

— Далеко не уверена, — призналась я. — Слишком крупные деньги придется мне платить, чтобы заставить прислуживать людям.

— А кто вы? — приподнял брови красавчик.

— Следуйте за мной, — распорядилась я. — Вы слишком долго добирались, устали, вам необходима встреча с администратором.

Я провела эту напряженную парочку через неф, показала им северную лестницу и описала кратчайшую дорогу до Бригова. А также предупредила о грядущем обеде и о необходимости смотреть под ноги. Они медленно потянулись по указанному адресу, а я вышла на террасу. Самое время освежить голову.

Ровная каменистая площадка начиналась сразу от внушительных столбов, служащих опорами для лоджии. Она простиралась вплоть до обрыва, где завершалась перилами из кованого железа. Вниз опускалась лестница. Море не казалось слишком бурным, волны не захлестывали террасу, поэтому я подошла к перилам и стала осматриваться. Обрыв не погружался непосредственно в воду — между ним и морем оставалась узкая полоса суши, заваленная камнями. Меж камней бурлила пена. В самое ее средоточие и падала лестница. Очевидно, в редкие часы штиля на этих камнях нашлось бы неплохое место для отдыха. Можно помечтать, если не прохладно (хотя мечтать никогда не прохладно), полюбоваться восходящим светилом. Можно прогуляться вдоль берега — по ограниченному, правда, пространству, поскольку за пределами террасы пологость обрывалась и до самого перешейка тянулись отвесные скалы.

Ветер нещадно хлестал в лицо. Я повернулась спиной к морю, лицом — к серой громадине жилой башни. Она не могла не впечатлять. Этажи уносились ввысь, перетекая в пирамиду разодранной ветрами крыши. Окна непроницаемы, задернуты портьерами. Только в моем, под прямоугольным поясом-карнизом, портьеры раздвинуты. Перед глазами — отполированная ураганами терраса, завершающаяся распахнутыми дверьми. Над террасой лоджия, на ней никого, только ветер треплет плющ на решетке. Да пустая бутылка вина, катаясь по полу, издает противное бречание. Второй этаж, третий, карниз над лоджией. Грязные потеки сверху донизу. Массивные устои по краям здания — контрфорсы. Кладка неравномерная — неуклюжие крупные плиты лежат вперемешку с необработанным камнем.

Скреплены толстым слоем известкового раствора с какими-то битыми посудными черепками...

Голова уже кружилась. Я опустила глаза и принялась озирать более приземленные вещи. Справа выступал фрагмент крепостной стены, заросший лопухами. Слева, между замком и обрывом, за колючим кустарником, примостилось нечто вроде заброшенного кладбища. Наверняка фамильное и последние полтысячи лет непосещаемое — судя по запустению. Это была небольшая, когда-то огороженная (уцелели столбики с остатками ограды) территория метров тридцать на сорок. Сохранились могильные памятники, подобия крестов. Но все это пребывало в очень жалком виде — время здесь хорошо поработало. Ради любопытства я побрела на погост. Обогнула столбик с болтающейся решеткой, принялась бродить по местам забытой памяти...

Большинство плит расколосось от старости, из трещин обильно произрастала осока, земля местами просела, обозначая коварные провалы. Даже здесь я была вынуждена передвигаться с особой тщательностью, чтобы не оказаться под землей. Но на свежем воздухе эта опасность воспринималась терпимее, чем в удушливом замке. Надписи на могилах почти не сохранились — что не сумел отшлифовать ветер, отшлифовало время. Я переходила от могилы к могиле, раздвигая веточкой траву на плитах, но смогла разобрать лишь выдавленное под строгим орнаментом «Ogo pro nobis» да папский крест в обрамлении лавровых листьев. Очевидно, здесь проживали приверженцы католицизма. На могиле моего обожаемого Аль Капоне тоже нет надписи с его именем. Выбито лишь три слова: «Помилуй меня, Иисус!»...

В центре кладбища я обнаружила внушительный склеп, напоминающий долговременную огневую точку. Сработанный на совесть — успешно доживший до наших дней; а в нижней его части — дверь, а к двери — ступени, сложенные из камня. Подумать только — дверь была приоткрыта! Невероятно. Словно проживающий в склепе господин заблаговременно встал из могилы, приоткрыл, чтобы я не вздумала пройти мимо, заглянула на лирическую беседу...

Для полноты ощущений осталось только туда спуститься. Что я и сделала, удивляясь своему мужеству. В приоткрытом положении эта дверь сохранялась довольно долго. Никому не взбрело в голову навестить проживающего в склепе господина. Кроме меня. Ее основательно заклинило. Пришлось применить недюжинную женскую силу, расковырять огрызком камня спрессованную под дверью землю, после чего та благодарно открылась и пригласила меня в черное нутро.

Особо интересных достопримечательностей в этой большой дискомфортной могиле я не нашла. Кроме пыли, паутины да пары дохлых крыс, скончавшихся от неизвестной болезни. Да какого-то подозрительного неправильного гексаэдра на постаменте, обросшем мхом. Я не пыталась его открыть — это дело небольшого гидродомкрата. Я не настолько любознательная, чтобы копаться в древних костях. Аллергией на дохлых крыс я не страдаю, поэтому изучила помещение весьма скрупулезно. Иначе зачем сюда полезла? И лишь вдоволь надышавшись мистическими ароматами подземелья, я отправилась в обратный путь. Но у самого основания лестницы, не целясь, вписалась точно в живот спускающегося человека!

Мгновенное предынфарктное состояние. Давно я что-то не умирала от страха. Расслабилась. А тут такое! Я сперва просто испугалась, а когда подняла голову, то сразу в

него и впала — в предынфарктное...

Человек с бледно-желтым лицом цвета охры здорово напоминал покойника. Поначалу я подумала, что это и есть господин, проживающий в склепе. Погулять выходил или по каким хозяйственным нуждам. Но потом засомневалась — не будет господин, тысячу лет пролежавший в склепе, щеголять в джинсах и кожаной курточке. Не его это стиль. А когда незнакомец заговорил, я начала успокаиваться: где это видано, чтобы английские покойники говорили по-русски?

— Не бойтесь, девушка, — бесцветно улыбнулся бледнолицый. — Я не собираюсь вас душить. Я просто любопытный, как и вы. Моя фамилия Бурляк.

— Вы добрый и пушистый? — икнула я.

— Не совсем, — покачал головой «покойник». — Но пока безвредный. Вы не хотите показать мне местные достопримечательности? Видите ли, я совсем недавно прибыл, еще не освоился в здешнем, так сказать, «кулёр локаль»...

— Понимаете... — глубоко вздохнув, начала я. После чего задумалась, какую бы глупость сморозить. И сморозила: — Понимаете, товарищ, я сама не местная...

— Догадался. Для этого склепа вы слишком нарядно одеты, — черновато пошутил «покойник». — Хотя где-то уже успели повозиться. У вас колени в грязи. И локти...

— Извините, — сказала я, устремляясь в просвет между странной личностью и земляной насыпью, обрамляющей лестницу. — Мне нужно срочно постираться, вы абсолютно правы. Нельзя ходить замарашкой...

Пробежав по узкой тропе до столбика ограды, я оглянулась. И прокляла свою неводержанность. Человек, назвавшийся Бурляком, вытянув шею из-под земли, наблюдал за мной глазами-провалами...

Остаток дня прошел в каком-то полуобморочном трансе. Если к данному состоянию применимо слово «думать», то я думала. «Нам понадобятся еще три комплекта белья, Юдифь», — инструктировал шиншилла Бригов. Вот они — эти трое. Напряженная парочка в вестибюле донжона и человек на кладбище. Других не будет. Полный состав «выездной ассамблеи», о которой я обязана черкнуть «пару строк». Давайте считать. Блондинка Эльза, ее напористый любовник Арсений, багдадский вор Рустам, брюнетка по имени Жанна, обрюзгший красавчик Мостовой, «бесцветный» Бурляк. Шестеро. Двое — из прислуги: дворецкий и шиншилла. Восемь. «Местоблюститель» и отчаянный конспиратор Бригов. Девять. Вера Полякова. Десять. Горячая десятка. Стоит ли говорить, какие «иронические» чувства разожгла во мне итоговая сумма? Это все замок, твердила я себе, вслушиваясь в зауспокойные причитания ветра в вентиляции. Почему я стала думать о смерти? Не надо думать, это тлетворное влияние Средневековья, которое для тебя в диковинку и вообще не твоя ипостась. Аналогий с тетужкой Агатой не просматривается даже под лупой. Умирать народ не собирается. Не для того тащились из России. Здесь не остров, где по собственной дури гибнут все. Оставим этот бред на совести знаменитой писательницы. Это мыс, с которого легко удрать. И вообще, когда нормальный человек не хочет умирать, он легко сообразит, как это сделать. Голова-то на что? Предаваясь подобным невеселым мыслям, я писала круги по своей «усыпальнице»...

В четырнадцать с копейками шиншилла доставила на подносе обед, поставила на стол и молча удалилась. Я внимательно рассмотрела ее тонкие ручонки с прожилью — такие меч не поднимут, можно спать спокойно.

— Спасибо, Юдифь, — сказала я ей в спину.

Прислужница даже не вздрогнула. Плотно прикрыла дверь и зашлепала по коридору. Кормили в этом доме для безумных, следует признать, неплохо. Наряду с демоническими талантами дворецкий выявлял неплохие кулинарные способности. Венчал поднос графин с бордово-темным вином (хорошо, хоть не сухой закон!). Имелось блюдо с идеально прожаренным бифштексом, супчик из цветной капусты, помидорный салат, жареные ломтики сыра, белый хлеб, полулитровый тетра-пак вишневого сока. Продолжая предаваться невеселым думам, я уничтожила все до последней корочки хлеба, не пощадила даже вина — отпила с добрую треть. Встала у окна. И пока не сделалось дурно от выпитого, наблюдала, как природу штрихует дождик. После чего прилегла, надеясь переждать пик головокружения. Но неслышно пролетел юный бог сна Гипнос — с головкой мака в руке. Вылил из рога снотворный напиток. Я сама не заметила, как уснула, натянув на голову шерстяную шотландку...

Очнулась я в темноте, под душным пледом. Словно в склепе! Отбросила его в сторону, заметалась по тахте, взопревшая от сна. Пока соображала, в чем дело, испсиховалась. За окном еще не темнело. На часах начало пятого, и на море — подозрительное безветрие. Пустой поднос стоял на столе, а теперь — пропал. Унесли. Чертово отсутствие замков...

Хоть графин оставили. Понимая, что опять начинаю заводиться, я распахнула окно и высунулась почти наполовину...

В самом деле, удивительное безветрие. Ни порыва, ни дождинки. Море медленно вздымается, но скорее по инерции, ведь его остановить труднее, чем разогнавшийся товарняк...

Слева моему взору предстала лоджия. Как ни странно, там толпился народ. Причем не просто так, праздно болтающийся, а, похоже, собранный единым распоряжением на важное совещание. Верховодил сборищем Бригов — он что-то с важностью говорил, стоя ближе всех к дверям. У него был очень серьезный вид. Остальные внимательно слушали. Никто не порывался влезть с ценными замечаниями, не перебивал речь аплодисментами. Весь сумрачный контингент. Бурляк угрюмо курил, сбрасывая пепел на террасу. Арсений обнимал Эльзу, периодически забираясь пятерней ей в макушку. Эльза отрешенно смотрела под ноги. Мостовой и Жанна тоже сидели вдвоем — на каменной клумбе; Мостовой покусывал губы, смотрел на Жанну, а брюнетка во все глаза таращилась на Бритова, с таким повышенным вниманием, словно от запоминания слов выступающего решался вопрос жизни и смерти. За мрачным силуэтом Бурляка, словно Маркс за устремленным в коммунизм Лениным, выступал ополовиненный профиль Рустама. Он тоже внимательно слушал. Потом как-то невзначай сменил положение. Выдвинулся в полный профиль и начал плавно поворачивать голову. Бросок — и он поймал меня глазами! Оскалился беззвучно...

Вот ведь чертов иблис! Как узрел? Я вздрогнула и непроизвольно отпрянула в глубину комнаты. Дрожь ударила по коленкам. Ноги ослабли и сразу сделались ватными. Вместе со страхом пришла злость. Я швырнула от себя оконную раму, перебежала холл и плюхнулась на кровать.

Какого дьявола они там делают? Чем занимается эта банда? На головорезов с большой дороги не тянут. Жулики? Мошенники? Аферисты? Знаменитые компьютерные взломщики, съехавшиеся на обсуждение совместных дел? А по компьютеру никак?.. А почему такие нервные? Зачем аппаратура слежения? На кой, извиняюсь, хрен сюда приглашена журналистка с заданием сделать репортаж о трогательной встрече этих самых аферистов?

Самое время выпить. Я даже обрадовалась простоте решения. Как просто-то, господи...

Я опять подскочила с кровати, бросилась к столу. Вот уроды, даже бокал не оставили! Я им что, алкоголик — из горлышка?..

По счастью, я прекрасно знаю, где у меня лежат необходимые вещи. Я пулей понеслась обратно, к сумке под кроватью, отрыла в боковом карманчике дорожный старомодный телескопический стаканчик и в третий раз пересекла зал. Наклюкалась в рекордно сжатые сроки. Аж сама изумилась. Никогда так не клюкала. И вообще не помню, чтобы решала свои многочисленные проблемы с помощью спиртного. Не приохотилась как-то. Даже в текущем месяце, когда с позором поперла от своего тела Рудика, меня хватило ровно на полтора стакана вермута. Второй не допила, поняла с горечью полыни на губах — не мое. Слила Акакию в миску — он и вылакал с чувством глубокой признательности, аж шерстка заблестела...

А сейчас прозрела — именно то, чего не хватает. Вдали от родины, от дома, в окружении подозрительных личностей и атрибутики Средневековья — только русское народное средство принесет исцеление. Чисто женская логика — пусть неправильная, зато интересная...

Я залпом осушила стакан. Напиток явно не бормотушный — терпкий, насыщенный ароматом, приятно-сладковатый. Образцово лег на обеденные «дрожжи» и повлек нужную реакцию. Второй стакан я могла бы и не пить. Но выпила — по инерции. После чего добрела до кровати, свернулась перочинным ножиком и истерично захихикала. (Але, скорая, тут человеку очень хорошо...)

Логику моих дальнейших поступков понять было невозможно. Даже не берусь ее объяснять. Нельзя объяснить необъяснимое. Но пьяной в хлам я не была — помню это прекрасно. И вела я себя без вопиющего хамства. Я дотянулась до сигареты, выкурила ее сильными мужскими затяжками, сбрасывая пепел на пол. Потом поднялась и вышла из комнаты.

Когда я распахнула дверь на лоджию, голова работала отлично.

— Предлагаю обдумать мое предложение и высказаться, — уловила я последнюю фразу в исполнении Бритова.

Все резко вскинули головы, а Бригов круто повернулся. Grimаса раздражения исказила его физиономию.

— Вера Владимировна? В чем дело?

— Да ни в чем, — смутилась я. — Мимо шла. А что, нельзя?

Он тоже как-то весь смутился. Очевидно, не по силам догадаться, что журналистка выпимши. Заподозрил что-то худшее. Но уверенно заступил мне дорогу.

— Что у вас с лицом, Вера Владимировна? Вас словно...

«Лопатой отходили», — подумала я. Но тут он ко мне приблизился и понял, в чем дело. Запах горьковатого «Кориандра» (долой фиалку!) был не в состоянии победить алкогольное амбре. Брезгливо поморщившись, Бригов взял меня за плечи и остановил мое упорное продвижение к центру внимания.

— Извините, Вера Владимировна, вам сюда в таком состоянии нельзя, вы же понимаете. Оставьте нас, пожалуйста. Мы закончим минут через двадцать, и вы сможете войти.

Я перехватила ухмыляющийся взор Рустама. Равнодушие Бурляка и удивление Эльзы. Напряжение Арсения и расширенные зрачки Мостового. Дрожащую ямочку на щеке Жанны.

и вереницу потных капелек, сбегających со лба на переносицу...

Излишне говорить, что я была возмущена поведением Бригова — а где моя обещанная свобода передвижений? Да, я выпила, ну и что? Повторюсь, я не была в стельку пьяной — отдавала отчет, что нарываюсь. Все необходимые сведения я уже получила — двадцать минут имеются в моем распоряжении. Пока обдумают предложение Бригова, пока выскажутся...

— О'кей, мой президент... — преувеличенно пьяно промямлила я, взяла «под козырек» и, пошатываясь, задним ходом вырулила в коридор.

Бригов хлопнул дверью. Я медленно пошла прочь, уверенная, что он ее снова раскроет — убедиться, что я не подслушиваю. Так и вышло. Я почти докондыляла до конца «аппендикса», когда раздался звук открываемой двери. Я не среагировала. Слегка подержав ее в открытом виде, Бригов закрыл. Тут и начался мой забег на время. Цель его была немного сомнительная, но в целом понятная. Головоотяпство со взломом. Обшарить личные вещи гостей. Мне нужно было хоть какое-то указание на то, что происходит в замке. Напрямую я спросить не могу — по «легенде» я должна об этом знать. И никаких, что характерно, угрызений совести! Я могу делать все, что мне вздумается!

Я бросила взгляд по коридору — налево, направо — и нырнула в комнату Эльзы, выходящую прямо на «аппендикс» (как и ожидалось, замка на двери не было). Комната немного отличалась от моей и Бригова — главным образом наличием камина. Никаких шкафов, а где еще женщине держать свои вещи?..

Я подбежала к кровати, встала на колени, отбросив покрывало, вытянула стального цвета сумку. Сейчас посмотрим, чем у нас дышит пышнотелая Монро...

Я запустила хищные лапы в чужое имущество. Кофты, трусики, лифчики, запасные брюки, крылышки суперплоские... Медицинский набор в школьном тряпочном пенале — шприц, белые скляночки, колбочки, таблетки (наркоманим втихую?)... Шампунь, полотенце, блюдечко с голубой каемочкой... Вот те на — натуральное! Не иначе талисман для приворота сказочного богатства?.. Пачка чая, шоколадка, зеркало, «Основы аутотренинга» Ф. Бернарда, а внутри какие-то цветастые фото... Ну-кся, ну-кся. Чилдрены с улыбочками до ушей на фоне куста магнолии, нешто собственные? Блондин с проборчиком, ничего такой, не быколобый, и улыбочка очень «волнительная». В каких омутах, интересно, такие ловятся?... К черту блондинчика с улыбочкой, яблоня от яблока... И опять форменное барахло — фен, шлепанцы, колготки, флакончик «Дюпон», связка презервативов «Гусарские», понятно, на чью хотенцию... Браслет из рубина в опоясанном мешочке — ого, между прочим, рубин излечивает раны и даже делает человека неуязвимым. Правда, в мудрой Азии считали, что все это фигня, простого ношения недостаточно, для эффекта следует вдавить рубин в плоть, дабы он стал частью тела владельца...

Все.

Черт. И никаких бумаг — вроде расписок, договоров, писем и т. д. и т. п. вплоть до чего угодно (сама не ведаю чего). Деньги, понятно, при себе, «на теле, документы тоже... Черт! Черт!

Я придала обстановке первоначальный вид, задвинула сумку под кровать, выскользнула в коридор. Кроме видеокамер — никого. Да и шут на них, на камеры. У работающего съемочного устройства на корпусе должна гореть маленькая красная лампочка. Если лампочка на корпусе не горит, можно с уверенностью предположить, что прибор не работает.

Я бросилась в другой конец коридора, влетела в комнату напротив моей (там поселили Бурляка; возвратившись с кладбища, я подглядывала в замочную скважину, привлеченная шумом, и видела, как он вошел). Сумка этого господина была предельно скромной, из дешевых. Валялась рядом с кушеткой. И содержимое ее было предельно скромное (покойники вообще народ непривередливый). Стянутые резинкой стандарты валидола — горстями, что ли, ест?... Китайское радио в форме летающей тарелки. Плотная куртка, плотные штаны, опять таблетки — коробочка викасола. Для чего же, для чего же... Ах да — кровотормозящее. Смешное по цене, но оч-чень эффективное. Едем дальше. А дальше ехать, собственно, некуда. Приехали. Белье, носки, в последних — свернутые трубочкой дензнаки, хоть что-то стоящее (деньги — наше все!), причем немалая сумма — фунты, доллары, рубли... хотя и не такая, чтобы из-за нее таможня удавилась и Интерпол забегал. Чуть меньше тридцати тысяч в рублевом эквиваленте... Вот дерьмо! Кто дальше? Рустам — в северном конце. Совещание на лоджии в разгаре — пять минут не прошло. Я понеслась по коридору, ворвалась к багдадскому вору — кто тут у кого дубинку украл?.. Как нарочно, выставил сумку, подлец, на всеобщее обозрение, почти под дверь, да еще и расстегнул — мол, смотрите, секретов не держим. Как бы не так. Я бегло прощупала постель, заглянула во все углы, полюбовалась брошенными за тумбочку носками, после чего лихорадочно прошарила сумку. Нет контакта. Багаж добропорядочного человека, плюс карта автомобильных дорог восточной Англии. Господи, неужели они все ценное носят на себе?

Треща от злости, я вышла в коридор. А что у нас напротив? Я ткнула дверь наобум — она открылась. Бросилась в глаза бутылка вина на столе, куртка, наброшенная на стул. Тонкий аромат духов и... страха. Видимо, Жанна. Точно, Жанна — ее куртофанчик. Хитрая штучка — для того, чтобы отыскать ее вещи, пришлось побегать по всему залу. Нашла наконец — за портьерой на подоконнике. Спрятала называется (а чего же ты так долго искала, дурища?). Снова бабские штучки, правда, довольно скромные, функциональные. Никакой дурацкой литературы, фотографий, талисманов с голубой каемочкой, оберегов... Из необъяснимого только шелковый шарфик повышенной прочности и пара кожаных митенок — таких изящных дамских перчаточек без пальчиков. Гадать об их назначении бесполезно — скорее всего, никакого назначения, купила в дороге, просто так. И снова пустая ходка. Чего хочу — не имеем. Чего имеем — не хочу.

Совещание на лоджии продолжалось. Из комнаты Жанны хорошо просматривалась левая опора под козырьком и чье-то шевелящееся тело у балюстрады.

Я взгромодила ее сумку на подоконник. Задвинула портьеру. И вдруг почувствовала, что на меня кто-то смотрит! Прямо сверлит в затылок! Я непроизвольно дернулась, обернулась. И скрестила взгляд с дворецким, застывшим на пороге...

От этого упыря аж мурашки по коже. Почему они все такие... покойники? И не поймешь, что хочет сказать — то ли негодует, то ли просто визирует. То ли сам хотел обшарить комнату, а я помешала.

Словом, если бы не выпитые двести граммов, то никакого удовольствия.

— Честь имею, — хрипловато буркнула я. — Чем обязана?

Дворецкий не сдвинулся ни на миллиметр. Ни одна мышца на лице не дрогнула (да какие там мышцы? — сплошной бальзам...)

— В чем дело? — повысила я голос. — Вы мешаете работать!

Он продолжал на меня смотреть — немигающими пустыми глазами. Видит бог, ему

что-то не нравилось в моем поведении. Все эти испуганные мины, тыкание из угла в угол, клаустрофобия, kleптомания, излишняя тяга к выпивке...

Да нету у меня никакой тяги!

— Да что же это такое! — разозлилась я уже на полном серьезе. — Безобразие! Чего вы там встали, как шпала!.. — Какая-то сила, эквивалентная хлесткому подзатыльнику, сорвала меня с места и понесла к двери. Сообразив, что меня не остановить, дворецкий отступил назад и посторонился. Но все равно я его зацепила. Как током продрало! Вырвалась в коридор, передернула плечами от возмущения — экая наглость! — и, выражая спиной праведный гнев, зашагала к северной лестнице. На середине марша я остановилась и прислушалась. Он не шел за мной. Передвигайся этот вурдалак хоть по воздуху — все равно услышу. У меня идеальный музыкальный слух. Тишина стояла отчетливая, словно все уже померли, а дворецкий — в первую очередь. Но на всякий случай я выждала минуту. Ничего не изменилось по ее истечении.

Тишина густела и позванивала, словно мелкие пылинки, сталкиваясь в воздухе, издавали однообразные мелодичные трепетания. Я медленно отправилась дальше — на третий этаж. По идее, там живут трое: Мостовой, Арсений, Бригов. Про комнаты последних двух я уже знала, а вот где поселили Мостового — даже не догадывалась. На всякий случай я пихнула первую дверь слева — она легко открылась, но явила мне пустой запыленный холл без признаков пребывания человека. Тогда я вошла к Арсению, его дверь была напротив, и принялась уделять внимание барахлу этого сексуально опасного товарища. Впрочем, о результатах шмона я могла догадаться заранее: ничего. Они как будто сговорились — не оставлять в вещах компрометирующих предметов (если таковые у них существуют). Едва ли бутылку русской водки, лежащую сверху на вещах, можно считать компроматом. Равно и десяток цветных презервативных упаковок, разложенных по тряпкам, словно апельсиновые корочки от моли. Тоже мне эротоман! Как едины они в этом с Эльзой!.. А это еще что такое? Я запустила руку на самое дно. Уж слишком тяжела была свернутая рубашка. Не иначе порнокассета? Я запустила хищные пальцы в изгибы ткани и осторожным движением выудила плоский металлический предмет. Какую-то компактную машинку с наушниками. Кнопочка на панели, шнур, крохотный дисплейчик. Вся штукавина легко умещалась на ладони. Я сперва подумала, что это плеер или проигрыватель для компакт-дисков. Только где это видано, чтобы у тех и у других корпус был цельным, а кнопочка совсем одна? Странная конструкция. Но очень знакомая... Приборчик от страха! — осенило меня. Борька-бабник — из отдела экономики — просвещает лучшую половину редакции. Вырезает веселые заметки о последних технических новинках, наклеивает в здоровенную общую тетрадь, а потом щедро делится с прекрасной половиной редакции. Официальное название — что-то вроде «черепно-мозговой электротерапевтический стимулятор». «Альфа-стим». Или «Бета-стим», не помню. Машинка счастья.

При включении через мозг больного протекает разряд тока. Человек перестает чувствовать себя жертвой стресса. Нервы успокаиваются, мысли становятся яснее, проще, самостоятельно раскладываются по полочкам. Излечиваются депрессия, бессонница, клаустрофобия, появляется уверенность в себе, а напрасные страхи дружно удаляются. Одним словом, полная чушь. Те же двести граммов, только дороже. Приборчик не в силах излечивать от ненапрасных страхов.

Посмотрев на часы, я пришла к выводу, что пора торопиться. Задвинула под кровать сумку и вышла в коридор. Двинулась в просвет между колоннами, но не успела пройти и

пары метров, как встала, остолбенев. В одной из ближайших комнат раздался крик боли!

Глава четвертая

Явно кричала женщина. Но где?.. Оцепенение быстро спало. Я не испытала жуткого ледящего ужаса. Во-первых, двести граммов (что твой спасательный жилет), во-вторых, кричала не я; а в-третьих, этот крик меньше всего напоминал предсмертный. В нем прослушивались боль и испуг. Вполне житейские вещи. Я спряталась за колонну и спустя несколько секунд стала свидетельницей любопытной сцены. Отворилась дверь на западной стороне (говоря условно, над Эльзой), и вылезла шиншилла на скрюченных ножках. Лицо искажено, глаза невидящие. Левой рукой зажав правую, тихо поскуливая, засеменила к северной лестнице. Из руки сочилась кровь. Не прекращая скулить, она вписалась в лестничный проем и запрыгала через две ступени. Я выбралась из укрытия. Встав на колени, внимательно изучила капли на полу. На вид вполне реальная кровь. За что это ее?..

На всякий случай я постучала в дверь (будем взаимовежливы). Не дождавшись ответа, толкнула. Вестимо, в комнате никого не оказалось. Мостовой — со всеми на лоджии. Собак не держат. Но есть существа поопаснее собак...

В огромном жестком кресле напротив входа лежал разворошенный чемодан Мостового. А рядом, на полу, орошенный свежей кровью — кусучий металлический капкан! Вот он — верный сторожевой пес. Сдерживая подступающий к горлу хохот (а ведь могла быть на ее месте), я села на корточки и принялась рассматривать это чудо. Не такая уж я специалистка по охотничьему снаряжению, но глубоких знаний тут и не требуется. Натуральный зубастый капкан с мощной спусковой пружиной. Довольно компактный — не на медведя. Хотя и не мышеловка, однозначно. На зверя средних габаритов. Соболя, например. Или куницу. Или какую-нибудь глупую шиншиллу в переднике...

Коллегу, мать ее (хотя теперь уже калеку). Забралась в чемодан — и никак не смогла промахнуться. На таких и ставили. Выходит, они с дворецким промышляли тем же, что и я? Ну и domeц... В нем точно все психические...

А самое главное, моя персона здесь — совершенно ни при чем. Резонно полагая, что вряд ли в чемодане установлен второй капкан, я перебрала вещи Мостового, как водится, не нашла ничего интересного, кроме фонаря и перочинного ножика, и поспешила удалиться. Скоро повалят люди.

Помню, проходя мимо комнаты Бригова, я машинально толкнула дверь. Безо всякого темного умысла. Забираться к Бригову я бы не осмелилась — слишком велико хамство. Да и время на исходе. Но получилось как-то так. По инерции. Дверь не поддавалась. Я вернулась, удивленная, и еще раз толкнула. Ничего подобного, дверь была заперта на замок! Вот это да! — изумилась я. Дискриминация! Выходит, он особенный?

Но нетерпез ударил в спину, поволок меня на лестницу и далее...

Рассуждать об особенностях Бригова уже хотелось меньше всего. Это ежику понятно — он отличный от компании. Одно слово — «местоблюститель»...

Разболелась голова — со страшной силой. Терпеть не могу похмелье. Оттого и не пью, наверное, — чтобы не мучиться. Пошатавшись по своему залу, я на сухую разгрызла таблетку аспирина и завалилась на тахту. Но, как назло, не могла уснуть. Дневной сон напрочь перебивает вечерний. Я лежала, боролась с ломотой в голове и отвлеченно наблюдала, как снова за окном меняется погода. Наступали сумерки. Поднимался ветер, иногда принося

вместе с порывами удары дождинок по стеклу. Гудело море, выбрасывая волны на террасу. Темнота надвигалась ошеломляюще. Опять засела в голове странная фраза Бригова о призраках. Он не шутил. Он улыбался, но говорил о всецело серьезных вещах. Зачем Бурляку кровоостанавливающий викасол? Зачем белобрысой браслет из рубина, Мостовому капкан, а Арсению приборчик от страха? Дружным фронтом против привидений? Я протянула руку, нащупала на железном светильнике выключатель. Он провернулся со скрипом, вспыхнул свет — жиденьким кругом, осветив изголовье кровати и совсем немного — все остальное...

Я уснула на какие-то мгновения. Пробудилась тут же — от вежливого, но настойчивого стука в дверь.

Вскочила разлохмаченной клушей, задергалась, не померещилось ли? Села и стала ждать — повторения. В дверь опять настойчиво постучали. Если я снова не открою, то в третий раз стучать не будут — просто войдут. Я поднялась и, заправляя рубаху в джинсы, пошла сдаваться.

За порогом стояла бесформенная серая туша.

— Вера?

— Кто это?

— Это Мостовой, — глухо представился визитер. И принялся молчать. Пытался, видимо, по моему абрису на фоне желтоватого мерцания определить степень моего испуга.

— Что вы хотите?

— Кто-то рылся в моих вещах, Вера, — сухогато произнес Мостовой. — Я обнаружил это десять минут назад. Раньше не получилось — я спустился с лоджии на террасу, где и провел время... Зачем вы это делали, Вера? Ну и как вы себя чувствуете после этого?

Я молчала. Чувствовала я себя в принципе неважно, но вряд ли это было связано с посещением комнаты Мостового.

— Вы молчите? — В его голосе прорезались торжествующие нотки.

— Перевариваю, — буркнула я. — Вам не кажется, что это возмутительно?

— Что вы имеете в виду?

— Ваше поведение.

— Оно возмутительнее вашего?

— Уходите, Мостовой. Я никогда не была в вашей комнате. Вы не настолько мне симпатичны, чтобы я делала фетиши из ваших вещей. Проваливайте.

— Подождите, Вера, одну минуточку. — Его голос вдруг сделался сладким, как елей. — Вы не могли бы показать мне ваши руки?

— А задницу вам не показать? — возмутилась я. — Зачем же начинать с малого? Давайте сразу начнем с лучшего. Так и позабудемся.

— Не кипятитесь, что вы, как маленькая. Не волнуйтесь, Вера, я сейчас включу фонарь.

Нет, я буду волноваться! Яркий луч осветил мое туловище — ладно, не лицо. Но я успела испугаться, обездвижившись тем самым на несколько секунд. Ему хватило этого времени, чтобы поочередно взять мои руки в свои и внимательно их исследовать. Фонарь погас.

— Извините. — Голос звучал обескураживающе.

— Да что случилось, в конце концов? — Я возмущалась уже по-настоящему. Он меня, ей-богу, задолбал.

— Никто, кроме вас, не мог забраться в мой чемодан. Мы все находились на балконе... Детский сад, честное слово.

— Вы не умеете считать до десяти, Мостовой? — строго спросила я. — Или у вас звездная болезнь — не замечать прислугу? Это очень дурной тон, учтите. Прислуга — те же люди, со своими слабостями и достоинствами, ее не замечать опасно, поскольку — как знать? — вдруг однажды мы поменяемся с ней местами?

Я захлопнула дверь, пыща здоровым негодованием. Неужели этот бывший красавчик настолько бестолков, что по кровавым следам не смог определить свою обидчицу? А ведь они явно ведут не в мою комнату...

Я снова попыталась уснуть — и уснула. Но проснулась в неудобной позе, с кошмарной сухостью во рту. Полжизни бы отдала за стаканчик вишневого сока...

Господи. Как далеко до кухни. Терпеть этот сушняк никаких сил. Можно вытерпеть полминуты, минуту, но до долгого утра... Разве они откажут? Я нашла на ощупь кроссовки, доковыляла до двери... Буду двигаться на ощупь, по колоннам, авось не заблужусь...

Но абсолютной темноты уже не было. Коридор наполняло желтоватое мерцание. На северной стороне горели свечи в настенных канделябрах. Высокие, толстые свечи, рассчитанные на целую ночь...

От стены к стене неторопливо перемещалась долговязая фигура дворецкого. Окутанный бледно-золотистым сиянием, он вынимал из корзины свечи, устанавливал их в жирандоли и поджигал старомодной масляной лампой с открытым язычком пламени. Затем передвигался дальше. Дракула уже прошел через «аппендикс» и неумолимо приближался к южной оконечности коридора. Я отчетливо различала его бледное, неподвижное лицо, глаза, горящие желтым блеском.

Мистический ужас обуял меня. Я забыла про сон, про кухню. Стояла и благоговейно, вытаращенными глазами наблюдала за его методичными движениями. Вот он — король местных привидений...

Когда он подошел совсем близко и волны страха потекли по пространству, как круги по воде, отражаясь от стен, возвращаясь, лупцуя, я попятилась к двери. Спиной отворила и неуклюже втиснулась в комнату. Там и схлынул с меня ужас, будто дождевая вода с промокшего до нитки. Пошатываясь, я добрела до санузла, где отвернула кран, сунула голову под раковину и целую вечность пила невкусную, кислотовато-ржавую воду, от которой становилось тошно и еще больше хотелось пить...

Как ни странно, наступило утро. С моим непосредственным участием. Что, с одной стороны, несказанно радовало, а с другой — не могло не огорчать. Совместно с пробуждением открылся досадный аспект — в этом доме нет душевых. Унитазы есть, раковины с противной водой присутствуют, а вот о душевых реставраторы старины почему-то не позаботились. А я обильно вспотела по мере просмотра сновидений. Извращаться с краном? — только духов сместить. Оставался крайний выход — морская вода. Погода на первый взгляд благоприятствует. Ветер не сбивает, волна ниже плеч, да и сентябрь, если вдуматься, не самый зимний месяц.

Я постояла у окна, оценивая возможность развития погодных катаклизмов, пришла к выводу, что до обеда вряд ли, и потихоньку начала собираться. Как ни абсурдно, но я прихватила из дома купальник — словно чувствовала суровую необходимость.

В коридоре стояла неприветливая тишина. Свечи прогорели. Замок старательно делал вид, будто спит. Я тоже сделала вид, будто не собираюсь его будить.

Стараясь не хрустеть пакетом с полотенцем, я спустилась по южной лестнице. У

подножия нырнула на террасу, пересекла ее спортивной рысью и спустилась к морю. Полагаю, мне удалось выбраться из дома незамеченной. Купаться на виду у всех я не собиралась. Я отправилась направо, где выше уровня террасы вздымались каменные столбы. Зашла с тыльной стороны, вскарабкалась на какую-то кручу, одолела отполированную ветрами грядку пикообразных выступов, сползла в расщелину и обнаружила прекрасную бухточку, надежно защищенную с суши.

Лучше не описывать процесс моего мытья. В нем нет ничего эротичного. Освобождение от одной соли, обзаведение другой. Плюс сумасшедшая глубина, неважно действующая на психику, и ледяная вода, в момент превратившая меня в гусыню...

Легко догадаться, что надолго я это удовольствие не растягивала. Мокрое грязным не бывает. Выскочила, как из проруби, вскарабкалась на камни и, дрожа на ветру, потянулась к полотенцу.

— Bravo, — сказали сверху и манерно хлопнули в ладоши.

Я подняла голову. На самой высокой скале, свесив ноги, сидел Рустам и смотрел на меня, как гриф на погибающую козочку. При этом он ухмылялся и как мог изображал известнейшую нечисть из восточной мифологии — злого духа Самаэля.

Хвататься за пакет и закрывать все возможные интимные места было глупо. Во-первых, поздно, во-вторых, они и так закрыты, а в-третьих, у человека должна быть собственная гордость.

— Бабу не видел? — прохладно поинтересовалась я, приторможенно извлекая из пакета полотенце и принимаясь растираться. — Ну и как, претензии будут?

— Кайф, — масляно блестя глазками, сообщил Рустам.

Он бегал по мне глазами, как муравей. Такое ощущение, что он действительно пребывал под кайфом. Смотрел на меня, а видел что-то в перевернутом свете, размытое галлюцинациями и бурной фантазией. А возможно, я ошибаюсь, и видел он точь-в-точь меня, хотя и представлял на моем месте кого-то другого, близкого по духу и крови. А наркотики вообще не при делах.

Я со скрипом натянула джинсы, облачилась в курточку, бросила полотенце в пакет и полезла на скалу. И зачем меня, спрашивается, понесло в эту глушь? С равным успехом я могла ополоснуться в тазике на лоджии.

Рустам протянул мне руку. Я не сразу решила подать ему свою. Сколько шансов, что он поможет подняться? Очевидно, одно из двух — либо поможет, либо сбросит. Но в конце концов рискнула — с чего бы ему меня сбрасывать?

— Как жаль, что вы не с нами, Вера, — вытягивая меня на скалу, с иезуитской улыбочкой сказал Рустам. — Ох как жаль, согласитесь. Мы бы с вами отлично провернули одно верное дельце, не так ли?

Это была очень странная фраза. Я учтиво поблагодарила его за помощь и, не оглядываясь, отправилась к террасе, размышляя над возможными вариантами расшифровки его слов. Похоже, он меня не преследовал.

Других форс-мажорных, трагедийных или особо шокирующих событий в этот день не наблюдалось. Обычная рядовая мистика, нагнетающая обстановку, но куда не выходящая за рамки великого и ужасного. Лишь одно из этих событий, возможно не имеющее отношения к мистике, но достаточно таинственное, произвело на меня сильное впечатление. С него и начался день (инцидент про девушку и море опускаем).

Я отправилась на добычу фуража позже всех, не имея горячего желания сталкиваться с

местной публикой. По распоряжку завтрак начался в восемь, я созрела к девяти, полагая, что все голодающие уже отметились на кухне. По необъяснимой причине меня понесло на северную лестницу, хотя под боком имелась ничем не хуже южная. Подозреваю, во мне уже зрел сыщицкий азарт. В коридоре я ни с кем не столкнулась, вышла на лестницу. А поскольку ступени бесшумные, а кроссовки у меня эластичные, не какими-нибудь бракоделами из города Урумчи склеенные, то и передвигалась я практически бесшумно. Одолела две трети спуска и услышала прямо под собой, не далее как в полутора витках, непонятный шум. Я остановилась. До сегодняшнего дня внимать аналогичным шумам в этих стенах мне не приходилось. Ритмичный скрежет чего-то тяжелого, сопровождаемый сиплым дыханием. Словно кто-то на заливке пытался поднять наверх переполненный автобус и постоянно цеплялся им за стену. Затем раздался глухой стук. Дыхание смолкло. А через десять секунд все началось по-старому: снова тащили автобус, надрывая спину, а когда он соприкасался со стеной, то издавал яростный скрежет. В этом не было бы ничего необычного (людям свойственно переносить вещи), если бы не два занятных момента. Сколько я ни стояла, а человек продолжал пыхтеть на одном и том же месте. Какую бы тяжесть он ни тащил, а по всем законам физики обязан приближаться (на худой конец отдаляться). И второе — самое таинственное: мне надоело торчать на месте и я начала спускаться. Пару раз, кажется, шаркнула подошвой. Каково же было мое изумление, когда на всем оставшемся протяжении лестницы я не встретила ни одного человека! И ни одного предмета, хотя бы отдаленно напоминающего автобус. Лестница была чиста. Кто-то просто смотался, услышав приближение человека. И груз, получается, утащил на горбушке...

Истины ради, спустившись в вестибюль, я сунула нос во все уголки, в том числе и в неф. Никаких «грузчиков». Подбежала к проему на террасу, высунулась на улицу. У перил спиной ко мне в коротеньком черном пальтеце неподвижно стоял Рустам. Прямой, как штык. То ли мечтал, то ли заряжался из космоса. На другом конце террасы я заметила одинокого Бурляка. Погруженный в свои мысли, он бесцельно слонялся по площадке. Он даже не замечал, как из-под серой куртки, в районе причинного места, выбился смешной конец красного кашне.

Донельзя озадаченная, я вернулась в вестибюль. Побрела на кухню — терпеть уничтожающие взгляды дворецкого.

Через минуту меня выловил Мостовой — я как раз входила на кухню, а он норовил выйти с нагруженным подносом.

— Не могу остановиться, — печально кивнул он на уставленную яствами железку. — Второй завтрак без отрыва от первого. В состоянии стресса могу есть без остановки. Не успокаивает, но хоть какую-то уверенность придает.

— Вы по поводу вчерашнего набега на ваш чемодан? — не поняла я.

— На чемодан?.. — Он отстраненно помолчал, кусая синие губы. Оторвал от подноса глаза, поднял их, но не достал до моих, заморозил в районе воображаемого декольте. — Ах да, насчет чемодана... Знаете, Вера, это проделки местной горничной. Она попала в капкан. Поделом. Да-да, самый настоящий капкан, я купил его в охотничьем магазине в Скегнесе. Не люблю, когда шарят в моих вещах.

— Она принесла вам свои извинения?

— Да куда там. У нее перевязана рука, она старается не выходить из каморки. Но Жанна видела, как эта Золотая ручка тащила из кухни воду.

Через три минуты меня поймала Жанна. Я возвращалась со скромным завтраком на

подносе. В районе того места, где раздавался непонятный скрежет, я остановилась и принялась на свежую голову рассматривать лестницу. Может, «грузчик» обронил что? Брюнетка с «тикающим» лицом как раз спускалась. Вероятно, у меня была очень увлеченная физиономия — она остановилась и принялась смотреть в ту же сторону, что и я. Это выглядело довольно глупо.

— Вчерашний день потеряли? — опомнилась Жанна.

— Вроде того, — кивнула я. — Булавку.

— А серьезно?

— Серьезно? — удивилась я. — А разве нельзя серьезно потерять булавку?

— Но вы же ее не теряли?

— Не теряла, — согласилась я. — Но вдруг найду?

Звучало — глупее некуда. Но тем не менее мы какое-то время стояли, уткнувшись носами в пол, покуда не решились разойтись подобру-поздорову. Жанна отправилась вниз, а я, позвякивая посудой на подносе, вверх.

Наверху, в коридоре, меня выловил Рустам. Он стоял за колонной, скрестив на груди руки, и всем своим видом выражал, что поджидает здесь именно меня. (Вот скажите на милость, откуда ему знать, что я пойду здесь?) Он учтиво мне поклонился, прижав одну руку к груди, а другую спрятав за спину. Решил покорить утонченностью манер. Но я не сочла его поклоны как приглашение к дискуссии. Потряхала дальше, кокетливо опустив глазки.

— Вам помочь? — мурлыкнул Рустам, втягивая носом колебания воздуха. Да, я знаю, в организме женщины образуется летучее вещество, так называемый аттрактант, вызывающее стимуляцию мужского полового начала. Через потовые железы они выходят на поверхность и формируют ауру. Некоторые мужчины к этому очень равнодушны.

— Спасибо, вы мне сегодня уже помогли, — тоном «вы меня сегодня уже кинули» ответила я. Он не бросился в преследование. Прожигал беззвучно мой затылок (подозреваю, из него уже тянулся дымок).

Впрочем, чуть позже меня отвлекли. Из «аппендикса» выплыла блондинка с бледным лицом. Мне удалось ее обрулить. Но за Эльзой показался более плечистый Арсений, и пришлось применить экстренное торможение. Произошла заминка. Проще говоря, мы запутались. Завертелись каруселью. Неудивительно, если б после этих кружений Эльза с моим подносом отправилась дальше по коридору, а я с Арсением — в ее комнату.

— Извините, — сказала я, сложными движениями выпутываясь из клубка. Интересно, чем они занимались на лоджии?

— Светофор нужен, — неодобрительно заметила блондинка.

— Это точно, — поддакнул Арсений. — Я недавно вычитал в журнале «Тайм», что правительство Великобритании отправило в Афганистан крупную партию светофоров. Зачем, объясните? Чтобы ослы не сталкивались?

При этом Арсений печально улыбался и в целом неплохо выглядел. Такие вообще неплохо смотрятся на обложках журналов со свитером, заброшенным за спину, завязанными на груди рукавами и с детишками, подбрасываемыми в воздух.

Я не нашлась, что ответить. «Ты тормозишь, — подумала я. — Тебя пора менять». Старательно улыбнувшись и разрулив окончательно ситуацию, я пошла дальше. Ручонки уже нешуточно дрожали.

До моей комнаты простирался долгий тернистый путь — метров десять. Мне казалось, я никогда не дойду. По северной лестнице спускалось мое непосредственное начальство —

Бригов. Заметив меня, звенящую подносом, он приостановил движение и стал с любопытством смотреть, как я подхожу к двери. Правую руку он разминал резиновым эспандером-тором.

— Добрый день, — поздоровался Бригов. Он выглядел просто супер. Выбрит до синевы. «Бустер» во все стороны. Строгий костюм, сорочка с блестками, туфли с пряжками, запонки от какого-то мертвого итальянца.

— Вы собрались на прием к Блэру? — пошутила я.

— Да нет, — серьезно ответил Бригов. — Рутинный выпендр. Вы как себя чувствуете Вера Владимировна?

— Живая, — ответила я. — А что?

— Мне показалось, вы слишком много вчера выпили. Не уверен, что стоит увлекаться этим делом. Не забывайте — вы на работе и развлечениям положена мера. Кстати, как продвигается ваша трудовая деятельность? Описали ситуацию?

— Конечно, — сказала я. — Со всеми подробностями и много... гранями. Извините, Вадим, у меня поднос тяжелый.

— Ну-ну, — хмыкнул Бригов, — успехов вам, Вера Владимировна, — покрутил эспандер вокруг пальца и отправился дальше.

Я развернулась на девяносто градусов, чтобы правым чреслом открыть дверь, но тут образовался шум и в нише напротив между колоннами появился Бурляк — бледнее Эльзы и всех других несчастных. Серая маска из глины — даже глаза на ней не прорисовывались, а казались лишь случайными деталями в единой тональности с физиономией. Я от неожиданности чуть не бросила поднос.

— Вы так редко появляетесь на людях, Вера, — свистящим полусшепотом упрекнул меня Бурляк. — Вам надо больше общаться. Извините, от этой сумрачной обстановки у вас цвет лица портится, а вместе с ним настроение и восприятие окружающего мира. А он не так плох, уверяю вас, невзирая на некоторую тусклость...

Таким голоском лишь некрологи читать от первого лица.

— Вы психолог? — сглотнула я.

— Нет, — качнул головой человек-привидение, — я псих. Но надеюсь, не все потеряно... Хотя как сказать. Вы чем занимаетесь в ближайшие полчаса, Вера? На море неплохая погода, мы могли бы пройтись...

Умудрись я проявить недюжинную выдержку и взглянуть на ситуацию непредвзято, могла бы догадаться, что человек этот просто подавлен. И не представляет опасности. И возможно, совсем не плох. И знаний у него невпроворот — для продуктивно!! работы новоявленной сыщицы. Но недюжинной выдержки у меня с собой не было. Я ее дома забыла. На телефонной тумбочке.

— Очень жаль, — пробормотала я. — С большим бы удовольствием с вами прошла, но, к сожалению, по горло завалена работой. Простите.

Предчувствуя возражения, я толкнула-таки дверь и быстро скрылась.

Этот день тянулся, как обоз через перевал. Я никуда не выходила. Запаслась продуктами, соком, для отвода глаз положила на стол раскрытый блокнот с ручкой, а сама тоскливо курсировала между кроватью и окном, не зная, чем заняться.

К обеду вновь забурлило море. Порывами налетал ветер, утробно подвывая в забитых дымоходах и шахтах вентиляции. Но дождя пока не было — тучи пролетали низко, легкие,

как ватные подушки. За ними теснились новые, беспрестанно меняя форму, сливались, отпочковывались. Лишь у самого горизонта их цвет менялся, приобретая густо-фиолетовую угрюмость. Оттуда и шла гроза, медленно, миля за милей отвоевывая море и нависая над Англией...

После обеда на лоджии наблюдалась очередная тусовка. Там опять собрались все — но уже без Бригова. Общение носило неформальный характер. Я открыла окно, чтобы лучше слышать. Высовываться, правда, остереглась — достаточно вчерашнего. Там царило что-то уж совсем неформальное. Звенели бутылки, очевидно пили прямо из горлышек, без церемоний. Гоготали, травили анекдоты. Но растущее напряжение ощущалось даже на расстоянии — чересчур уж нездорово они гоготали, натужно, неестественно, и несли какую-то несусветную чушь, причем ржали над ней, словно смешнее отродясь не слышали.

— А я говорю вам, ситуация принципиально иная! — оперно солировал Арсений. — Уважаемая толпа! Мы половозрелые люди! И каждый верит в свою исключительность, господа! Предлагаю устроить Вальпургиеву ночь, нам так не хватает энергетического бандитизма для подзарядки!.. За ваше здоровье, господа, долгих вам лет!

Кто-то истерично хохотал, кричал про воспитание, про обвальную распущенность, предлагаемую принять на вооружение, захмелевший Мостовой взывал за присоединение к компании Веры, а то «кому-то из присутствующих явно невыносимо одиноко, а она сидит там у себя в комнате страха, скромненькая такая, кузиночка-белошвейка, и носа не кажет. Пусть займется общественно полезной деятельностью...»

— Она не с нами, — резонно возражал на полтона ниже то ли Рустам, то ли Бурляк. — Ее нельзя в нашу компанию, она испортит все дело... а телка и в самом деле путевая, вот бы зажать ее где-нибудь в темном коридорчике, когда вокруг никого нет...

Опять звенели бутылки, и женщины хохотали над пошлым бородатым анекдотом времен сексуальной революции.

— Эх, была не была! — запинаясь, трундел Мостовой. — Жалко расставаться будет с вами, ребята! Вот закончим наши дела — всех приглашаю в гости! В лучший кабак города! Да в этом гребаном Нижнем все до единого кабаки — мои, меня в любом знают как облупленного, оттянемся, ребята!..

Кто-то жарко присоединился к воззванию, кто-то, напротив, счел предложение ужасно смешным, в связи с чем обрушился громогласным хохотом, вызвав, похоже, в остальных бурю противоречивых эмоций.

Я захлопнула окно. Эта клиника раздражала и бесила. Представляю, до какого скотского состояния они допьются через полчаса, когда сломаются последние тормоза и потянет на подвиги...

Но никто меня не беспокоил. Не приглашали на свидание, не вламывались с неприличными предложениями — ни в одиночку, ни дружной ватагой. Время тянулось неторопливыми зигзагами. Враскачку наступал уикенд — вечер пятницы, 16 сентября. Нормально встречаем конец недели. Мистическая фиолетовая мгла подтянулась и наступала уже с трех сторон — с востока, севера, юга. На востоке сверкали серебряные стрелы. Через два часа этот убогий замок погрузится в мокрый хаос и окончательно скроется под водой. Наступит ли завтра, неизвестно.

К началу восьмого вечера из съестного осталось только полграфина вина. Как назло, захотелось есть. Подходило время ужина, но на кухне по понятным причинам появляться не хотелось. Однако голод убедительно доказывал, что он не только не тетка, но вообще

никакая не родня — ни близкая, ни дальняя. Под раскаты приближающегося грома я вышла из комнаты и уныло побрела в полутьме на южную лестницу.

Вера голодная, Вера холодная... — обрабатывала я свою трусость, пересекая вестибюль.

Очередное сборище созданий Франкенштейна... Лучше бы я осталась у себя и развлекалась по системе голодания. Они нарочно создавали себе атмосферу таящегося ужаса! Ну точно, с завихрениями...

Электричество не горело. Вся компания сидела на кухне, сдвинув столы, и в гробовом молчании, под мерцание свеч, потребляла ужин. Все шестеро. Ни Бригова с шиншиллой, ни дворецкого. По лицам плясали тени. Они жевали не спеша, хирургично отрезая ножами мясо, тщательно пережевывая и запивая вином из хрустальных бокалов, по которым бегали мерклые блики. словно не было удалой гульбы на лоджии — они были трезвые как стеклышки! Унылые, с бледными лицами. С запавшими глазами. Невероятно подавленные, усталые. Ни мужчин, ни женщин среди них уже не осталось. Были шесть обезличенных персонажей японского театра, тщательно пережевывающих пищу.

— Вот и Вера пришла, — равнодушно прокомментировала мое явления маска, похожая на Жанну.

— Скромная и маленькая Вера... — отрешенно пробормотала маска Бурляка. — Это замечательная девушка, она мне сразу понравилась. Я на ней женюсь...

— Ты сначала дело сделай, — тихим шелестом отозвалась Эльза.

— Разумеется, — еще тише ответил Бурляк. — Я обязательно закончу дело... Я куплю себе дом... Где-нибудь в Подмоскowie...

— Твой дом тюрьма Синг-Синг. Или Сан-Квен-тин в Калифорнии. Или Шандоллон и Швейца...

Договорить маска Рустама не успела. Включился персонаж, похожий на Арсения:

— Присоединяйтесь к нам, Вера. Здесь весело. Вы, наверное, проголодались? У нас не бог весть какие разносолы...

— Щи да каша, — прошелестела Эльза.

— ...но очень питательно, уверяю вас. Выпейте вина — это старый добрый «Пино Нуар» девяносто третьего года, им забиты все погребки старины Винтера, надо же его куда-то девать...

— О делах наших скорбных покалякаем... — зловеще пробормотал Мостовой.

Я очумело переводила глаза с одного на другого. Хорошо сидим? Неужели они сами не понимают, что похожи на какое-то троллиное войско?

— Спасибо, — зябко поежившись, поблагодарила я. — Голова что-то пошаливает. Я возьму свой ужин, вы не возражаете?

— А нам-то что, — растягивая гласные, произнесла Жанна. — Ваш ужин на микроволновке у вас под правой рукой. Скажите спасибо Винтеру — он заранее позаботился, зная, что вы такая некомпанейская.

— Спасибо, — сказала я непонятно в чей адрес и принялась судорожно ощупывать воздух.

Стояла гнетущая тишина. Даже вилки с ножами перестали позвякивать. Вооружившись найденным наконец подносом, я неуклюже пыталась отворить дверь. Прозвучал голос Жанны, в нем доминировали капризные нотки:

— Мостовой, я хочу в койку... Ты долго будешь жевать эту жесткую баранину? Учти, у нас остается чуть больше трех часов...

В одиннадцать вечера в моих апартаментах нарисовался морально раздавленный Бурляк. Я укладывалась спать, верша молитву святым небесам во спокойствие грядущей ночи.

Сперва он постучал.

— Войдите, — безрадостно сказала я.

Он и вошел. Раздавленный в лепешку. Помялся на пороге, давая мне время натянуть на горло шотландку. Потом приблизился, начал мяться, словно девочка нетронутая.

— Вы хотите услышать сказку на ночь? — догадалась я.

— Вы уже укладываетесь... — Он словно не слышал меня, пропускал через себя все звуки. — Разрешите побыть с вами, Вера?

Голосок вялый, тембра никакого.

— Я не занимаюсь сексом, — слишком резко ответила я.

Он очнулся. Приоткрыл заплывшие серостью глаза:

— Никогда не занимаетесь?

— Иногда — никогда. Вот сегодня я им не занимаюсь решительно, даже не начинайте.

— Очень жаль. А просто побыть с вами также возбраняется?

— А к чему такая срочность? Может быть, утром?

Он закрыл глаза и снова приоткрыл. Повторил надтреснуто:

— Очень жаль. Но вы и сама, Вера, знаете, что утро может не наступить... Впрочем, миллион извинений. Я, наверное, помешал. — Он сделал вид, будто собрался меня покинуть. Я не спешила препятствовать. Он дошел до двери, потрогал ручку, постоял там, в слабо освещенной зоне, давая понять, что уходить не хочет, но как воспитанный человек... Распахнул дверь. Тут я решила.

— Скажите... Бурляк... А у вас другое имя есть?

Он замер.

— Вам не нравится имя Бурляк?

— Оно у вас похоже на фамилию... Да мне без разницы. Скажите, Бурляк, что здесь происходит?

— А вы не знаете? — Он замер, взявшись за ручку.

— Нет.

— Странно... Мне кажется, вы должны об этом знать, иначе пропадает смысл в вашем присутствии.

— Я журналистка.

— Разумеется, вы журналистка. — Он продолжал топтаться на пороге, и у меня появилась нелепая мысль, что теперь он далеко не против уйти.

Настал мой черед подумать: странно. Арсений с Эльзой, узнав, что я журналистка, чуть умом не тронулись. А этот и не думает.

— Вообще-то мы зарабатываем деньги, Вера. Очень хорошие деньги. А в замке мы собрались, чтобы совместно проработать один вопрос, обсудить, так сказать, реализацию коллективного замысла...

— Присядьте.

— Что, простите?

— Присядьте, — тихо повторила я. — На кровать, на краешек. Вам, наверное, неудобно там стоять...

Он очень хотел выговориться, я это чувствовала. Приспичило человеку. Именно сегодня. Но незнание предмета с моей стороны сильно его смущало. Он не понимал, как себя вести. Но я поступила, по своему разумению, мудро. Я не стала настаивать. Пусть расскажет то, что считает нужным, а я сама решу, насколько далеко простирается мое любопытство...

А в итоге мне пришлось выслушать жалобную исповедь хронического неудачника. Хоть бы что новое. Удел каждого третьего: шел паровоз жизни, свернул не на ту ветку, вышел покурить, от поезда отстал, напали серые волки...

То, что Бурляк неудачник, было у него прописано на лбу заглавными буквами. Собирался поступать на журфак, не хватило сотой балла, загремел в десант, демобилизация совместно с дебилизацией, институт уже не актуален — жизнь другая, на плаву бы удержаться. Вся страна гонится за инфляцией и учится жить по волчьим законам. Сдуру женился, пытался организовать строительный кооператив, нахватал долгов, лопнул, как шарик, продал квартиру, съехал в другой город — погрязнее да поменьше... Жизнь — бессовестное унижение, снова ломанулся в бизнес — до первого пожара высшей категории сложности; выиграл в казино — за углом раздели и накостьляли; наскреб на «Оку» — до первого «бээмвэшника», который вообще непонятно откуда взялся... Год работал охранником в банке — банк накрылся, вместе с пятимесячной невыданной зарплатой; год работал грузчиком — уволили за недостачу ящика коньяка, которого он и в глаза не видел. Месяц трудился дворником — сам ушел, когда при слове «зарплата» в ЖЭУ стали делать удивленные и обиженные глаза... Отчаялся — не то слово. Есть другое русское слово, более верно отражающее состояние Бурляка, простое такое, доброе слово: *безысходность*... Хотя и голова есть, и руки на месте. Одного не хватает по жизни — везения...

А тут работу предложили — в коллективе. Без обмана. За хорошие деньги. (В банде, мысленно поправила я.) А то, что предприятие с моральной точки зрения, скажем эвфемизмом, слабовато, то с него, Бурляка, за это спрашивать негоже: жизнь его трепала с такой жестокостью, что при слове «морализм» он уже готов лупить без разбора. А уж лупить, если Вера сомневается в его физических потенциалах, Бурляк умеет — в десанте, слава богу, научили...

— Какого рода работа?

Бурляк смутился. Он не был уверен, вправе ли распоряжаться не своей тайной.

— А вы правда не знаете?

— Истинный крест, не знаю.

Мне кажется, он собирался встать с кровати. А у меня уже начисто пропало желание спать и видеть сны.

— Расскажите об остальных, — попросила я.

Он поднял на меня ввалившиеся глаза, долго смотрел без выражения.

— А что я знаю о них, Вера? Мы знакомы сутки.

Я пожала плечами:

— Вам виднее, Бурляк. Но не могу отделаться от подозрения, что вам известно о них больше, чем вы пытаетесь представить. Вы ехали на встречу не с пустой головой. Это ваши коллеги, вы обязаны иметь о них информацию, пусть самую общую, но достаточную для начала совместной деятельности. Это логично.

Он сделал попытку улыбнуться.

— Это не совсем логично. С точки зрения посторонней женщины — возможно, но это ваши личные умозаключения, не имеющие отношения к делу и немного смешные...

— Без обобщений, пожалуйста, — строго перебила я. — У женщины хоть женская логика в наличии, у мужчин вообще никакой.

Рассказ Бурляка не отнял много времени. Данные о «коллегах», предоставленные руководством, он имеет отрывочные, в основном биографического плана. Копаться в психологии он не мастак, пусть всякие Зигмунды с Фрейдами этим занимаются, а для него важнее другое (впрочем, какое, он не пояснил). Мостовой — известный в Нижнем футболист. Вернее, был — в начале девяностых. Прославленный форвард (естественно, он носил другую фамилию). Выступал за «Волгаря» — редкий матч обходился без метко пущенных Мостовым мячей. Победа в трех первенствах, чемпионаты страны и Европы, переговоры с Мадридским клубом о контракте на пять лет. Слава бежит за Мостовым и опережает! И вдруг — разрыв коленной чашечки... Три месяца в больнице в подвешенном состоянии. Стальная нить через все колено, траурная — по жизни. Выступать не может. Слава земная проходит, появляются новые любимцы толпы (пресловутая «глория мунди»...). Он пытался найти себя в бизнесе, в криминале, в пьянстве. Выгорело третье — едва не приведшее парня к суициду. Как нашел в себе силы подняться с колен — непонятно. Попал в новые сети, и вот он здесь — в замке Кронбери, по заманчивому коммерческому предложению — постаревший, раздавшийся, но по-прежнему лихой и непредсказуемый Мостовой...

Эльза пережила трагедию в семье — ожесточилась девка. Умер муж — острая форма чего-то с летальным исходом. Через год лишилась крохотных близняшек — контейнеровоз на склоне, спущенное колесо. Половина такси в лепешку, другая половина, с Эльзой и водилой, — целехонька... Краткий срок на перерождение, и вот она здесь — бессовестная блондинка, себе на уме, подспудно ненавидящая любого с удачливой биографией...

Арсений работал в силовой структуре — то ли во внутренних органах, то ли в войсках невидимого фронта. Жил и горя не знал, приятный с виду, интеллигентный, покуда в один прекрасный день не проявил излишнюю жестокость по отношению к «врагам народа». Показательная порка, увольнение, угроза всяческих кар... Видно, не под ту руку попал. Или деяние, им совершенное, было настолько скверное, что даже наша на все согласная власть диву далась. Отвели от беды добрые люди, предложили уладить проблемы, а заодно и поучаствовать в одном заманчивом коммерческом проекте. А как тут откажешься, разве в тюрьму охота?..

Жанна также занималась спортом (дай бог памяти, биатлоном). Правда, не ломала ничего, не спивалась, не бросалась с моста, а скромно так задолжала одной старухе-процентщице впечатляющую сумму. И то ли топора под рукой не оказалось, то ли бабку сторожила рота быколобых, или не бабку вовсе, а бездушную хищную мафию, но в итоге взгромоздилась Жанна на «счетчик». А квартира, под которую шел заем, оказалась «темной». Вот и осталась Жанна без денег и без квартиры. Зато с конкретным сроком подачи заявления с просьбой о выборе орудия самоубийства...

Самая темная лошадка — Рустам. Скользкий, как улитка. О себе не говорит. Откуда родом, чем известен, кого кинул в краю далеком. Но кого-то, безусловно, кинул: каждый раз на просьбу живописать свои подвиги это ушное дитя коварного хана и византийской отравительницы лукаво щерится и уходит от ответа. Дескать, и не подвиги вовсе, атак — поступки...

— А камеры здесь зачем? — спросила я.

Бурляк промолчал. Он и так сообщил довольно много.

— Снимается кино?

Он опять промолчал. Глубоко вздохнул и посмотрел на часы. По застывшему лицу, если мне не показалось, пробежала судорога.

— Неусыпный контроль над вашей бандой? — продолжала выдвигать я гипотезы.

— Не старайтесь, — он уперся ладонями в колени и поднялся. — Все равно не угадаете, Вера. Но в каждом из ваших предположений есть зерно. Мне пора идти, уже без четверти полночь.

— Эта цифра имеет для вас значение? — удивилась я.

Он опять оставил меня без ответа. Дошел до двери, где почти растворился в полумраке, буркнул «спокойной ночи» и вышел.

Глава пятая

Эта ночь действительно прошла спокойно. Если не считать, что я оприходовала все запасы сока. Горький вкус желчи во рту не проходил, превращался в обыденную пытку. Почистив зубы, я дошлепала до вещей и принялась рассматривать себя в карманное зеркальце. Оно было очень маленькое, приходилось это делать фрагментами, а потом мысленно стыковать картинки. Получался ужасный, не для нервных зрителей коллаж. Так низко я еще не падала. Одна лишь слипшаяся, украшенная потными сосульками голова ставила меня в один ряд с обитателями теплотрасс и городских канализаций. Про грязные ногти, обветренные губы и невыдавленный прыщ на лбу даже не говорю. Не у каждого бомжа они есть.

Сегодня суббота, подумала я. Нужно устроить банный день. А еще лучше — банное утро. Сходить к Винтеру и попросить горячей воды. Шайку, лейку, все такое. Пусть поднимет. Не откажет же, старый вампир, — не в тюрьме живем. Заодно соком затариться.

До завтрака оставалось сорок минут. Я завязала кроссовки, упаковалась в стандартную джинсовую «двойку», причесала колтун и подалась наружу.

На южной лестнице никаких роковых страстей не кипело. Страсти свершились задолго до моего транзита. Между этажами лежало изувеченное тело Бурляка...

Прежде я увидела стоптанный ботинок, затем синий носок в гармошку, бледный участок ноги, брюки с ободранными концами. Затем второй ботинок, вывернутый носком внутрь, задравшийся пиджачишко, противоестественно выгнутое туловище, а затем и самое пакостное, из-за чего я, собственно, и начала орать. Расколотый надвое затылок, из которого вытекла, расползлась по ступеням и давно застыла черно-бурая масса (викасол, пожалуй, бессилён)... Он лежал, вдавленный левой щекой в пол, смотрел на мир одним глазом. В нем не было ничего, кроме глубокой резонной меланхолии...

Последующий эпизод я помню слабо. Вернее, совсем не помню. Под влиянием шока сознание померкло, и что-то с памятью моей стало. Мой визгливый вопль ушел в пространство, а далее — обрыв. Пустота. Вероятно, я побежала вверх, к Бригову. Сомнительно, чтобы я побежала вниз: для этого пришлось бы перелезть через Бурляка. Далее пустота рассасывалась, появлялись очертания каких-то стен, приглушенное бормотание. А завершилось проявление картинкой той же лестницы, нетронутого трупа и сгрудившихся вокруг него людей. С этой минуты я выступала на втором, даже третьем плане, а на первом красовались Рустам с Бритовым, внимательно осматривающие покойника.

— Вы слишком впечатлительны, Вера Владимировна, — упрекнул меня Бригов, отрывая от трупа глаза. — Вы подняли такой гам, словно обрушилось небо, и наступил конец света. Вы забыли, зачем вы здесь находитесь?

Вот именно. Не знала, да еще забыла то, что не знала. Очень редко сталкиваюсь с подобной ситуацией, а также с реальными трупами. Моя работа заключается в постоянном извлечении из памяти телефона пресс-центра ГУВД области, в тихушном опросе очевидцев и последующем творческом анализе событий дня. А в морги да на показательные кровавые сцены ездят другие.

— Врач не нужен, — лаконично заметил Рустам, поднимаясь с колен. На его желтоватом лице застыла ухмылка.

— Согласен, обойдемся без врачей, — подтвердил Бригов, оправляя стрелки на брюках.

— Убедительно вколошматился, — зевнул во весь рот Мостовой.

— Поделом, — буркнула Жанна.

— А что поделом, — возразила Эльза. — Совсем не поделом, событие печальное.

Славный был парень. С грустинкой.

— Зато закономерное, — сказал Мостовой. — Господи, до чего же спать хочется...

— А мы тут все такие радостные, — хмыкнула Жанна. — Просто карнавал бразильский.

Вы бы его хоть прикрыли.

— Ага, насчет карнавала — это надо подумать, — встрепенулся Рустам. — Есть у меня одна задумка, Арсений навел...

Этот бред невозможно было слушать. В их ногах лежал мертвый товарищ, с которым еще вчера они пили вино. А они вели себя так, как будто рядом дырявый матрас. Я изумленно шарила по ним глазами и ничего не понимала. Они казались усталыми, измотанными, невыспавшимися, бледнее обычного, но абсолютно никакой скорби в глазах! Ни капли расстройства. Даже элементарного возмущения — а кто, собственно, это сделал?..

— Причудливо как-то, — почесал вихры Арсений. — Отсутствие колотых ран налицо — полюбуйте. Кровь текла из головы, а по голове обычно ножом не бьют. Столкнуть не могли — он был достаточно силен.

— Да нет, я думаю, все просто. Жертва обстоятельств, — задумчиво изрек Бригов, присаживаясь на корточки. К изумлению всех присутствующих, он проигнорировал труп, а начал осматривать лестничное пространство чуть выше места преступления. — Это одна из характерных особенностей средневекового зодчества. Некто прочел о ней в журнале и решил посмотреть, как эта ловушка выглядит в жизни. Пардон, в смерти. Ему удалось, браво. Дело в том, господа, — Бригов положил руку на вертикальную часть ступени, — что в Средние века некоторые лестницы в замках имели выдвижные ступени, которые можно было убрать и прервать связь между этажами, если враг идет на штурм и уже проник в башню. Полагаю, перед нами немое свидетельство изощренности древних архитекторов... Рустам, можно попросить вас помочь?

Они вдвоем налегли на ступень, и неожиданно раздался скрип! Тот самый. Именно его я слышала в пятницу, спускаясь по северной лестнице. Тяжелое дыхание и заунывный скрежет. Совсем не то, что я подумала. Просто кто-то ходил по лестницам замка в поисках подходящего места для организации пакости. Испытывал северную лестницу, а выбрал южную. Но откуда он знал, кто сверзится в его ловушку?

— Полагаю, тема исчерпана, — авторитетно заявил Бригов. — Этот камень можно повернуть и в одиночку. А затем вернуть на место. Вполне по плечу среднестатистическому мужчине. И незаурядной женщине. При появлении бреши в лестничном пролете образуется дырка сантиметров в семьдесят. Обратите внимание на крутизну. Он спускался и не заметил. В следующий раз попрошу вас быть поосторожнее.

— Хулиганство, — заметил Арсений.

— Преднамеренное убийство, — пробормотала я. — Никакое не хулиганство.

Интересно, подумала я, а взбреди мне этой ночью спуститься за соком, да опереди Бурляка?.. Каково бы я сейчас себя чувствовала?

— Нужно поставить в известность прислугу. — Бригов вынул носовой платок и вытер руки. — Кто-нибудь идет на кухню?

— Да, пожалуй, — кивнул Арсений. — Перед сном желательно поднабраться калорий.

— Прекрасно. Передайте, пожалуйста, мою просьбу: мешок, спецодежда и горничная с

ведром. Маленькая уборка. Остальные могут заниматься своими делами.

— А полиция? — изумилась я. — Разве можно здесь... убирать до приезда полиции?

Зловещая тишина окутала лестницу. Они даже перестали дышать, вылупившись на меня во все зенки. Никто не нашелся, что ответить.

Кроме Бригова. Он посмотрел на меня очень пристально и, кажется, все понял. На мгновение его лицо исказила злость за столь позднее прозрение.

— А вас, Вера Владимировна, после завтрака попрошу зайти ко мне.

Ну уж дудки, после завтрака. Мы творения нежные, после любования человеческими мозгами кушать не приучены. Позабыв про шайку с лейкой, про вишневый сок и прочие удовольствия для живых, я побрела на свой этаж.

Стояла у окна, не рискуя сдвинуться с места. Тошнота, дойдя до горла, застопорилась — ни туда и ни сюда, разлилась пеной, погрузив меня в оцепенение. Густо падал дождик — мелкий, гадкий. Водяная масса клокотала у террасы, разливаясь по камням газированной пеной. На скале, где наемни, свесив ноги, сидел Рустам, сиротливо ютились две большие белые птицы. Они смотрели, нахохлившись, в серую даль, на кормящее их море. На террасе появилась долговязая фигура в дождевике. Такой высокорослостью в этом замке отличался только дворецкий. Он двигался практически задом, таща под мышки безвольное тело Бурляка. Доволок свой скорбный груз до центра террасы, там передохнул и поволок куда-то вправо, видимо на кладбище. С одной стороны, это правильно: как ни крути, а покойнику самое место только на погосте...

Остановившаяся тошнота булькнула. Я бросилась в туалет, склонилась над унитазом и несколько минут не могла успокоиться: я рвалась, как склады боеприпасов, детонирующие один за другим...

Опорожнив желудок, я почувствовала странное успокоение. Как будто вылила в унитаз не только вчерашний ужин, но и жуть с тоской. Я прополоскала рот, подкрасила ресницы, добавила яркости губкам и отправилась в комнату этажом выше. На милость.

Он тоже стоял у окна, наблюдая за развитием непогоды. Я постучала, вошла, как положено. Бригов повернулся в мою сторону — стройный, плечистый. Силуэт на фоне мглистого неба. По комнате витали ароматы мексиканского перца и мускатного ореха с Суматры.

— Кто вы такая? — спросил он резко.

— Вера Владимировна Поляко... — начала прилежно я.

— Знаю, — перебил он. — Я видел ваш паспорт.

— Другого нет. Это карается?

— Я имею в виду не паспорт. Вы прекрасно знаете, что я имею в виду. Из какого вы издания?

Я назвала.

— А к газете... — он произнес название известного московского монстра, — вы имеете отношение?

— Никакого.

Он помолчал, свыкаясь с очевидным. Что и требовалось доказать — произошла ловкая подмена. Обманули дурака на четыре кулака.

— Расскажите, как вы сюда попали,

Я могла бы поиздеваться и заявить, что он сам меня сюда привез. Но о последствиях

такого издевательства даже думать не хотелось. Я решила отболтаться. Рассказала ему чистую правду, от начала до конца, про все, все, все и даже больше, особенно акцентируя тот момент, что сама стала жертвой невиданной подставы.

— А как бы вы поступили на моем месте? — закончила я свое выступление каверзным вопросом. — Неужели отказались бы?

Бригов безмолвствовал несколько минут, переваривая мою речь. Мы так и стояли напротив друг друга — он видел мою накрашенную рожицу и невымытый колтун, а я — только контур его головы, да совсем немного глаза — с каким-то недобрым блеском.

— Хорошо, — процедил он сквозь зубы. — Можете идти.

— Я могу уехать? — оживилась я.

— Вы можете идти, — повторил Бригов. — Сидите пока у себя в комнате и без нужды старайтесь не выходить. За вами будут наблюдать.

Уходя, я увидела, как он достает из кармана своего «Живанши» продолговатый предмет. Но не сотовый — слишком длинную выдвинул антенну. Провожая меня взглядом, поднес к уху.

Я, как последняя набитая дурища, до сих пор не понимала, что происходит. Слишком примитивным представлялся мне наш криминал, чтобы ждать от него такой увлекательной «залипухи». Но угрозу собственной жизни я уже отчетливо видела. Рация в руке Бригова — достаточное тому подтверждение. Что он мог в нее сказать? И какого черта означает фраза «Сидите пока у себя в комнате»? «Пока» — это сколько? А что будет после «пока»?

Исподволь меня парализовал страх. Дело нешуточное, думала я, надо делать ноги. Но не могла собраться с духом — страх бросал меня на лопатки, впечатывал в тахту. В один отчаянный миг я решилась — вышла в коридор и застыла, разочарованная. По коридору прохаживался дворецкий! Не спеша, заложив руки за спину. Что он там делал — дьявол его знает! Намеренно охранял мои покои или случайно проходил по коридору? Я старалась не шуметь — но он услышал! Резко повернулся и вперился в меня — обыченно так, угрожающе. Потом качнулся, сделал шаг в мою сторону, другой...

Я чуть не задохнулась от ужаса. Пробормотав «ай эм сори», я быстренько попятилась в комнату. Прислонилась спиной к двери и простояла ни жива ни мертва, пока за окном не кончился дождик, а в разрывах между тучами не появилось жалкое подобие солнечного лучика.

В графине оставалось вино, граммов двести. Я плеснула в раскладной стаканчик, выпила. Распахнула окно. Прояснение долго не продлится — на востоке уже клубились фиолетовые тучи, собираясь в мощный кулак для очередного разорительного похода на Англию.

Постояльцы замка, почуяв просвет, снова вылезли на лоджию. Снова там гоготали, сыпали сальными шуточками. Я приспособила зеркальце — для безопасного наблюдения. Прикрутила его резинкой для волос к ручке массажной щетки, задала верный угол, выложила на подоконник, а сама уселась напротив.

Долетали лишь отдельные слова. Арсений обжимал Эльзу, другой рукой чокался с Рустамом. Мостовой с не меньшим упоением тискал Жанну, к чему роковая девица относилась, однако, с видимым равнодушием.

— А ты Веру позови! — хохотал в лицо Рустаму Мостовой. — Сидит там девка, тоскует, ей же скучно, Рустамушка!..

Рустам отвечал тихо, с коронной ухмылочкой. Лишь один раз позволил себе вспылить — на грубоватую просьбу Мостового сгонять за «бухалом» воскликнул: «Я тебе че, топливозаправщик? Сам чеши...»

Кто из них «почесал», я так и не разобралась. Стало тошно до глубины желудка, я захлопнула окно. Забралась с ногами на тахту и сидела, прислушиваясь к звукам из коридора. Рустам опять не пришел... «Как жаль, что вы не с нами, Вера», — сказал он странную фразу давеча на скале. Надо думать, это препона, не позволяющая его похоти шагнуть в известном направлении... Никого у меня не было — ни Бригова, ни дворецкого, сидела одна-одинешенька, наблюдая, как за бортом стремительно портится погода...

Очнулась в сумерках, когда с востока надвигалась черная ночь. Серый день отбивался, терял позиции. Я выглянула в коридор — никого. Полумрак окутывал помпезные колонны. Где-то внизу раздавались голоса. Я вернулась в номер, включила лампу и задумалась. Невозможно часами держать цербера у моих дверей. Есть другие способы контроля над людьми. Камеры. Но в коридорах от них мало проку. День на ущербе. Свечи еще не зажгли, а дневной свет ушел. Или я что-то упустила? И тут меня как подбросило — а только ли в коридорах камеры? Мама дорогая, надо же быть такой идиоткой! Два дня живу и в ус не дую!

Я обшаривала комнату не менее часа. Извазюкалась, как штукатурица. За окном стемнело. Я в упор сканировала облезлые стены, прошарила скудную мебель, ощупала косяки, пилястры. Двигала стол, карабкалась на него с ногами, шарила выше, забиралась пальцами во все трещины, выступы, узорчатые барельефы. Пока не нашла. Визуально. В углу, справа от окна, за пилястрой, где было много ободранной штукатурки и прочих естественных разрушений. Дотянуться до нее я не могла — слишком высоко висела. Но разглядела характерный черный отлив. Объектив, нацеленный на дверь! В зону наблюдения попадала также постель и две трети обширного пространства от окна до двери. Окно не попадало.

Обессилев, я добрела до кровати и улеглась спиной к объективу. Где же у этих чертей операторская? Исходя из утренних событий, моя комната должна находиться под неусыпным контролем, а следовательно, кто-то бесстрастно наблюдал за моими поисками. Или не бесстрастно — хохотал от пуза, цедя кофеек. Но что это меняет? Ничего. Нужно бежать из этого дурдома, пока не случилось озвученное Бритовым «пока». Деньги с документами в кармане, рви, не спрашивай, а то пожалеешь...

Но как? Я выйду из комнаты, сигнал об этом поступит куда надо, и некоторые личности напрягутся. Выходит, они не должны подозревать, что я вышла из комнаты.

Подъем, рота...

Я вынула из сумочки пачку с сигаретами и отправилась к окну, демонстративно посылая сигарету в рот. Какое блаженство, что рамы в этой комнате открываются вовнутрь! Я открыла окно и высунула голову. Темнота позволяла разглядеть лишь выступающий над террасой козырек лоджии да опору между лоджией и землей. Чуть ниже моего окна должен тянуться декоративный карниз (я видела его от балюстрады; тянулся). По нему можно добраться до лоджии, а там по выступам на опоре попытаться сползти вниз.

Перед тем как влезть на подоконник, я осмотрелась. На террасе никого. Во всяком случае из тех, кто не скрывался. Моросил занудливый дождь. Дул ветер с моря, умеренный, порывами. Я осторожно взгромоздилась на подоконник (неужели в кои-то веки сподобилась на подвиг?). И ничего такого страшного, если не думать о высоте под ногами. Но зачем о ней

думать? Кот Акакий падал с третьего этажа и выжил...

Развернувшись, я сползла животом с подоконника, нащупала носком карниз и утвердила ступню. Опустила вторую ногу. Ширины едва хватало, чтобы перекрыть мой невеликий тридцать шестой размер. Держась за подоконник, я сместилась вправо. Это получилось уверенно. Еще лучше дались последующие два шага. Но потом подоконник кончился, и я с полной ясностью ощутила незавидность своего положения. Я держалась. Но если бы захотелось сместиться дальше, пришлось бы разжать руку. А схватиться ей не за что. Только прижать к стене. Присосется ли?.. А до соседнего окна метра три (там комната, в которой никто не живет), затем опять участок голой стены — и завитушки лоджии, где легко найти, за что ухватиться. Но поди до нее доберись. В общем, испытание не для дохленьких.

У меня имелся выбор — возвратиться в комнату или идти вперед. Я пошла вперед — не потому, что такая храбрая, а потому, что такая трусиха...

На мое сомнительное счастье, ветер дул с востока, работая не на отрыв, а как бы наоборот — прижимал меня к дому. Я распласталась по стене, прижалась к ней, как к любимому, и сделала первый пробный шаг. Он оказался трудным самым — я оторвалась от подоконника и осталась на стене, ничем не закрепленная! Любое неровное движение, любой перекося центра тяжести — и все, мама-а-а!..

Я сделала второй шаг, третий...

Карниз оказался с пробойной, пятка скользнула в пустоту! Сердце свалилось в пятку! Я мгновенно перенесла тяжесть на носок, застыла. Судорога от напряжения поползла по голени. Я подтянула левую ногу, переступила правой. Только бы не думать о боли. Шмякнусь — будет больнее. Еще правее, еще...

Я затаила дыхание. Движения должны быть плавными, расчетливыми. Любой зацеп за неровность стены влечет бесславное падение без парашюта...

Есть! Я схватилась за край подоконника и стала переводить дыхание. Помахала ногой, сбрасывая судорогу. Сместилась вправо, закрыла глаза, начала считать до десяти. Только не спешить...

И снова свободное движение без страховки, рассчитанное на редкую удачу да на крепкие ноги. Я продвигалась очень медленно, ощупывая возможные неровности, и даже когда до лоджии остался метр, я не впала в эйфорию, продолжала тащиться сонной черепахой, ломая в себе нетерпение...

Обессилев до безобразия, я вылезла на лоджию. Кувыркнулась за перила. Сидела на каменных плитах, приходя в себя. Страшное дело, но я должна попытаться спуститься на землю. У этих опор сложный скульптурный орнамент, может получиться. Но увы, повторная удача только снится.

Я снова перекарабкалась за перила, на ощупь нашла колонну и, перехватываясь руками за балясины, сползла вниз. Я нашла опору для ноги, но это оказалось все, на что я сподобилась. Дальнейшие лавирования ни к чему не привели. Там не было ни одного подходящего выступа, чтобы зацепиться руками! И обнять колонну я не могла — она была необъятной! Я болталась несколько минут, извиваясь, как червяк на крючке, впадая в отчаяние, пока не оценила высоту под башмаками и не почувствовала, как катастрофически слабеют руки. Пришлось в панике выбираться на балкон. Я совсем забыла, что не умею подтягиваться. Подтянулась!

Со стоном я опустилась на холодную плиту, позволила организму малость отдохнуть. Делать нечего, придется невидимкой бегать по дому. Не густо же я выиграла...

Частичная удача была со мной — дворецкий еще не зажигал свечи. Темнота царила кошмарная. Я двигалась на цыпочках по стеночке «аппендикса». Нащупала угол, прохладную колонну. Постояла, наострив уши. Если у моей комнаты кто-то присутствует, это не значит, что он меня увидит. Он не кошка. Этот коридор я выучила наизусть.

Я отправилась на север, считая шаги между колоннами. Их оказалось не так уж много (колонн), всего четыре штуки. Из комнаты Жанны доносились голоса, под дверью горела полоска света. У Рустама не горело. Я нырнула в проем, машинально пригнув голову — рефлекторное движение, в этот проем со свистом пролетит и дядя Степа — милиционер...

Схождение по лестнице — очень грустная тема текущей ночи. Я должна была проскочить ее со всей возможной быстротой. И не повредить при этом себе затылок, как это сделал Бурляк. Я вставала на ступень, прощупывала ногой следующую, сходила, а сердце при этом от нетерпения тряслось, как ненормальное: ведь начни кто-то подниматься или спускаться, моей невидимости пришел бы конец. В итоге я встала боком, сжав руками внутренние перила, и пошла, как балерина, приседая с вывертом колена. Это хоть немного, но ускорило продвижение. Я успела к подножию лестницы в самую тютельную.

Отворилась дверь в левом углу вестибюля, и в освещенном проеме обрисовалась долговязая фигура дворецкого. Он вышел, закрыв дверь. Раздались шаркающие шаги. В темноту гулком пространстве они звучали не слишком усладительно для уха. Я забилась под лестницу, в самый угол. Присела на корточки. Шаги смолкли.

Отворилась дверь справа от кухни — каморка шиншиллы. Там также горел свет. Дворецкий не стал проходить внутрь. От порога что-то резко сказал. Шиншилла ответила. Он нагнулся, поднял какой-то предмет, стоящий недалеко от входа (я потом догадалась — корзинку со свечами!), закрыл дверь. Снова шаркающие шаги. В мою сторону! Этот упырь прекрасно ориентировался в темноте. Не сбиваясь с курса, он доследовал до лестницы, взялся за перила...

Остановился, словно почувал неладное (или верно — почувал?). Я не дышала, зажмурилась. Он постоял секунд пятнадцать, поднялся на две ступеньки, снова встал. Его ботинки находились напротив моего носа! Он легко мог спрыгнуть на пол и схватить меня за шиворот. А я безо всяких усилий могла сцапать его за щиколотку и вывести из равновесия. Ей-богу, соберись он в обратном направлении, я бы так и сделала. Но Винтер, видимо, решил проигнорировать внутренний голос. Подождав еще одну вечность, он начал медленно подниматься. Он делал это почти бесшумно, плавными движениями волка-оборотня. А я продолжала сидеть, боясь втянуть воздух. Мне кажется, пройдя немного, он опять остановился. Не давала ему покоя интуиция. А мне это порядком надоело. Досчитав в уме до шестидесяти, я поднялась с корточек и неуклюже засемила на онемевших ногах. Подалась к нефу...

Почему к нефу? Я могла выйти на террасу и обойти замок. Но, видимо, посчитала эти две дороги одинаково приятными...

А ведь бежать в темноте невозможно по определению. Если не верите, попробуйте сами. Вас хватит на четыре метра, а потом станет страшно. Лично меня это дело умучило гораздо раньше. Я натолкнулась на абсолютно черный барьер и тихо затосковала. Мысли не фиксировались. Хуже того — я стала затравленно кружиться и потеряла даже приблизительную ориентацию. Пламя из зажигалки освещало лишь черноту да мою

вытянутую руку. Чудненько. Я пошла куда глаза глядят, выставив до упора жиденький огонек. Далеко слева очертилась колонна — серый столб в «соляных» разводах. К ней я и прибилась. Опустила пятую точку на пол и притиснулась спиной. На мое счастье, этот вынужденный простой не растянулся на вечность: где-то слева хлопнула дверь. Узкая полоса света, словно лучик от маяка, перекинулась через вестибюль. Донеслись голоса — мужской и женский. Вестибюль слева! Я мгновенно разобралась. Только не путайся больше...

Я поднялась на ноги, придержала колонну, словно она уже падала, и пошла до следующей...

Через минуту я вошла в вестибюль донжона. Здесь воздух был не такой, как в нефе. Тишина звенела октавой выше, а шаги, беззвучные в переходе, отдавались тягучим эхом. В этом пространстве я продвигалась успешнее: дошла примерно до середины и повернула налево — как солдат на плацу. Сместилась на несколько шагов и выставила перед собой руку: незримая психологическая преграда уже наезжала на мозг. Еще три шага — терпение кончилось, я включила зажигалку. До арочного проема, ведущего на улицу, оставалось метра четыре. Из темноты выдвинулось сводчатое обрамление из тесаных камней. Я вошла в нишу и обнаружила, что дубовые двери перекрыты засовами. Испуг кольнул под ребра, но быстро отпустил: замки на двери отсутствовали. Массивные бруски квадратного сечения вполне по-старомодному покоились между вбитыми в дерево скобами. При желании они легко снимались. Не знаю, какое это имело значение, но, вероятно, не функциональное — дань «вековых традиций». Кроме этого выхода существовали еще как минимум два, причем один из них (на террасу) наверняка был открыт. Поднатужившись, я обеими руками, как штангист штангу, приподняла брус. Он оказался тяжелее, чем я хотела (эдак раз в десять). Он выбрался из скобы и тут же выскользнул из моих рук. Я отпрыгнула — он свалился на пол с оглушительным грохотом! Плевать. Нас не догонят! Я схватилась за второй брус, приложила силушку молодецкую. И его туда же! Снова сумасшедший грохот. Дверь открывалась наружу — я навалилась на нее плечом, поехала. Выпихнулась на свежий воздух и чуть не захлебнулась от свободы...

К сожалению, это была иллюзия свободы. Но я не знала! Возликовала, как дитя, и побрела, спотыкаясь о камни, по бледно очерченной тропе. Между тем усилился дождь. Он уже не моросил, он хлестал тугими струями. Но погодная ситуация меня не беспокоила. Тропа петляла между камнями. Я спотыкалась, урюхивалась в колючие заросли, но, как упрямая ослица, поднималась, брела заданным курсом. Потянулся перешеек. Кончились камни. За последними глыбами возвышалось еще одно приземистое тело — явно рукотворного происхождения. Джип Бритова. А хватит ли у меня силенок залезть в него и завести мотор? А то. Залезть и завести как раз получится (при наличии заводящего приспособления), но смогу ли я лавировать по скользкому серпантину?..

Не смогу, не умею. Шут с ним, с Бритовым...

За приземистым телом открылось еще одно. Второй автомобиль. Черный, зловеще-красивый. Крупнее, чем джип. Минивэн. Его здесь не было два дня назад! Операторская?..

Достойная всестороннего анализа мысль не успела закрепиться. Двери джипа распахнулись! Две фигуры в длинных, до пят, «плащаницах» бросились наперерез. Я метнулась в сторону, но споткнулась, упала па колена. Самый ловкий (истинный офицер и джентльмен) подхватил меня под мышки, не дал переломиться. Я воткнулась головой в «плащаницу» — плотный дождевик, едко пахнувший резиной. Он тактично поставил меня на ноги, но не отпустил — стиснул за плечо. Учтиво поинтересовался:

— А вы далеко, собственно, собрались, мэм?

Я заплакала от отчаяния. Начала размазывать слезы, как какая-то кисейная барышня.

— Не надо плакать, мэм, — образумивал меня «офицер». — Вам не станет легче от слез. И из замка выходить не надо. Вы же знаете, это запрещено правилами.

— Пожалуйста... — бормотала я. — Мне нужно уйти, поймите...

Но эти двое были неумолимы. Один извлек из дождевика рацию, начал скупорапортовать под шум дождя, а другой, сжимая меня за плечо, повел обратно. Я почти не сопротивлялась, когда он тащил меня через камни, буераки, не визжала, когда он подвел меня к «парадному подъезду» замка Кронбери. Но когда он попытался затащить меня в замок, встретил ожесточенное сопротивление.

— Ну же, мэм, — твердил он. — Вам незачем растрачивать себя по пустякам. Идите в замок, мэм, и бог с вами...

Его благодущие в столь поздний час легко объяснялось: какое ни есть, а развлечение. Но я этим развлечением уже объелась.

— Оставьте меня в покое, черт вас побери, — упрашивала я. — Куда вы меня тащите? Я сама пойду... Вот посижу немного и пойду — без вашего участия. Имею я право на прогулку перед сном?..

В конце концов он отвязался от меня. Плюнул на истеричную оторву с закидонами и убрался восвояси. Его дело — не пускать людей дальше перешейка, а на территории замка пусть хоть вешаются...

А я осталась предаваться горьким размышлениям. Дождь хлестал, как из брандспойта. Я смешалась с этой слякотью и ничего не чувствовала. Но близилась ночь — должны все люди... А спать под дождем — не самое обворожительное занятие для подверженной респираторным заболеваниям дамы.

В состоянии частичной прострации я вошла в замок. Сколько было времени? Не знаю. Возможно, половина одиннадцатого. Опять не хватило ума обойти замок и войти со стороны террасы. Зачем? Здесь короче...

Я погрузилась в беспросветную темень. В густой, колеблющийся мрак. Самое время делать хвост пистолетом. Говорят, в густой тьме обитает ужасное привидение Эмпуса с ослиными ногами. Заманивает людей в уединенное место, выпивает кровь и пожирает еще трепещущее тело...

— Почему вы боитесь? — спросил над ухом металлический голос.

Я шарахнулась, как от Годзиллы. Дворецкий! Где он? Темень лютая, хоть глаз выколи... И остановилась, покрываясь коркой льда. Такое ощущение, что стекающая с меня вода замерзла в одночасье, окутав меня арктической стынью.

— Почему вы боитесь? Где вы? — повторил металлический голос. Чиркнула спичка. Зашипела, как гадюка. Синее пламя осветило бесстрастное лицо. — Ах вот вы где... Идите немедленно к себе и не выходите. И запомните, вам нельзя выходить из замка.

Блеклое пламя скукожилось, погасло. Дворецкий чиркнул новой спичкой и шаркающей походкой потащился к двери — задвигать свои засовы. А я опять побрела наугад через неф. На плаху. Состояние частичной прострации менялось тотальным умопомешательством. Построение логической цепочки прервалось, в голове запрыгали фантастические образы и аллюзии; в мире на одно психически неуравновешенное существо стало больше. По неяркой полоске под дверью я определила, что нахожусь в вестибюле жилого флигеля. Машинально свернула к северной лестнице. Доволоклась до ее подножия, нашла на ощупь перила...

Начала восхождение и чуть не заработала удар, когда откуда-то сверху на меня обрушилась... музыка!

Дикий, пещерный рев «Рамштайна» — яростный выброс энергии — встряхнул замшелый замок и меня, дрожащую, обтекающую курицу! Истошный вопль певца в аккомпанементе визжащей гитары легко проник на первый этаж. Загулял по гулкому вестибюлю. Взревели басы. Раздался топот людей и восторженные крики из нескольких глоток.

Просто кто-то наверху врубил бумбокс на максимальную громкость. И поставил не самую изысканную в мире музыку.

Но для моего расшатанного сознания это послужило чуть не началом Судного дня. Или Судной ночи. Я не могла слушать эту музыку. Я люблю тихую музыку. В голове творилось что-то невыносимое. Туалетный визг соло-гитары продирался в мозг, разрывая его на части. Я отпрянула от лестницы, заткнув уши, доволочлась до обратной стены и начала тыкаться мокрым носом в двери. Соображения — полный ноль. Я инстинктивно хотела убраться подальше от того, что в узких кругах именуется музыкой, эта музыка мне казалась дьявольской, написанной специально для того, чтобы официально закрепить за мной статус умственной калеки. И ей это удавалось!

Левая дверь — обиталище Винтера — оказалась запертой. Он тоже особенный? В кухне я напоролась на какой-то бак и в страхе выметнулась вон. По дури влезла в третью комнату — на мою беду, она оказалась открытой. Свет горел, но не сказать, что электрический. Свеча горела на столе. А в изголовье Богородицы в грязном, растрескавшемся окладе — еще одна. Эта крохотная иконка стояла на выдавшей виды тумбочке, а перед иконой на четвереньках неистово молилась горничная, Юдифь, или как там ее, эту мымру... Она отбивала поклоны до земли, отклячив тощую задницу. Что-то монотонно бормотала. Я не могла разобрать ни слова, да и не хотела, зачем мне это надо? Я замерла в изумлении. Дикая картина. Движение двери с ворвавшейся музыкой чуть не загасило пламя свечей: оно качнулось, почти легло...

Молящаяся медленно обернулась. Никогда не видела такого злого лица. Возможно, виной тому были танцующие по комнате тени? Я увидела остроносое угрюмое рыльце, невымытые секущиеся волосы, в беспорядке падающие со лба; стиснутые, практически отсутствующие губы...

Индивид с нормальной нервной системой, возможно, не узрел бы в этой богобоязненной аспидке конкретно infernalного образа. Но мне она в тот момент показалась страшнее всех кошмаров, вместе взятых и умноженных друг на друга. Химера с головою змеи и задницей голодающей жабы...

Я попятилась, даже не извинилась. Психоз комфортно обустроивался в голове. Воевать с ним уже не было средств. Затупились мои топоры. Разве что ударной дозой спиртного. Или клином — по другому клину...

Зажав плотно уши, я отправилась по лестницу — больше в этом замке идти было некуда...

Обещанный Рустамом карнавал походил на какое-то безумное языческое шоу. Музыка гремела в проходе, сотрясая стены. Довольно сильный бумбокс. Откуда у них музыка? Я обшаривала комнату каждого, ничего подобного не замечая. Входит в сервис?..

В мерцании свеч между «аппендиксом» и сквозным коридором корчились человеческие

фигуры. По стенам плясали тени, создавая иллюзию большого количества людей. Кто-то тряс импровизированным факелом. Кто-то был в самодельной маске. Все орали в меру возможностей, вопли накладывались на роковое неблагозвучие, отдельные слова не прослушивались. Полуобнаженное женское тело извивалось вокруг мужского, мужчина ловил ускользающие женские формы, смачно тискал их, норовил прижать к себе... Коптящий факел рисовал в пространстве узоры; еще двое совершали безумные встречные прыжки, одновременно сдирая с себя одежды... Лишенный мелодичности рок назойливо барабанил по ушам. Я пыталась продрасться через это буйство. Но они прыгали вокруг меня, кто-то озверело схватил меня за руку, провернул вокруг оси. Копоть факела ударила в лицо.

— Вера, присоединяйтесь к нам! — заорали сбоку. — Здесь весело!

Женский вопль ударил в левое ухо. Застонала другая женщина — в правое. Сейчас, все брошу...

Я вырвала руку и принялась их настойчиво объезжать. Но они опять возникали на пути, не давали мне прохода. Нарочно издевались. Я делала шаг, а меня уже кружили, дышали в лицо, вынуждали искать маневра. Я пыталась им что-то сказать, но вопли глушили мои жалобные стенания. Я спотыкалась, боролась с головокружением. Тем не менее я продвигалась, не стояла, а за мной вился шлейф людей, исполняющих безумную пляску. Они считали, что это очень весело. В завершение «обряда» голос Эльзы выкрикнул что-то имитирующее магическое, ритуальное. Заклинание, на которое откликнутся страшные силы. Взревела толпа:

— Вальпургис-нахт!!!

Но я уже нырнула в нишу, за которой была моя дверь. Влетела в комнату, прижалась к двери. Очевидно, мои покои лежали за линией «ведьминого круга» — на них шабаш не распространялся. Никто не сделал попытку ворваться в комнату. Но музыка продолжала грохотать, и крики исполнились новой яростью.

— Ве-ра! Ве-ра! — заскандировала толпа.

Неужели они настолько тупые? Или хотят окончательно свести меня с ума?

Я взяла со стола бутылку виски, запрокинула голову. Жадно отглотнула (на, печень, получай!) крепкую, обжигающую жидкость. В обнимку с бутылкой добралась до кровати, где продолжила грехопадение. Виски растекалось по жилам, будоража кровь. Но я еще сохраняла способность соображать. Скинула с себя мокрую одежду и переделалась в сухое — вельветовые брюки и свитер под горлышко. заново обняла бутылку, прикинув на глаз содержимое.

— Ве-ра! Ве-ра! — буянила толпа.

Я влила в себя остатки. Как жаль, что все в мире кончается...

Я выронила бутылку и тупо уставилась перед собой. Интересно, а откуда она здесь взялась? Голова плыла — от нервов, от выпитого, от первых признаков типичного респираторного заболевания.

— Ве-ра! Ве-ра! — бесновались страждущие.

Они не успокоятся, я прекрасно понимала. Их возмущает, что они тут все в дерьме, а я одна в перьях. Выискалась, на их зависть, такая непорочная. Алкоголь ударил в ослабленную голову, как артиллерийский снаряд. Меня аж качнуло. Кто тут непорочная? Сопrotивляясь разумом, я встала, вся наэлектризованная, и сделала несколько неверных шагов. Клин клином, и никаких гвоздей...

Толпа встретила меня восторженным ревом:

— Ве-е-е-ра-а-а!!!!

Не успела я опомниться, как опять оказалась в гуще кривляющихся тел. Голая женская грудь прошлась по мне скользом, обогнула, стала алчно тереться в спину. Факел, выброшенный из руки, прочертил дугу, упал на каменный пол, разбросав ошметки пламени. Через него кто-то тут же перепрыгнул, забился в буйной истерии. Ко мне прижалось гибкое мужское тело. Руки потеряли свободу, их цепко схватили за предплечья. Я закружилась в жутковатом, далеко не бальном вальсе. От мужчины удушливо несло потом, но я не могла ни оторваться, ни отстраниться. Он потащил меня на середину коридора — шлейф из дрыгающихся тел тут же подался за нами. Он остановил меня напротив комнаты Эльзы, и все началось сызнова — я понеслась по кругу, поневоле вовлеченная в действие, ощущая с ужасом, что начинаю получать от происходящего какое-то извращенное, мазохистское удовольствие...

Как долго это буйство продолжалось, я не знаю. Свистопляска увлекла с головой, засосала, как пылесос. А потом внезапно все прекратилось. Музыка смолкла — резко и ошеломительно. Люди замерли — каждый в той позе, где застал его «обрыв».

— Господа, половина двенадцатого! — возвестил из-под маски с кошмарным носом дрожащий от напряжения голос. — Близится час, господа!

А такие ли они пьяные? — вдруг подумала я. Смердящее потное тело оторвалось от меня, растворилось в потемках. Прошелся шелест — люди задвигались. Общий вздох, будто порыв ветра, просквозил по коридору. Неужели даже в тот момент я так и не сподобилась понять, что же в реальности происходит в замке? Или я все понимала, побоялась отдать себе отчет?

«Маски-шоу» как ветром сдуло. Куда подевался шабаш? Я стояла одна в пустынном коридоре, где зловеще мерцали развешанные по стенам огоньки...

Глава шестая

Я пробудилась в половине второго ночи от привычного, впитавшегося в кровь чувства — страха. Но это было нечто новенькое. Троекратно усиленный, он тряс меня, как липку! Такое чувство, что мне в бутылку подсыпали лекарство от храбрости, и только сейчас оно начинает действовать. Неодолимое желание куда-нибудь спрятаться, забиться в щель. Не просто паника, без повода и причины, признак дурачины, а явно чем-то подкрепленная, имеющая под собой железную основу. Я села на тахту, обернулась в натуженный слух. За окном густо падал дождь. Он уже превратился в привычный фон, не мешал отчленять посторонние звуки. Вот оно — я услышала! Кто-то медленно, мягко вышагивая, двигался по коридору — от южной лестницы к северной. Плавно переступал, с пятки на носок. Едва различимое ухом шарканье. У моей двери шорох шагов стих. Не зря боялась — человек остановился. Очевидно, его привлекла полоска света из-под моей двери (я не выключаю на время сна лампу!). Тихий ужас меня обуял, я закрыла рот ладонью, чтобы не закричать. Куда бежать? За портьеру? Под тахту?..

Этот лютый «саспенс» продолжался секунд десять. Человек не вошел, «ведьмин круг» продолжал работать. Вместо этого он внезапно сорвался с места и побежал по коридору. Он не топал, как стадо слонов, хотя явно не шел, а бежал. Ужас отпустил меня, но ненадолго. Мне почудилось, кто-то закричал. Далеко, за толщами стен — протяжный вскрик, заглушенный пространством...

Или показалось? Или не человек вскрикнул, а птица пропела ночную лаконичную серенаду. О чем поет ночная птица? Хотя какая птица поет по ночам на неласковом осеннем берегу?

Страх заворочился с новой силой. Выйти невмочь, но сидеть в комнате еще страшнее. Это западня, из которой нет выхода. Запоры отсутствуют, оружия в наличии не имею. Даже при условии, что со мной ничего не стрясется, я не смогу уснуть, я к утру скончаюсь от ужаса...

Я должна выйти, убежать из этой западни. К охране на перешеек! — осенило меня. Отсижусь, авось не прогонят. А прогонят — спрячусь в кустах. Под обломками стен, в лопухах, под обрывом, за террасой, на кладбище, в склепе...

Я выбежала в коридор. И тут же поумерила свою прыть. В желтом восковом свечении из «аппендикса», ведущего на лоджию, быстрым шагом вышел человек. Я юркнула за колонну. Человек не сомневался в выборе верного пути — он сразу повернулся ко мне спиной и бесшумно заскользил к северной лестнице. Еще мгновение — исчез в проеме. Я механически дернулась к южной, но быстро вспомнила про труп Бурляка с расколотым черепом. Он подвернулся на южной лестнице, там и колдовал злоумышленник, а повторение, как известно, мать учения...

Не бог весть какой барьер, но он меня остановил. Я поколебалась и снова двинулась на север. Не буду бояться — человек уже спустился; сомнительно, что его так быстро понесет обратно.

События этой ночи развивались по всем законам детективного жанра. Я дошла до «аппендикса», опасливо покосилась на распахнутые двери в черную ночь, ускорила шаг. Но тут услышала отчаянный женский стон:

— Мостовой, помощи-и...

Он доносился с лоджии. Я задержалась, как на веревочках. Помчалась вперед, вернулась, сделала шаг к лоджии.

— Помоги, Мостовой, падаю...

Сколько муки и страха было в этом стоне! Я опомнилась. Какого черта я тут дергаюсь? Устыдись! — спасай утопающего... Я побежала на лоджию. Метнулась на каменную площадку, завертела головой. Темень несусветная, луну бы сюда с неба...

— Кто здесь?

— Сюда... Скорее...

Стон доносился справа, с того участка террасы, где я пыталась спрыгнуть на землю. То есть покончить с собой. Я перегнулась через перила, стала всматриваться. Там что-то болталось — вроде тряпки на ветру. Человек, что ли? Одной рукой он держался за балясину, другой царапал по карнизу. Ноги висели в пустоте — метрах в восьми от каменной террасы. Разбиться с такой высоты — проще, чем не разбиться...

Самое время сходить на подвиг. Другого времени для подвигов просто не существует! Я согнулась в три погибели, нащупала балясину и руку, которая вот-вот собиралась разжаться. Схватила ее за запястье.

— Вторую давай...

Напряжение — нечеловеческое. Градом хлестал пот, разъедая солью глаза. Висящая женщина отпустила карниз, потянула меня за собой, но тут же, извернувшись, схватила меня за вторую руку. Я уперлась коленями в балюстраду, заработала плечами. Она помогала мне, активно перебирая ногами. Без ее помощи мы бы точно обе сверзились. Она встала на карниз, издала стон облегчения. Жанна! Девушка с хорошим русским именем...

Я помогла ей перебраться через перила — мы обе упали на пол, задыхаясь от дикого напряжения.

— Жанна, как вы туда угодили?

— Господи, Вера, что вы тут делаете?.. Вам нельзя здесь находиться, уходите... Спасибо вам, Вера... — Она пыталась приподняться, но разъезжались ноги. Она встала на корточки — ее качало и штормило. — Дьявол... — она стала судорожно озираться. — Я выронила нож...

— Да что случилось, Жанна? — хрипло выкрикнула я. — Кто вас толкнул?

— Рустам...

— Но почему?

Она огрызнулась:

— По кочану... Налетел, как дьявол, швырнул за перила. Я ждала Мостового...

Полезного разговора не получалось. Она резко подпрыгнула, приняв боевую стойку. На лоджию, громко топая, вбежал грузный мужчина, вскочил в аналогичную стойку. В руке он что-то держал.

— Мостовой! — вскрикнула Жанна. — Наконец-то!.. Не трожь ее, это Вера, она помогла...

— Ты в порядке? — Мостовой подлетел к Жанне. — Бежим скорее. Этот урод где-то рядом, я его видел... Вера, убегайте скорее, что вы, черт вас побери, здесь делаете?

Я не успела и рта раскрыть, как опять осталась одна. Топот удалялся. По карнизу барабанил дождь, хлестал ветер. Как последняя дура, я не схватывала суть вещей. В голове застрял единственный лейтмотив этой ночи — бежать...

Отдышаться не было времени — страх гнал вперед. Я снова вышла в коридор,

осмотрелась. Побежала к северной лестнице. До пугающего чернотой проема оставалось три шага, когда сотворилась новая пакость. Пуще прежних! Человек вымахнул из проема — расправил объятия! Я не успела рассмотреть его лица. Очевидно, во мне уже сидела установка — немедленно реагировать на разные пакости. Я рванулась влево, уходя от удара. Но слишком близко оказалась колонна — я с размаху ударилась виском о шершавый камень! Боль пронзила голову и рассыпалась по телу. Подкосились ноги, сделавшись ватными. Я бы и сама упала — круги в глазах уже вертелись. Но человек не стал ждать — он швырнул меня на пол. Я сумела изловчиться в воздухе, упала не затылком, что было бы летально, а сперва на попу, затем на правое плечо. Оно тотчас среагировало — обожгло болью. Последовала вспышка ярости. С моей стороны. Он не успел до меня дотянуться, а я уже ударила его пяткой по коленке. Этот ублюдок вскрикнул, пнул меня по больному плечу. Я то ли замычала, то ли завопила — не помню, сознание уже убегало, цепляясь за какие-то острые кромки... Но окончательно я его не лишилась — на свою дальнейшую беду. Я бродила по грани — между тусклой реальностью и яркой вечностью. Свет фонаря ударил в лицо. Человек похабно ругнулся. Ясно дело, обознался. Да еще по колену заработал. Безжалостной мести от него я, впрочем, не дождалась. Поняв, что ошибся номером, человек предпочел не тратить время. Он оставил меня в покое, бросился дальше по коридору. Слишком мягкие у него были шаги — я сегодня уже такие слышала... Потом где-то рядом хлопнула дверь, снова кто-то пробежал — тяжелый, грузный. А я оставалась лежать, ощущая спиной холодную гладь камня, пытаюсь приподняться, но преуспела далеко не сразу...

Впрочем, определенных успехов я добилась. Я сохранила способность бояться, но разучилась подвергаться изумлению.

Я поднялась, держась за колонну, и, силясь как-то упорядочить анархичное мельтешение кругов перед глазами, отправилась на лестницу. Опыт уже имелся — я встала боком, взялась за перила и довольно быстро убедилась, что конструктивные особенности дома нынче не направлены против его обитателей. Закусив до боли губу, чтобы не свалиться в обморок, я спустилась к подножию лестницы. На южной окраине вестибюля горели две свечи в канделябрах. Вполне достаточно для ориентирования на местности. Проглотив тошноту у горла, я, пошатываясь, побрела к застекленным дверям на террасу. Это новый путь, я должна была его испробовать. Ощутить на вкус. Через неф я уже ходила. Ничем хорошим это не кончилось. А в моем теперешнем состоянии — и подавно не кончится.

Я растворила двери и вошла в просторную «базилику», равную ширине висящей над головой лоджии. Причудливые опоры по краям, не атланты, конечно, с кариатидами, но все равно забавно. Впереди терраса, за ней море. До выхода с территории замка Кронбери — четыре метра, а там за угол, еще раз за угол, и — бегом к перешейку, где мужчины в «плащаницах», не добрейшие создания, но хотя бы вменяемые...

Удалиться с территории замка оказалось еще труднее, чем раньше. Вам никогда на голову не падали трупы?

Я вошла в зону, где начинался дождь. Наверху раздался нечеловеческий вопль, и что-то тяжелое обрушилось с балюстрады на мою несчастную голову! Это уже сверх всего! Хорошо, не по прямой по кумполу. Но зацепило основательно — ботинок падающего треснул меня по больному плечу, и мы упали почти разом...

Я копошилась в луже, плача от боли и бессилия. А рядом валялся труп. Вернее, в ту пору еще не труп. Он подавал определенные признаки жизни. Хрипел и пытался приподнять

голову. Потом распознал рядом с собой живое существо, вцепился мне в рукав. Обрадовался, наверное. Я рванулась от него, как от чумы, но он уже сжимал меня всей своей предсмертной корчей. Я начала приподниматься, скользила, падала на колени, а он порывался мне что-то сообщить, тряс головой, но изрыгал при этом только нечленораздельные хрипы. У меня уже не было сил с ним бороться. Я прекратила сопротивление. Сидела на коленях под стеной ливня. А покойник тряс меня, как грушу...

Внезапно вспыхнул яркий свет. Густой такой, направленный. Мизансцена осветилась до мельчайших подробностей. Ливень, женщина на коленях, умирающий Рустам...

Он разбил позвоночник, переломал все на свете, но как-то умудрялся жить. Кровь текла из черепа, но тут же смывалась дождем. Рот кривился в попытках что-то произнести. Глаза умоляли — не дай загнуться, спаси!.. Но постепенно его движения становились не такими яростными, глаза закатывались.

— Это... неправильно... — смог он выдохнуть что-то явственное.

Мощная судорога пронеслась по телу. Она встряхнула и меня, скованную с ним одной цепью. Он затих, а рука продолжала оттягивать мой рукав. Какими-то механическими движениями я разжала поочередно его пальцы — они не успели отвердеть настолько, чтобы превратиться в неотъемлемую часть моего гардероба. Теперь можно было подниматься. Доколе я буду сидеть, как на сцене?..

Я подняла голову. В качестве рампы в этом акте выступал достаточно мощный фонарь. Он висел у капители колонны, похожей на... На что похожи колонны? Обыкновенный стеклянный колпак, защищенный решеточным «забралом». Я могла бы и раньше обратить на него внимание, но зачем? Разве для того висят фонари, чтобы обращать на них внимание и удивляться? Удивление мог бы вызвать другой предмет — компактная видеокамера, установленная метром ниже, в каменном углублении, и бесстрастно снимающая все происходящее. Я бы тоже ее не отметила, не светись у нее на боковой панели крохотная красная лампочка. Но и этот предмет не вызвал моего удивления. Снимается фильм, что же в этом необычного? Я сделала попытку приподняться с колен, оторвала руки от земли, распрямилась... И подломилась, как сухая хворостинка. Я упала, ни о чем уже не заботясь, а сознание мое покатилося куда-то колечком...

Пока я мирно совмещала обморок со сном, добрые люди не дали мне закинуть, подняли с террасы, отнесли в постель. Раздели до кружевной «Милавицы» (интересно, посмотрели, что под чашечками?). Даже мокрые вещи развесили: кофту на стуле, джинсы — на оконной раме...

Я очнулась в постели в состоянии очень близком к похоронному. Общий декаданс за окном усугубляли зверский кашель и непроходящая жажда. Очень кстати головная боль. Я на ощупь откопала в вещах пилюлю «Колдакт», проглотила вместе со слюной. Тупо оделась, тупо совершила водные процедуры, посмотрела на отражение в зеркале. Где мои двадцать шесть лет? У слепого существа из Зазеркалья отсутствовали возрастные признаки. Слава богу, сохранялись половые.

Я долго вспоминала, какой сегодня день. С сомнением решила, что воскресенье — последний день уикенда. Сурово меня отуикендили...

Скорчив рожу зависшей в углу видеокамере, я тупо побрела на южную лестницу. Тупо спустилась и поволоклась по диагонали к кухне. Но скопление людей у подошвы северной лестницы меня чем-то привлекло. Я сменила направление и потащилась туда.

У начала лестницы, в том самом незабываемом месте, где я ночью пряталась от дворецкого, лежал труп Арсения, а вокруг него столпились те, кто еще не умер: Жанна, Мостовой, Эльза. Элегантный Бригов — до кучи. Ни дворецкого, ни шиншиллы поблизости не наблюдалось. Видимо, столь незначительные события не позволяли им отрываться от важных хозяйственных дел.

Смотрелся Арсений неважно, хотя одет был прекрасно. Его костюм напоминал облачение чебура... тьфу, черепашки-ниндзя, за исключением разве что панциря. На голове косынка, великолепный торс обтянут не стесняющей движения тканью цвета маренго. На ногах — кроссовки с супермягкой подошвой. Портит вид здоровенный шишкарь на лбу (я никогда не видела таких выдающихся объемных шишкарей!) и багрово-черный рубец на шее, ясно показывающий, что умер парень отнюдь не от шишкаря.

Смерть не из почтенных. Но особенно расстроенных чувств на физиономии у парня не было. Он смотрел на мир открыто, чуть нахмуренно, как будто на минутку отлучился по делам и вот-вот будет. Даже «жабо» из запекшейся крови не доставляло ему неудобств. Знать, приборчик от страха помог.

За прошедшие сутки ситуация изменилась. Лишь один человек из числа собравшихся не выражал своих эмоций. Это была я. Потому что стала тупой и бесчувственной. Невозможно жить на страхе (ты же лопнешь, деточка). Остальные не стеснялись демонстрировать свое душевное состояние. Бригов с удовлетворенным видом пощипывал мочку уха, курил и благодушно пускал дым колечками. Эльза откровенно тряслась (хоть кому-то этот труп не по душе). Она была бледнее покойника, кусала губы и как-то затравленно озиралась, словно ее тоже собирались втихушку пристукнуть. Мостовой прятал под хитрой улыбочкой глумливые мысли. Жанна в открытую похмыкивала, смотрела на всех свысока. Даже на Бригова.

— Тяжеловатая выдалась ночь, — сообщил, оставляя в покое ухо, Бригов. — Двоих потеряли. Невосполнимая утрата.

— Жалко птичек, — кивнул Мостовой. — Обязательно выпьем за их здо... Прошу прощения, за упокой.

— Я не буду пить, — покачала головой Жанна. — Спать пойду. Вадим, — обернулась она к Бритову, — будьте так добры, прикажите дворецкому доставить завтрак ко мне в комнату. Вина не надо. Побольше яблочного сока.

— Обязательно, мэм, — кивнул Бригов. — Вам необходимо много витаминов, вы ослаблены. Остальным я бы тоже порекомендовал...

Занимательная штука. Мне казалось, они не замечают моего присутствия. Я могла себя поздравить — становлюсь невидимой. Неслышными шажками я отпочковалась от компании и побрела на кухню. Не обращая внимания на колдующего у печки дворецкого, я села за стол. Сложила ручки, как прилежная ученица.

— Кушать будете? — покосился из-за плеча Винтер.

— Будем-с, — проворчала я. — Чай с малиной, да погорячее — горло болит.

Лишних слов этот страшный субъект не употреблял. Молчаливо отправился выполнять. Выставил яства на потертую клеенку. Я тупо потыкала вилкой горячую яичницу с сырокопченой колбасой (заменителем бекона), выпила чай. Кашель удалился в глубь организма и на какое-то время прилег отдохнуть. В свою комнату я поднималась вооруженная чайником с горячей водой. С опозданием на сутки помыла голову. Остатками воды сполоснула некоторые другие места. Оделась в более-менее приличное (то есть сухое) и отправилась в гости к ближнему.

Бригов в безупречной сорочке и запонках от мертвых итальянцев сидел за столом и постигал основы правописания. Усердно рисовал закорючки в блокноте.

При моем появлении вежливо поднялся:

— Вера Владимировна? Утречко доброе.

— Я все поняла, — сказала я.

— Всецело рад за вас, — кивнул Бригов. — Много же вам понадобилось, Вера Владимировна. Это было так сложно?

— Для меня — да. Я работаю в криминальном отделе, но с таким, надо признаться, сталкиваюсь впервые. Я воспитывалась в среде, где человеческая жизнь по старинке продолжает иметь ценность. Ваши гладиаторы самолично уничтожают друг дружку — с нуля часов и до рассвета. Полагаю, до шести утра, верно? Наступает ночь-полночь, и воцаряется кровавая неразбериха. А в остальное время отсыпаются и очень мило общаются друг с другом.

— Ну что вы хотите, Вера Владимировна, — развел руками Бригов. — Спрос диктует предложение. Таковы забавы новых русских. Острова приедаются, экстремальный отдых отходит на задний план. «Концлагеря» для добровольцев — пройденный этап. Это бизнес, дорогая моя. Кому-то хочется новых ощущений. Заметьте, здесь нет беспредела. Никого не убивают вопреки его воле. Любой участник Игры знакомится с правилами, подписывает контракт. Отбор исключительно добровольный, обмана нет. Каждый превосходно знает, на что идет.

— Не похожи эти ваши шестеро на новых русских, — фыркнула я.

Бригов рассмеялся:

— Новые русские не участвуют. А если участвуют, то не крупные. Они сидят далеко отсюда. Игроки — волонтеры, набранные агентами нашей Фирмы на просторах необъятной Родины. Вы даже не представляете, Вера Владимировна, какое это непаханое поле.

— Отчего же, легко могу представить. Неудавшиеся самоубийцы; отчаянно нуждающиеся в деньгах; позабытые обществом и выброшенные на обочину жизни; экстремалы... Просто люди, считающие себя донельзя крутыми. В России всегда было с избытком живого материала, это вы хотите сказать? Что же заставляет людей испытывать судьбу — один к шести? Это очень мизерный шанс, Вадим. Оглушительно щедрый приз?

— Вы не правы, Вера Владимировна. Один к трем. Приз действительно оглушительно щедрый, но получают его двое уцелевших. Таковы правила Игры. В этом смак соревнования — вовремя остановиться... Что в нашей жизни главное? — назидательно заметил Бригов. — Вовремя остановиться. Как видите, и в смерти это главное. — Он засмеялся так непринужденно, словно говорил не о человеческих жизнях, а о каких-то кроличьих.

— Запутанные у вас правила, — со скепсисом заметила я.

— Это умные правила, Вера Владимировна. Именно вышеупомянутое условие привлекает потенциальных игроков.

— А если перестараются? И в итоге обнаружатся пять трупов?

— Бывает, — согласился Бригов. — Люди импульсивные, заиграются, увлекутся. Но увы — один не получает ничего. Призерами становятся двое. Либо никто. Это важный пункт в подписываемом договоре, Вера Владимировна. С ним знакомятся в первую очередь. Призеры делят деньги и разъезжаются по домам. Фирма не допускает обмана. Никто из выигравших не подвергается преследованию. Их безопасность гарантируется. Они подписывают бумагу о неразглашении тайны любому лицу, даже близкому родственнику.

После чего призеры живут долго и, как правило, счастливо. Естественно, никому из них не придет в голову обнародовать источник своей внезапной состоятельности. Идиотов среди них как-то не наблюдается.

— Иначе говоря, Вадим, — осенило меня, — игрокам никто не мешает до начала Игры... разбиться на пары?

— Абсолютно никто не мешает, — подтвердил Бригов. — Очень часто они этим и занимаются. В дружбе есть плюсы, но есть и удручающие минусы. С момента прибытия на место и до начала непосредственно Игры у игроков имеется день-два. Они общаются, выпивают, нащупывают слабые струнки соперника, заключают союзы, клубы по интересам. В общем, активно готовятся к работе.

Бедная Эльза, подумала я. Вот уж кому решительно не повезло. В разбивке на пары реально существуют минусы. Жанна до начала Игры «спарилась» с Мостовым. Арсений — с Эльзой. Но Арсению это не помогло, как и тем двоим, что погибли первыми. Во всяком случае, пережил он их ненадолго. Теперь против Эльзы выступают двое. Развернутым фронтом. Оба — спортсмены. Бедная Эльза.

Распорядитель жутковатого состязания легко прочитал мои мысли. Они лежали на поверхности. Он развел руками:

— Сожалеем, но не имеем права вмешиваться. Все по правилам, все честно. Это неизбежная ситуация. Когда в живых остаются трое, почти всегда возникает нечто вроде страстного бразильского сериала, где кто-то считает себя крупно обделенным.

Я вслушивалась в интонации этого человека и искренне недоумевала. Неужели он и впрямь считает, что разглагольствует о кроликах?

— Новые вопросы, Вера Владимировна? — осведомился Бригов. — Если можно покороче. Я, в отличие от вас, плотно занят. Кто-то ведь должен готовить письменный отчет о проделанной работе — раз уж вы нас подло обманули.

— Миллион вопросов, — не стусевалась я. — Постараюсь вкратце. Почему старинный замок и почему в Англии? Для чего такие сложности? Подготовить визы, купить чиновников на той стороне, на этой. Арендовать замок через подставных лиц. Наладить систему безопасности в чужой стране. Избавиться от трупов — опять же на чужой территории. Колоссальная подготовительная и «уборочная» работа. Нельзя ли было как-то попроще?

— Было и попроще, — охотно ответил Бригов. — Не первый год на рынке развлечений. Начиналось с банальной лотереи, своего рода русской рулетки. Но ведь это пресно, согласитесь? Вынул билет со смешной рожицей — раз, и готово. Даже вникнуть не успел. Тоска зеленая. Постоянный поиск новых решений, Вера Владимировна, — вот главное в нашей напряженной работе. Время такое — оно требует свежатинки. Да и мода не стоит на месте. Нынче в ходу именно таковое — с душком старины и запахом плесени. Неоготика, если позволите. Решает зритель. Он платит, он заказывает музыку. Пожелает зритель Луну, субсидирует проект — будет ему Луна. А почему вы удивляетесь? Повторюсь, не первый год. Это не стартовые декорации для нашей Игры. Был заброшенный крановый завод в Липецкой области. Середина девяностых, мода на Голливуд. Все эти фермы из стального профиля, заброшенные цеха, груды искореженного металлолома. Несколько бескомпромиссных парней с «ремингтонами»... Были катакомбы на Черноморском побережье — все участники прошли месячные курсы молодого спелеолога... Бесперспективная сибирская деревенька — в самой глуши Томской губернии, оставленная последними жителями еще лет десять назад. Помните моду на таежные боевики?.. Вы не поверите, Вера Владимировна, но был даже

ночной зоопарк с открытыми клетками и некормленными зверьми — на территории крупного областного центра. «Гладиатора» насмотрелись. Очень дорогостоящее, скажу я вам, предприятие. Дороже нынешнего — невзирая на простоту. И контингент там был другой — более подготовленный, не то что нынешние задохлики.

— Вы сами подбирали этих задохликов.

— Во-первых, подбирал не я. Во-вторых, существует определенная разница между боями с дикими животными и Игрой в заброшенном замке. Улавливаете мысль? Текущая Игра не требует железных мускулов и точного попадания кулака в цель. Здесь важнее умение варить головой. И хитрость. Подозреваю, русский народный герой Арнольд Шварценеггер проиграл бы в первую ночь. Тому же Рустаму...

Не растеряй я способность удивляться, мои волосы давно оторвались бы от головы. Могущество конторы, организующей подобное непотребство, невозможно переоценить. Это поистине какой-то всемогущий монстр. Он организует своего рода тотализатор. Где-то далеко, за тысячи миль, сидят люди при деньгах, в уютных креслах, бизнесмены, преступные авторитеты, крупные новые русские, заключают ставки, болеют за «своих», смотрят документальные кадры, почитывают натуралистичные репортажи...

Клиентура у Фирмы надежная, не проболтаются, такой великолепный досуг им не организует ни одна контора, специализирующаяся на «элитных» развлечениях.

— Но ведь не все попадет в кадр, — логично заметила я.

— Не все, — покладисто согласился Бригов. — Но многое попадет. Знакомство участников, совместное проведение времени, поведенческие нюансы, кое-что из Игры, ну и, конечно, проигравшие. А также выигравшие. Будет смонтирован неплохой фильм, уверяю вас.

Легко поверить. Когда за дело берутся профессионалы, которым любые чудеса по плечу... Интерес не только для любителя поглазеть на реальную смерть. Находка для психолога. Хоть диссертацию защищай: поведенческие нюансы перед лицом вероятной смерти. До того и во время того. Для счастливиц — после того. Самая забирающая тема, никогда не теряющая актуальности — для любых сословий и любых коэффициентов интеллекта. От мала до велика, независимо от пола и от того, что по этому поводу декларирует возмущенный индивид. Смерть.

— А почему они не могут элементарно перестрелять друг друга?

— Не положено, — решительно покачал головой Бригов. — Огнестрельное оружие в текущей постановке запрещено правилами. Равно как и шокеры, газовые баллончики, луки, арбалеты, то есть любое оружие, поражающее на расстоянии.

Слово «постановка» просто умиляло.

— А какое оружие разрешено?

— Любое другое. В меру вашей фантазии. Но не то, которое причинит вред не участвующему в Игре. Схватываете мысль? Говоря о персоналиях — мне, вам, прислуге. Надеюсь, вы понимаете, что прислуга — это часть персонала Фирмы? Лучшая, заметьте, часть.

Хотела бы я взглянуть на худшую.

— А ступень, через которую не перешагнул Бурляк, не могла мне повредить? — озадачилась я. — Почему бы мне не захотеть спуститься ночью на кухню? А сегодняшней ночью? Дважды или трижды моя жизнь подвергалась опасности...

— И не уговаривайте, — запротестовал Бригов. — Вы сами виноваты. Нечего шляться

по ночам где не требуется. Не участвующий в Игре с нуля часов до шести утра должен сидеть у себя в комнате и тихо заниматься своими делами. Например, спать. Ему незачем бояться. Угроза жизни не участвующему в Игре, а тем более покушение на нее или, не дай бог, отнятие влекут для провинившегося самую серьезную кару. Кстати, реальная Вера Владимировна Полякова должна была об этом знать.

— Она не передала мне свои знания, — буркнула я. — Скажите, Вадим, что со мной будет? Вы отлично понимаете, что я жертва обстоятельств. Меня банально подставили...

На этот вопрос словоохотливый «местоблюститель» не дал исчерпывающего ответа. Поначалу он никакого ответа не дал. Он многозначительно опустил кончики губ. В самом деле, как бы говоря, вопрос повышенного интереса. А для того ли я вам, уважаемая и дорогая Вера Владимировна, так подробно и откровенно обо всем рассказываю, чтобы взять и отпустить вас с миром? Не покажется ли это странным кое-кому в руководстве?

Он тактично пытался завуалировать свой демонизм, но твердые глаза не смогли бы меня обмануть. Даже начни он петь мне сонеты о недопустимости всяческих репрессий к такой милой даме, я бы ему не поверила.

Он и не стал упражняться в словоблудии. Правда, попытался несколько смягчить неотвратимость моих перспектив.

— Не волнуйтесь вы раньше времени, Вера Владимировна, — с чересчур наигранным сочувствием вымолвил он. — Идите к себе и постарайтесь успокоиться. Ваша дальнейшая судьба обсуждается. В рабочем порядке. Но пока не кончится Игра, с вами ничего не случится, обещаю.

В сущности, логично. Зачем прерывать игровые события появлением постороннего конвоя? Самое интересное, что день или два назад от таких «заманчивых» перспектив меня бы сокрушил удар, а сегодня я приняла их достойно. Как Орлеанская дева весть о грядущем сожжении. Я попробовала даже расширить наш с Бритовым «катехизис». Подойдя к двери, я взялась за ручку и спросила:

— Скажите, Вадим, у вас есть семья?

Он взглянул на меня несколько удивленно. Дескать, какое отношение семья имеет к работе?

— У меня нет семьи, Вера Владимировна, — сообщил он с небольшой «технической» задержкой. — Но это не связано с тем, что мне недостает некоторых человеческих качеств. В свободное от работы время их легко разглядеть. Но беда в том, что свободного времени мне катастрофически не хватает. Всего вам доброго, Вера Владимировна.

Я стояла у окна и спокойно оценивала свои возможности. Самое время перестать думать о худшем. И реально все взвесить. До следующего утра я нахожусь в безопасности. А если предстоящая ночью беготня по замку не обернется новым трупом, то еще сутки буду находиться. Но на такое счастье рассчитывать нельзя: двое спортсменов непременно подловят Эльзу. Им тоже ни к чему тянуть резину. Зачем работать до десяти раз дольше? Я имею сутки, с этим нужно смириться. Окончание Игры — это и мое окончание. Сбежать с перешейка я не смогу, уже пыталась. Проплыть вдоль мыса, прикинувшись водным «барашком», и вылезти на берег в стороне от перешейка? Не решение. На море постоянная волна. А я плаваю в тихой воде на расстояние четырех метров. Руки устают, задыхаюсь. Соберусь с несуществующими силами? Стану бешеной рыбой? — разобьюсь о камни. Тем более ночью. Эти скалы везде — и в воде, и на берегу.

Нет нормального решения. Ненормального, кстати, тоже нет. Бегство исключено, как ни горько об этом сожалеть. Так карты легли.

Но я должна была сделать хоть что-то. Вероятность спасения минимальна, однако я действующая журналистка. Вдруг удастся вырваться? И сколько дней я проживу, до того как лучшие сыщики Фирмы не зацепят беглянку? Вопрос лирический. Мне нужны документы против этой малосимпатичной организации — любое, даже косвенное подтверждение ее ублюдочной деятельности. Отчаянный шантаж. Атака хорька на бизона. Пусть смешно, но что мне еще остается? Лучше шанс из ста, чем вообще никакого. Лучше таить бледную надежду, чем бледный вид. Хуже не станет.

«Не шарахайся, — убеждал меня здравый смысл. — Действовать следует, если в этом есть необходимость. А у тебя нет необходимости. Ибо нет смысла. Отдохни. Вспомни учение Дао. Суть недеяния — у-вэй. Выдели необходимую сердцевину деятельности и мозгуй, как с нее начать. Не шарахайся».

Но я не могла не шарахаться. Я оттащила свою сумку к подоконнику (камера в углу, возможно, отдыхает, но зачем рисковать?). Самое время воспользоваться фотоаппаратом. Снять соитие двух бледных голубков мне не удалось, должно удалиться другое. Если правильно домозгую и увернусь от шпигов. Плоская фотокамера размером с небольшой, блокнот (подарок на четверть века от редакции во главе с Плавским и врученный Лешкой Первомайцевым; он сразу полез лобызаться на радостях) продолжала мирно покоиться между газетой «Файнаншел таймс», купленной в Хитроу, и сибирскими ржаными сухариками по шесть рублей за горсточку. У этой фотокамеры масса достоинств (долговечность, скорострельность, встроенная вспышка), но мне в первую очередь импонировала ее компактность. И удобство, с которым она лежала в руке. Незаменимое устройство для промышленных шпионов и загнанных журналисток.

Уже вторые сутки в дообеденное время в замке проходит мертвый час. Уцелевшие отсыпаются после напряженной бессонной ночи. Прислуга занимается своими делами, Бригов — невидим и неслышим. Я убедилась в этом лишний раз. Когда я спустилась в вестибюль, дворецкий гремел на кухне обеденными причиндалами. Дверь в каморку шиншиллы была приоткрыта — в глубине пространства мелькало убогое платишко с передником. Я по-шуструму просеменила к застекленным дверям на террасу и, проделав в них щелку, вывинтилась на свежий воздух. Под балюстрадой не осталось никаких кровавых следов. Еще ночью их смыло дождем. Ни одна примета не напоминала о бесславном падении Рустама. Опасливо покосившись вверх, я прошла под балюстрадой и остановилась, не выходя на террасу. Дождя не было. Сыпала мелкая изморось, недостойная считаться осадками. Я не видела выноса тел Рустама и Арсения, но первого покойника — Бурляка — дворецкий отволоч на кладбище. Логично допустить, что все мертвецы собраны вместе. Еще логичнее допустить, что возле них не установлен круглосуточный пост с ружьем. И у меня есть все шансы получить «интервью».

В чем ирония судьбы, я уже догадалась. В стороне кладбища существовало только одно место, приспособленное для хранения мертвых тел. С подобной целью его и строили. Склеп. Тот самый, где я таращилась на обросший паутиной каменный гроб, а потом спустился Бурляк — с целью осмотра места своего будущего упокоения. Их могли, конечно, побросать и под дождем, но как-то не вязалось это с основательностью Бритова и манерной тщательностью дворецкого. А вдруг со спутника увидят? Но, тем не менее, дойдя до

кладбища, я прошлась по всем могилам. Где и убедилась, что Фирма не позволяет в работе небрежности. Та же картина, что и ранее: засыпанные землей плиты, полустертые надписи, трава в трещинах и на дорожках. Из нового я обнаружила только полусмытые дождем следы ног, а между ними две параллельные борозды: как будто кого-то тащили под мышки, а ноги волочились по земле. Обрывались странные отметины у лестницы, сходящей в склеп.

Там и обнаружилось, что не все человеческое я в душе растеряла. Озноб продрал — от макушки до мизинцев на ногах. На особое вождение я и не рассчитывала. Но я должна была сделать свое дело, причем быстро. Для чего — потом разберемся. Очевидно, нервы пощекотать. Нащупав в кармане фотокамеру, я спустилась к двери. Сегодня она была закрыта. Но открылась просто, никому не взбрело в голову обеспечить ее замком. Втянув воздух и задержав дыхание, холодея от предстоящей картины, я вошла в склеп. Хорошо, что там было прохладно.

Картина незабываемая. *Ad patres* — к праотцам... Особого пиетета к покойникам дворецкий не испытывал. Бросал как попало, без почестей, словно ненужный хлам, лишь бы с глаз долой. Запах еще не придержался, но к тому имелись все расположения. Сладковатые миазмы уже витали. Бурляк лежал в дальнем углу, лицом вверх. Самый ранний.

Жирный паук уже успел оплести его ухо паутиной. Теперь копошился в районе ноздрей, создавая впечатление, будто Бурляк пытается дышать, медленно приходит в себя. Арсений валялся по диагонали с подвернутым локтем. Когда дворецкий тащил его в склеп, шел сильный дождь. Вдобавок он, видимо, оступился, выронил тело — всю спину Арсения покрывал плотный слой подсохшей грязи. С Рустамом та же история — грязь залепила лицо, закупорила ноздри и превратила посмертную маску «багдадского вора» в грязевую. Ради экономии пространства дворецкий бросил его между теми двумя, и теперь получалось, что Рустам доминировал над мертвыми: лежал, положив руки на соседей, и единственным свободным от «маски» глазом, болезненно напрягшись, смотрел в потолок. Под саркофагом валялись вещи усопших. Три дорожные сумки. Модный адидасовский баул Арсения, вытянутый «банан» Рустама и какая-то невзрачная котомка Бурляка. Тридцать тысяч лежало в багаже — неужели не мог купить приличную сумку?..

В этом склепе покоилось все, относящееся к погибшим. Ни в замке, ни на прилегающей территории от них не осталось ничего, даже памяти. Я уверена, о них уже забыли, как о чем-то начальном, несущественном. Даже Эльза перед лицом мерцающей могилы вряд ли вспомнит своего Арсения. У нее сегодня другие проблемы. Безусловно, важные.

Охваченная мерзкими ощущениями, я нащупала в кармане фотокамеру. Ракурс достойный, должен получиться отличный снимок. Быстро работай и убегай...

Я выдернула аппарат, сдвинула крышечку объектива. Но тут на лестнице послышался шорох. Я реагировала стремительно...

Очень надеюсь, она не обнаружила моей технической вооруженности. Не слышала взвода затвора. И моя недвусмысленная поза успела измениться. Я бросила камеру в карман и отпрыгнула к заплесневелому саркофагу. В склеп влетела растрепанная горничная. Я стояла сбоку от входа и наблюдала за ее вторжением под углом в сорок пять градусов. Оттого она и не предстала для меня зловещим очертанием на фоне освещенного проема, а оказалась такой, какая есть. Гадиной последней. Мымрой с сальными волосьями и забинтованной рукой.

— Какого хрена! — рывкнула я.

Она посмотрела на меня очень недоверчиво. На руки посмотрела, на ноги. На карман, в котором прилегла плоская фотокамера. На покойников эта крыса не смотрела. Какой ей пропит от каких-то неживых людей? Она обязана следить за еще живыми, которые подчас совершают странные визиты.

— Как вы здесь оказались? — Острая мордашка вытянулась вперед и начала мелко подрагивать, словно принюхиваясь к моему страху. Характерное крысиное поведение — эти твари так и поступают, когда ищут, чем бы поживиться. Я слишком шумела, недотепа, когда убегала из замка. Она увидела меня из своей каморки и по долгу службы решила поинтересоваться.

— Ножками пришла, — огрызнулась я. — А какое вам дело? Удивлены? Я не могу здесь находиться?

— В данный момент вы не можете здесь находиться, — проявляя завидную вышколенность, отрезала шиншилла. — Вы будете здесь находиться, когда вас сюда призовут. А сейчас немедленно уходите.

А если я уйду медленно?

— А почему это меня кто-то должен сюда призвать? — едко поинтересовалась я. И внезапно осеклась. Сообразила. Холод продрал меня до костей. Неужели я снова начинаю бояться?

— Немедленно уходите, — повторила горничная и сдвинулась в глубь помещения, освобождая мне проход. Позабыв о своей невыполненной миссии, я судорожно метнулась к двери...

Глава седьмая

И вновь тянущая боль переходила в оцепенение. Я лежала на кровати и бессмысленно смотрела в потолок. К двум часам дня опять нарисовалась горничная. С подносом. Непонятно зачем постучала и вошла, подергивая носом. Я отвернулась к стене, демонстрируя стойкое отвращение. Она молча поставила поднос на стол и удалилась. Несколько минут я продолжала ломаться — очевидно, перед глазком видеокамеры, безмолвно снимающей мой сплин. Потом встала, переместила поднос на кровать и принялась гонять по глубокой супнице жирные куски хорошо проваренного, волокнистого мяса.

После обеда замок ожил. Пару раз из коридора доносился голос Бригова, отдающего ценные указания дворецкому. Потом закутанный в дождевик долговязый Винтер показался на террасе. Он уверенно брел в направлении кладбища, а под мышкой сжимал увесистый сверток, завязанный в плотный мусорный пакет. Вероятно, в замке еще оставались вещи, навязчиво напоминающие о выбывших из Игры.

Море сдержанно клокотало, не спеша обрушиваться штормом... А ведь где-то впереди таинственное самозванное государство Силенд, с недоумением подумала я. Не отмеченное ни на одной географической карте, не имеющее элементарного клочка суши. И вообще неизвестно, существующее ли в реальности или являющееся досужей выдумкой журналистов. Независимое государство Силенд должно располагаться в Северном море, в семи милях от английских берегов — аккурат напротив меня. Несколько бетонных платформ с башнями, сооруженных во Вторую мировую — на подлете отражать немецкую авиацию. А ныне контролирующие электронный банковский и информационный центр, который не подчиняется никаким законам. Воротилы интернетовского бизнеса вложили в эту платформу огромные инвестиции, набили суперкомпьютерами, установили спутниковую связь с цивилизованным миром, протянули подводные кабели. Превратили платформу в неприступный Измаил с отлично подготовленной вооруженной охраной. В мировую золотую жилу. Там легко осуществляются любые секретные денежные переводы, там покупают золото по Интернету. Там хранят свою документацию компании, имеющие секреты от правительственных служб и конкурентов. Там прячут свои счета колумбийские наркобароны, агенты Аль-Каеды и российские теневые капиталисты. Там каждый день появляются сотни новых клиентов. Государство надежно, как бетонный могильник. Ни одно ЦРУ не способно пробраться в виртуальные кладовые Силенда или подключиться к его базе данных. Там прямая спутниковая связь с Великобританией и, как знать, возможно, с Фирмой, организующей увлекательное игровое шоу...

По заведенной традиции на лоджии собрались уцелевшие. Первой подошла Эльза в полупальто из кашемира. Она обвязала горло шарфом. Блондинку болезненно знобило, но она стойчески боролась с ветром и черными мыслями. Стояла у балюстрады как приклеенная. Смотрела на море. Потом подоспели Мостовой с Жанной — па вид слегка принявшие. Продолжали пить, передавая из рук в руки сосуд. Мостовой предложил Эльзе присоединиться, но та отказалась. Покачала головой. Она выглядела какой-то пришибленной, с «коллегами» почти не общалась. Она тоскливо смотрела, как серые волны облизывают камни под террасой, и думала о своих скорбных делах. Мостовой после третьего

глотка начал проявлять признаки возбуждения. Нервно обнимал похихикивающую Жанну, травил скабрзные анекдоты. Ветер дул с севера — я прекрасно слышала, о чем они говорили. Исчерпав запас пошлости, он шутливо начал призывать Эльзу быть поосторожнее этой ночью, а то мало ли что: мол, шляются по замку лихие люди, а затем, не ровен час, постояльцы пропадают. В выражениях не стеснялся, слишком много принял. Жанна вела себя поскромнее, но Эльзу не защищала и напарника не одергивала. Она вставляла замечания по ходу, не слишком идущие вразрез с высказываниями Мостового. А чтобы не казаться такой уж бесстыжей, она застенчиво отводила глаза. Блондинка на их веселье не реагировала — она общалась с морем. Беззвучно шевелила губами — словно сообщала ему что-то сокровенное. Очень скоро Мостовой с Жанной замерзли. Брюнетка отняла у Мостового бутылку, строго заявив, что пить уже достаточно, впереди бессонная ночь, на которой он должен сосредоточить все свои жалкие усилия. Мостовой покладисто согласился, предложив поднакопить силёнок не порознь, а вместе — в уютной постели под толстым шерстяным одеялом; он знает одну такую, она совсем недалеко, по коридору направо. А горничная пускай им таскает кофе в кровать в немыслимых количествах — на то ее и прямая обязанность, а то совсем обленилась, крыса тощая...

Обнявшись, они пошли на посадку, а блондинка осталась — одна-одинешенька. Она смотрела в грозовую даль, ветерок теребил и раскручивал белокурые кудряшки...

Я не знаю, каково в таком состоянии заниматься любовью. Вероятность пасть бесславной смертью способна возбуждать. Или напротив — заморозить чувствительность. Мне трудно об этом судить.

Я набросила ветровку и отправилась на балкон — мимо бра с оплавленными огарками свечей. Самое время перестать грустить, а побыть немного психологом. Блондинка продолжала стоять, облокотившись на перила. Я пристроилась рядом. Она повернула ко мне черные от переживаний глаза.

— Вы плохо выглядите, — посочувствовала я.

— Не могла уснуть, — откликнулась блондинка. — Провалилась до обеда, глаз не сомкнула... Не знаю теперь, — она приторможенно пожала плечами, — как поведу себя ночью. Голова не работает.

— Вам надо поспать. До ночи время есть. Посмотрите на себя, Эльза, — вам необходимо отдохнуть, собраться с силами.

— Пустое. — Блондинка отрешенно улыбнулась. — Кому я теперь нужна? Я не нужна даже себе... Моя душа меня отторгает, вы понимаете? Сон не принесет покоя и вряд ли наполнит меня силами. Это потеря времени, Вера. Того времени, которое я могу прожить в ощущениях, осязая мир и окружающие меня предметы. Вот вас, например.

Она говорила очень тихо, тщательно пережевывая слова. Словно мыла наелась. Мне кажется, в ее голове уже происходили необратимые процессы — еще не безумие, но уже какие-то его первые ласточки. Слишком уж заупокойную чушь она несла.

— Вы всерьез настроены умирать, Эльза?

Она поджала губы, помолчала.

— Вы слишком плохо обо мне думаете, Вера. Я не улягусь им на блюдечко, я буду защищаться до конца. Что-нибудь придумаю. Но ведь расклад понятен? Какие у меня шансы?

— Но почему вы позволили убить Арсения?

— Я не позволяла, — вспыхнула она. — Я, в отличие от некоторых, не болтаюсь по

ночам по замку, ища, кому бы отвернуть голову... Мы с Арсением решили переждать. Пусть другие повоюют. Тактика такая, понимаете? Рустам подловил Бурляка, Мостовой выбросил с балкона Рустама... Они, как пауки в банке, уничтожали друг друга. Я пряталась в комнате. На третьем этаже имеется пустая, там хитрый альков, а рядом труба с дымоходом. Если кто подкрадется, можно бросить ему в глаза золу и убежать... Арсений вышел на разведку, а потом примчался возбужденный и стал шептать, что своими глазами видел мертвого Рустама... Мол, теперь их осталось двое, и они будут методично обшаривать замок. Их нужно отвлечь. Я не успела ему возразить, он уже умчался...

— Как вы думаете, что с ним произошло?

— Не знаю, Вера... Подозреваю, он оступился, как Бурляк... Или кто-то подставил ему подножку снизу. Это Жанна, она любит пакостить исподтишка... Он упал, набил себе шишку. Подскочил Мостовой и полоснул лезвием... Видимо, потом они искали меня, но не успели до шести. Я просидела в нише всю ночь, трясаясь от страха, ждала Арсения... Вы не поверите, Вера, меня можно обвинять во всех смертных грехах, но я никогда еще никого не убивала...

— Вам нужно вырваться из замка, Эльза, — решила я. — Бежать в скалы и искать ближайший населенный пункт. Заявить в полицию, кричать во все горло. Эти «бобби» только на вид такие тяжеловесные. На деле британская полиция работает достаточно эффективно. Безобразия на своей территории они не потерпят. А когда узнают, что это русские творят бесчинство, они носами выроют землю... Давайте сбежим вместе, Эльза? Я понимаю, это трудно. Но лучше бежать вдвоем, чем одной. С двумя справиться труднее... Мы могли бы нейтрализовать Бригова, воспользоваться его рацией, выяснить, как охраняется перешеек...

— А вам-то зачем отсюда бежать? — Она покосилась на меня недоверчиво. Я объяснила. Она рассеянно выслушала и покачала головой.

— Я сочувствую вам, Вера. Но вы не понимаете, с кем связались. Эта Фирма — хищный монстр. Она найдет вас даже на дне океана. С того дня, как вы подписали контракт, за вами осуществляется постоянное негласное наблюдение. Вы можете нарушить условия договора, но тогда вас вынут из-под земли и убьют раньше срока. Уж раз вы поймали глупость с ними связаться, вы обязаны пройти до конца. Выиграть — вот ваш единственный шанс...

— Я не заключала с ними никакого контракта, — проворчала я.

— Вот вы и бегите, если есть желание. А мне нельзя, пустое это... Я с равным успехом могу пойти в туалет и утопиться в унитазе. Это будет менее болезненно... Не волнуйтесь обо мне, Вера, думайте лучше о себе. А я буду бороться до конца, у меня есть нож... А уж если хотите оказать посильную помощь, подскажите, как мне подловить одного из них. Обещаю, Вера, если вы мне поможете, я отдам вам половину причитающейся мне суммы...

Щедрая душа эта Россия. Она сама не ведает, что несет. Какая выгода мне с ее половины, если уже завтра меня «призовут» в набитый покойниками склеп? И вообще, хорошенькая ситуация: Вера Владимировна Полякова — честная девушка и порядочный член мирового сообщества — будет обсуждать с незнакомой женщиной план убийства человека. Чем его, дескать, лучше грохнуть — этажеркой или канделябром. И где по этому случаю сподручнее засесть. А план моего спасения при этом никто обсуждать отчего-то не хочет.

Шанс из тысячи по понятным причинам не сработал. Мне осталось лишь вбить самой себе в голову, что бежать из замка не получится, пора перестать циклиться на побеге, а

думать о другом.

— Зачем вы так влипли, Эльза? — в Сердцах воскликнула я. — Почему вы подписали контракт? Неужели до такой степени надоела жизнь?

Она не вспыхнула и не отбилась резкостью на резкость. К моему удивлению, она немного подумала, а затем тихим голосом заговорила о причинах, побудивших ее на столь безобразный поступок.

Мне осталось только слушать.

Она прожила в параллельном мире двадцать семь недолгих лет. В этом мире было тепло, уютно и совсем не страшно. И имя у Эльзы было другое. Более человечное. А затем ее мир соприкоснулся с нашим. Она даже не подозревала, что у ее любимого муженька обширная запущенная гематома. Он сам о том не ведал. Перед смертью вспомнил, что ушиб однажды в юности голову. На воротах стоял — и то ли перекладина штанги оказалась слишком низкой, то ли сам слишком высоким, но ловил он мяч и треснулся макушкой о стальную трубу. В смерти мужа свекровь обвинила Эльзу — довела невестка сыночка. В качестве отмщения отняла квартиру в элитном особняке в роскошной парковой зоне, машину RAV-4 и дачу под Петергофом. Мол, живи как знаешь. Ни дня не работавшей Эльзе пришлось вспомнить, что когда-то она окончила физкультурный институт. Устроилась тренером на лыжную базу. Получала какие-то тысячи рублей. Травоядной стала. Через год умерла мама, сидящая с близняшками Дашей и Ксюшей, а еще через месяц — жестокая авария, когда контейнеровоз с пьяным водителем завалился на не успевшее увернуться такси... Две попытки к самоубийству не принесли положительного результата. Брошенный в ванну тостер позорно сгорел, не причинив Эльзе вреда. Кувыркнувшись с моста помешал рыбаку в камуфляже, удивший рыбку под фермами. Вытащил за волосы отчаянно сопротивляющуюся девицу. Он и вдолбил ей в голову, поскольку имел немалый жизненный опыт, что второй жизни не будет и нужно довольствоваться тем, что есть. А также объяснил популярно, что есть другие грани жизни, невидимые обывателю, на которых общепринятые ценности тихо отдыхают. Через полгода в банде рэпперов, терзающих северо-запад Петербурга, было отмечено появление радикальной блондинки, специализирующейся на локализации «очкастых частных собственников» с их последующим доведением до греха. Месяц спустя банду обложили. Трупы собирали по всему шоссе. Но осталась блондинка, вовремя ублажившая важного опера. С тех пор она стала другая. Переворот в сознании привел к ожесточению. Решила жить для себя — покуда получается. А перестанет получаться — к чертям собачьим такую жизнь. Отсюда и интерес к деньгам. Жизнь без денег — вздор. Счастья нет, а есть одни лишь деньги. Но под крыло к богатому спонсору она не хочет, ей не нужен постоянный любовник, поскольку с некоторых пор Эльза начала испытывать ненависть ко всем людям. Ей хочется быть одной. Независимой. Либо не быть. А одной в этой жизни ей таких денег не заработать.

— Каких денег? — перебила я.

— Двести пятьдесят, — чуть помедлив, призналась Эльза. — На двоих пятьсот. Не рублей, не думайте.

Да уж не думаю. Я в очередной раз подивилась грандиозности проекта. Если только выигрышный фонд составляет пол-лимона, то какие барыши огребают Фирма! Сколько народу участвует, какие ставки на кону! А какие беспрецедентные меры безопасности! Куда уж тут визиту президента в какую-нибудь недружественную страну (Чечню, например). И в таких условиях тотального контроля я собиралась сбежать?

Блондинка продолжала свой тягучий, неудобоваримый рассказ. Она покончила с криминалом, но не потому, что совесть встала в позу, а потому, что пуще смерти боится тюрьмы. В один прекрасный день в снимаемую ею каморку пришел агент — невзрачный мужчина среднего роста и возраста. Он не стал говорить, что ей выпала редкая удача участвовать в единственном и неповторимом розыгрыше, за что она должна выложить... а сразу изложил суть. Оговорив заранее, что никакого розыгрыша здесь нет. Дело серьезное. «Вы в отличной форме, — убеждал агент ошарашенную женщину. — У вас получится». Туман застилал глаза, перспективы окрыляли, а смерть... Да что такое смерть? Она уже дважды побывала на ее пороге и с тех пор не испытывает священного трепета перед этим страшноватым словом...

— Что вы знаете о делах Фирмы? — поинтересовалась я. — Кто они?

— Нам опасно знать об этой Фирме, — усмехнулась блондинка. — Предприимчивые, организованные люди. Говорят, с порядочной репутацией. Мухлеж не допускают. Либо смерть, либо обеспеченная жизнь. Категоричное неразглашение контракта. Можно отказаться от участия в Игре — до подписания договора. И опять же категоричное неразглашение. О смерти не сообщается, и трупы на руки родственникам не выдаются. В лучшем случае человек считается без вести пропавшим.

Она замолчала и зябко передернула плечами. Продолжительное пребывание на холодном ветру не слишком здорово сказывается на здоровье. Менингит можно получить — и до старости промучиться. Я не стала ей об этом говорить.

Время мчалось, как курьер по мощеной римской дороге. Выхода не было — я металась по комнате, выходила в коридор, опять металась, бросалась плашмя на кровать и лихорадочно думала, думала... Часовые стрелки переползали от одной цифры к другой. Я спускалась вниз, выходила на террасу. Обошла замок с южной стороны, мимо кладбища, поглазела на охраняемый перешеек, как на недостижимую морковку. Побрела обратно, заметив у террасы тощую задницу горничной. Эта курва следила за мной, дабы упасти от новых глупостей... Я опять валялась, дергалась, регулярно смотрела на часы и на полном серьезе собралась уж пробраться в донжон — поискать пресловутую лестницу во чреве внешней стены, уводящую в подземный ход, а оттуда — на волю, в пампасы... И с какого перепуга я забила себе в голову, что она там есть? Сразу двое жандармов — горничная и дворецкий — перехватили меня в вестибюле донжона. Угрюмо поинтересовались, далеко ли я держу путь. Не требуются ли мне сопровождающие. Кровь прилила к лицу — как к костяным пластинам разъяренного стегозавра! Но и они не выглядели дохлыми заморышами.

— Пройдите, пожалуйста, в жилую башню, — гадко проскрипел дворецкий, — и перестаньте путаться под ногами.

Я сдалась — со всеми регалиями и штандартами. Вывесила белый флаг, забилась в угол тахты и тихо заскулила. Незадолго до явления горничной с подносом меня обрадовал посещением Бригов — как всегда голубоглазый, презентабельный и немрачный.

— Скверно выглядите, Вера Владимировна, — покачал он головой, рассматривая мою оторванную от кровати физиономию.

Я выглядела как последнее чмо. Покорность судьбе вовсе не означала, что разгладились мои морщины, растянулись круги под глазами и разом высохли слезы.

— Можете спокойно ложиться спать, Вера Владимировна, — жизнеутверждающе

объявил Бригов. — Утро вечера мудренее. И не тряситесь, ради бога, всю ночь под дверью — к вам никто не войдет.

— А утром? — не удержалась я от большого вопроса.

— Лучше и не думайте об этом, — симпатично улыбнулся Бригов. — Будут разного рода формальности, уборочные процедуры. Не забивайте голову мусором, Вера Владимировна. Доброй вам ночи и приятных снов.

— Подождите, Вадим. — Я приподнялась с кровати. — А скажите... как вы избавляетесь от тел проигравших? Ведь это, наверное, непросто — чужое государство... Неужели не приходится держать ответ за свои злодеяния?

Он окинул меня спокойным взглядом — дескать, хаами, подруга, недолго тебе осталось.

— Тела увозятся морем до Скелфилда, перегружаются в фургон и сжигаются в одном из промышленных отвалов под Шилдсом, — более чем исчерпывающе ответил он. — Вам от этого будет веселее спать, Вера Владимировна?

— Но это же не по-людски...

— Возможно. — Бригов пожал плечами. — Во всяком случае, мертвые не потеют. А что вы считаете по-людски, Вера Владимировна? Официальные «альтернативные» похороны? Когда вас собирают по мешочкам и вышвыривают на орбиту — в качестве вечного космического мусора? Или когда ваш труп сжигают, угольки сметают в кучку и в химических лабораториях за бешеные бабки синтезируют в алмазы, из которых мастерят перстни на пальцы безутешным родственникам? Этот мир превращается в паноптикум, дорогая, и не надо искать в нем единственного, виновного за все злодея.

Бригов громко фыркнул и направился к двери.

— Подождите, Вадим, не уходите, — заикаясь, бормотала я. — Скажите, а зачем вам журналистка? Это же полная дикость — писать репортаж о массовых убийствах. Неужели эти некрологи с раздеванием кто-то будет читать?

— Разумеется, дикость, — согласился Бригов. — Но вы не представляете — читают. Собираются, как истинные джентльмены в Лондонском клубе, курят дорогие сигары, дуют «Белую лошадь», обсуждают увиденное и прочитанное, изучают перспективу на дальнейшую Игру, исследуют биографии и личные дела участников, прикидывают, на кого можно ставить, на кого нет... Кроме того, преследуется двойная цель. Вера Владимировна Полякова — человек, насколько я знаю, близкий к руководству. Ее репортаж — это не только развлекательное чтение, но и подробный дополнительный отчет перед... советом директоров. Вы отлично знаете, Вера Владимировна, что материалы талантливого репортера порой ценнее и информативнее любой видеозаписи. К сожалению, настоящая В. В. Полякова проявила несознательность. Пошла на злой умысел. Проще сказать, она нас покинула, за что в недалеком будущем поплатится. Спокойной ночи, Вера Владимировна...

Ночь надвигалась, принося с собой панический ужас. Логика не работала. Слова Бригова о безопасности в ночи не успокаивали. Мысль о том, что случится со мной завтра, заслоняла другая: что случится со мной сегодня?.. Пусть рассудком я прекрасно понимала, что моя жизнь в решающую ночь с нуля до шести никого не волнует, но душа не верила. Она металась, словно волк по загородке, изводя мои последние нервы. В начале одиннадцатого я попыталась уснуть. И задремала, как вдруг представила, что буду лежать здесь вот такая, незащищенная, всем гостям и монстрам открытая, — и подскочила с твердой мыслью: не дам! Я вновь начала кружить по замкнутому пространству. Для обеспечения спокойствия грядущей ночи мне срочно требовалось оружие. Любое. Стреляющее, падающее, грозное,

примитивное. Желательно тяжелое. Но в багаже у меня тяжелее фена с фотоаппаратом ничего не было. Я принялась осмысленно ходить по апартаментам и присматриваться к тому, чем располагаю. Железный поднос на столе (был графин, да сплыл — горничная забрала). Настенное зеркальце над рукомойником. Чугунная лампа с абажуром! Подоконник (можно вырвать с мясом и по хребту кому-нибудь, по хребту...). Стол с увесистыми ножками. Последние мне понравились больше всего. Идеальные дубины, которыми не грех и череп проломить. По счастью, этот массивный предмет обстановки не попадал в зону действия видеокамеры. Я сделала вид, будто направилась к окну, а сама забралась под стол и принялась изучать принцип крепежа ножек. Устройство достаточно современное: два паза с обратной стороны столешницы и по массивному винту на каждую ногу. Этот стол лишь со стороны казался умопомрачительно старым. В реальности ему не было и века. Я принялась теребить винты, рассчитывая, что не все закреплены намертво. Один и вправду держался в гнезде довольно разболтанно. К несчастью, эта ножка была на самом виду. Но иных вариантов не наблюдалось. Я попыталась раскрутить крепеж. И промучилась, наверное, с полчаса, пока не догадалась вставить в прорезь головки кромку браслета от часов. Крепежное изделие со скрипом сделало несколько витков и выпало из гнезда. Приподняв плечом толстенную столешницу, я вывела ножку из паза — увесистую, удобно сидящую в руке дубинку, для убажания глаза эстета украшенную волнистой резьбой. Дефект стола, правда, стал бросаться в глаза. Но и тут я нашла выход. Чтобы прикрыть колченовость, натянула до пола скатерть. Получилось немного неряшливо, но в целом приемлемо. А чтобы какому-нибудь рьяному блюстителю порядка не вздумалось вернуть скатерть обратно, приволокла на стол дорожную сумку, вытряхнула из нее дополнительно несколько тряпок и побросала их тут же, на столе.

Но чувства комфорта не прибавилось. На часах без четверти двенадцать. Время «Ч» не за горами. Видеокамера в углу перестала меня донимать — пусть подсматривают. От них не будет зла. Ответственные за съемку и те, что рыщут по ночному замку, — совершенно разные люди. Этой ночью надо бояться местных...

Я соорудила из пододеяльника вполне правдоподобную «куклу», под дверь поставила поднос в качестве сигнализатора (вошедший уронит, будет много звона). А сама скрючилась на полу за тахтой, обняла дубинку...

Ночью и впрямь что-то зрело за моей дверью. Там таился неведомый ужас. Никому нельзя верить, никому!..

Я очнулась в той же скрюченной позе, холодея от страха. Тело затекло, почти не двигалось. Я прислушалась — под дверью снова ходили! На часах начало первого, Игра только началась. Незнакомец проследовал мимо моей комнаты, затем вернулся. Я с хрустом распрямила затекшие ноги, поднялась, точно на ходулях. Дверь с неназойливым шуршанием начала открываться. Словно пестрая лента, извиваясь, вползала ко мне в комнату...

Я метнулась за портьеру, застыла с поднятой дубинкой. Полагаете, возможно описать мои чувства в ту минуту? Но одно я знала твердо: как склонится этот ублюдок над моей «куклой», выброшусь из своего укрытия и отоварю что есть мочи по хребтине...

Он молчал, этот ублюдок. Открывал мою дверь — словно пальцем давил на чашу весов. Лента вползала, раздирала ядовитую пасть... Пот хлестал с меня вселенским потопом — откуда его столько во мне? От мочки уха до невымытых пяток — повсюду, выходя на ударную мощь, работали потовые железы!..

Совместно с дверью двигался посеребренный поднос. Преодолев критическую точку (в

которой нет производной), он замер на секунду и сорвался в свободном падении. Шмякнулся на каменный пол, весело прозвенев. Дверь перестала отворяться; воцарилась тишина — как в склепе, набитом покойниками. Замерев, я отсчитывала секунды. Рука устала сжимать над головой три килограмма плотного дерева. Это то же самое, что сжимать двуручный рыцарский меч!..

Снова раздалась шаги — человек пошел дальше. Попугать меня решил. А сам-то хоть испугался?..

Переждав лихое время, я высунула нос из-за портьеры. Никого не было. Выделялась вертикальная черная полоса между краем двери и косяком — мертвое пространство до включения в «цепь» сигнализатора...

Я вышмыгнула из-за пыльной шторы, подбежала к двери и плотно ее прикрыла. Снова установила поднос, придав ему более вертикальное положение. Ушла за тахту, скрючилась в позу бедной родственницы. Не менее получаса я просидела без сна, ласково поглаживая дубинку: до чего ж ты хороша, умница, и куда бы я без тебя в этом подлом мире...

А затем опять пришел сон. Он всегда является к измученному человеку, в какой бы позе тот ни находился — хоть на голове, с вытаращенными глазами и сигарой во рту. Меня сморило, как таракана, я привалилась к стене, прижала голову к дрожащим коленям и уснула...

Глава восьмая

А очнулась я утром в понедельник, когда окончились выходные и на большей части планеты воцарился тяжелый будний день. «Ты живая, а это гордо», — похвалила я себя. Процесс моего поднятия с пола сопровождался опасным скручиванием суставов, ломотой в позвоночнике и жалобным несмолкаемым стоном. Но я не смогла не отметить необычные изменения во внешних условиях. По подоконнику бегали солнечные зайчики! Пусть маленькие, но достаточно прыткие. Я задвинула дубинку под кровать и, держась за спину, как старая бабка, доковыляла до окна. Море по злой иронии с утра пораньше не буйствовало. Испускало короткую волну, которая лениво смачивала камни. В прорехах между облаками поднималось солнце. Прекрасная погода для данной части света и текущего времени года. Вот только мне с нее какой навар?

Закрыв глаза, чтобы не видеть своего отражения, я тщательно отдраила зубы. Должно же быть на моем теле хоть одно чистое место? Я смочила лицо, вытерла домашним полотенцем и отправилась на очередную плаху. В коридоре — обыденная утренняя картина: полумрак, растекшийся воск на подложках жирандолей. Ни одного трупа. Ни одного жандарма. (Я с удивлением недавно узнала, что «жандарм» в переводе с французского — «человек с ружьем»). Зато тишина — знатная. Или уши у меня заложило? А вдруг я одна осталась в этом уютном домике? — подумала я. Было бы очень мило. Рассосались все, кто был — кто по склепам, кто по чердакам в качестве новоявленных симпатичных привидений без моторчика. И не осталось никого... Прекрасное название для статьи. Или даже для романа. Вот кому бы только его продать, поскольку сама я романов не пишу, терпения не хватает, я их даже не читаю, кроме «Бесконечной шайки» Хмелевской, которую полагаю символом своего несостоявшегося замужества и постоянно держу на видном месте.

А правильно ли я поступила, что оставила в покое дубинку? — вдруг засомневалась я. Мало ли что. От привидения отмахнуться или от оборотня какого. Домик вместительный, здесь всякого дерьма... Но вертача — к неудаче. А я еще не потеряла надежду найти в этой жизни свою удачу. Я отправилась к южной лестнице. Застыла, как былинный лентяй на перепутье. словно пробки из ушей повывлетали — еще минуту назад меня окружала глухая ватная тишина. А теперь пространство заполнилось звуками. Я услышала крики чаек, плеск прибоя, человеческие голоса... Голоса доносились не снизу, что было бы разумно, не сбоку, что было бы понятно, а сверху, что было странно. То есть где-то в районе третьего этажа, где обитали Бригов и кое-кто еще, о ком пока не будем... Я побрела навстречу разговорам, как бабочка на свет.

В коридоре третьего этажа никого не было, но голоса раздавались в этой стороне. Я шла верной дорогой. Они стали отчетливее, ближе. Различались интонации Бригова, возбужденный женский голос. Я подергала дверь местного «столоначальника». Заперто. По делам-с уши. Следующей была комната Мостового, где намедни тощая горничная изображала хорька в капкане. Последняя на этой стороне — комната Арсения, но туда бы я не пошла ни за какие коврижки. Бухтеж доносился из комнаты Мостового. Зачем ходить напрасно? Я отворила дверь и вошла.

Этот зал был похлеще моего. Самый простор для летающих привидений и прочей нечисти. Но сегодня здесь решили обосноваться живые. Все до единого, кто остался в замке, собрались в комнате Мостового. Они прекратили говорить и дружно выставились на меня.

Опять нависло неприличное безмолвие. Бригов явно выступал в качестве разводящего. Он не менялся — за все дни нашего пребывания в замке это был один и тот же человек: деловой, с аккуратным проборчиком, в неизменном шевиотовом костюме и надраенных остроносых ботинках. Благоухающий «Бустером». Менялись только сорочки. Сегодня он выбрал голубую, с тонким воротом. С таким спортивно-развлекательным душком.

Он стоял посреди комнаты, заложив руки за спину, и смотрел на меня открытым доброжелательным взглядом. У правой стены в шеренгу выстроилась местная жандармерия — дворецкий с шиншиллой. словно по команде «равняйся» развернув головы, они смотрели на меня. Винтер держал на караул щетку с длинной рукоятью, а вооружение горничной составляло ведро с водой, тряпка, траурно приспущенная в воду, и вместительный мешок для пищевых отходов. Они здорово напоминали почетный караул. На кровати у стены слева, неестественно выпрямив спину и сложив на колени ладони, сидела... Эльза. Невредимая и практически живая. Только немного неподвижная. Из кресла на западной стороне искрился идиотской улыбочкой Мостовой. Метрах в трех правее, прислонясь к окну и скрестив на груди руки, стояла Жанна.

Вроде все. Я уж было обрадовалась — этой ночью не убили никого, у меня в запасе целые сутки.

— А вот и Вера Владимировна, — сказал Бригов. — Вы успели как раз к разбор полетов.

— Предпочла бы к шапочному разбору, — буркнула я. — Чего это вы тут веселитесь?

— Мы не веселимся, — лучась самодовольством, сообщила Жанна. — Мы собранны, серьезны и подводим итоги тактических учений с применением поражающих веществ.

— А чего он тогда лыбится? — кивнула я на Мостового.

— Ничего, — подала голос Эльза. — Он мертв.

Приглядевшись к охваченному сочным восторгом лицу, я уныло констатировала: улыбка — это кривая гримаса, перекосившая бывшего футболиста в момент агонии. Возможно, он улыбался перед смертью, что и определило дальнейшее движение мышц. Присмотрясь еще внимательнее, я выявила, что его лицо даже трудно назвать лицом. Это известняковый обелиск, иссеченный морщинами и вздувшимися венами. Смерть настала внезапно, перекрыв дыхательные пути за считанные мгновения, благодаря чему он и не успел измениться в лице.

— Укол строфантинom, — благодушно пояснил Бригов. — Моментальная парализация и удушение.

Я бросила изумленный взгляд на Жанну. Брюнетка юмористически всплеснула руками — мол, что поделаешь, судьба. Я растерянно обернулась к Эльзе. Блондинка застенчиво улыbnулась.

— Замечательная интрига, — ухмыльнулся Бригов. — Коварный женский план. Давно не получал такого удовольствия. Вы провели даже меня, дорогие дамы. И когда вы, спрашивается, начнете беречь наших мужчин? — Плотоядно ухмыляясь, Бригов принялся вышагивать по середине зала. — Но я не даю вам штрафного свистка или желтой карточки по причине мужской солидарности, я скромно помалкиваю. Итак, нарушений правил не отмечено, Игра состоялась, победители названы. Поздравляю вас, милые дамы. Никто не вправе отнять у вас заработанные деньги. А теперь давайте пробежимся с самого начала — для закрепления, так сказать, пройденного. — Он остановил свои вышагивания и устремил

на меня блеск своих веселых глаз. — Благодаря некоторым особам, не будем показывать пальцем, мы не имеем в штате придворного летописца, поэтому закреплять придется совместно. Предлагаю всем напрямь свои мнемоспособности. Итак, Жанна сговаривается с Эльзой о проведении совместных плановых мероприятий. Вы не могли познакомиться в России, дамы. Это запрещено правилами и невозможно технически. Следовательно, судьба свела вас в замке. Это правильный ответ?

— Это правильный ответ, — подтвердила Жанна. — Я сумела всунуть ей в руку записку, где подробно обосновала преимущества моего плана.

— Это звучит подозрительно, — недоверчиво хмыкнул Бригов. — Но другого толкования у вас, полагаю, нет, да оно и не надо. Согласимся. Итак, в ночь с пятницы на субботу коварный и непредсказуемый Рустам ибн... как его? — совершает акт вандализма, возвращая, впрочем, по завершении дела сдвинутую ступень на место. Бурляк разбивается затылком. Рустаму без разницы, кого ухлопать: он парой не обзавелся. Других значительных событий этой ночью не происходит: участники Игры сдержанны и присматриваются. Кто-то прячется, кто-то совершает короткие разведывательные вылазки. Ночь с субботы на воскресенье. Окрыленный успехом Рустам, с холодным оружием наперевес, совершает вояж по замку.

— Его видел Мостовой, — вступила Жанна, — но поостерегся к нему подходить на открытом пространстве. Слишком юркий. Мы с Мостовым разминулись в ту ночь, должны были встретиться на лоджии... Рустам прошел по вестибюлю, поднялся по северной лестнице на третий этаж, спустился по южной до второго...

— Постоял у моей двери, — буркнула я, — потом куда-то побежал.

— Он увидел, как я свернула на лоджию, и припустил за мной, — кивнула Жанна. — Бросился, когда я собиралась забиться за вазу. Я сумела выбить у него нож, но он нырнул мне под ноги, забросил за перила, я успела схватить какую-то балясину...

— Он сразу убежал, — допустил Бригов, — подозревая, что рядом с вами обязательно будет Мостовой. А при отсутствии ножа в схватке с этим здоровилой он заведомо в проигрыше.

— Я видела, как Рустам исчез на лестнице, — вспомнила я.

— А затем меня вытащила Вера, — продолжала Жанна. — Прибежал Мостовой, схватил меня за руку, и мы укрылись в моей комнате.

— Вы могли бы безотложно избавиться от своего Мостового, — задумчиво подметил Бригов.

— Глупость, — фыркнула Жанна. — Покуда оставались Рустам с Арсением, я должна была молиться на Мостового. Не забывайте, и того и другого ликвидировал Мостовой... Равно и Эльза не могла отделаться от своего Арсения, покуда по замку разгуливает Рустам. Все логично. Поплутав по замку, Рустам возвращается. Мы сидим у меня в комнате, а рядом кипят события. Он бросается на Веру, понимает, что не на ту напал, оставляет ее без сознания и уходит. Мостовой соображает, что Рустаму ничто не мешает заглянуть на лоджию, поискать свой нож, а заодно убедиться, что я успешно разбила. Он крадется на лоджию, наблюдает какое-то время, как этот маньяк шарит по полу, а затем набрасывается и швыряет легкого Рустама за перила...

— В это время я выхожу на террасу и получаю по кумполу трупом, — вздохнула я.

— А это ваша характерная особенность, Вера Владимировна, — хихикнул Бригов, — всегда оказываться в неполюженном месте в неполюженное время. Однако что мы

наблюдаем, друзья мои. В то время когда другие ведут активный образ жизни, не давая себе зачихнуть, двое последних героев — Эльза и Арсений — чего-то выжидают. И только к завершению второй ночи, повторяюсь, с субботы на воскресенье, их союз внезапно дает трещину. Мы вас слушаем внимательно, Эльза. Что произошло?

— Мы прятались на третьем этаже, — негромко сказала Эльза, — в пустой комнате с альковым и огромным камином. В пять ночи по договоренности с Жанной мне предстояло провести акцию. Я ее провела. Я не могла убить Арсения. В этом случае Мостовой включил бы голову. Я должна была его подставить, принести на блюдечке...

— И вы ударили его лбом...

— Я толкнула его — на мраморную облицовку камина... За затылок, и со всей силы... Он не ожидал. Я взяла его за руки и потащила вниз — по северной лестнице. Оставила в вестибюле. Ближе к шести тем же маршрутом Жанне предстояло провести Мостового и убедить, если будут подозрения, что Арсений сам оступися и набил себе шишку. Ведь он не был мертв — он был без сознания!.. Я вообще никого никогда не убивала... — последние слова Эльзы, вероятно, предназначались мне — как человеку, которому наемни она вешала лапшу на уши.

— А Мостовой доверчиво принял вариацию и полоснул Арсения по горлу, — подытожил Бригов. — Но, возвращаясь к прежней теме, Жанна, что мешало вам именно в этот момент всадить в Мостового строфантин и счастливо завершить Игру? Не поверю, что у вас его при себе не было.

Жанна задумчиво пожала плечами:

— Из вас неважный Зигмунд Фрейд, Вадим. Я бы выделила две причины. Обе странные но это психология. Нелегко совершить поступок сегодня, если ты его распланировал на завтра. Тем более если поступок — убить человека. Это трудно, когда впервые... Причина номер два — я должна была увидеть живую Эльзу. Вам смешно, но это нынче — в свете дня, когда все расставлено по своим местам. Прошлой ночью меня терзали сомнения. Если я останусь одна, я не увижу денег как своих ушей.

— Я бы выделила и третью причину, — тихо сказала Эльза. — Да, я могла убить Арсения. А Жанна могла убить Мостового. Но план есть план, а эти действия пошли бы ему вразрез. Случайность чревата, любые отклонения от плана могут привести к беде. Мы не хотели пороть горячку. Зачем спешить, если все завязано? Будет день, будет ночь, и все в итоге разрешится...

— Но смотрелись вы вчера неважно, — заметил Бригов. — Обладай вы даже супер яркой артистической натурой, такую бледность передать невозможно. Вы боялись далеко не понарошку — вы боялись погибнуть.

— Я боялась, — подумав, призналась Эльза.

— Да чего уж там, — махнула рукой Жанна, — ясен пень. Она не исключала моего коварства. Ведь не секрет, что после гибели Арсения я становлюсь хозяйкой этой медной горы. Я могла вертеть событиями, как мне вздумается. Я распорядилась лишь своим хотением — оставаться ли в паре с Мостовым или реализовывать совместный с Эльзой план по устранению Мостового. Она не могла сбрасывать со счетов, что я намеренно ввела ее в заблуждение, вывела из Игры Арсения, и теперь осталось самое простое — убрать ее...

— И вы оказались честны перед вашей новой подругой, — уважительно произнес Бригов.

— Ну конечно, — рассмеялась и зарделась Жанна. — Я подбросила пенсовую монетку,

добилась того, чтобы она улеглась на орла, и в ноль часов одну минуту отправила Мостового к праотцам. Уколола его булавкой, смоченной в строфантине, он даже голову не успел повернуть. Так и умер, не прозрев, бедняжка...

— А потом вы с Эльзой шатались по замку и на радостях пугали людей, — проворчала я.

— Это Эльза, — фыркнула, махнув рукой, Жанна. — Искала, с кем поделиться. Бродила, охренев от счастья, пока не уснула...

— Послушайте, Вадим, — обернулась я к Бритову, — признайтесь честно, каково ваше личное отношение к людям, которые ради денег готовы убивать друг дружку — с кем спали, с кем делили хлеб, задушевную беседу, кому симпатизировали, в конце концов? Ответьте как человек, а не как работник Фирмы. Подумайте.

— Да с брезгливостью, чего уж там, — признался на весь зал Бригов. — Мочилась ли ты на ночь, Дездемона?.. Хоть задумайся.

Жанна застыла с открытым ртом. Нахмурила свои нарядные выщипанные брови. Эльза уткнулась в пол.

— Но спешу вам заметить, дорогая Вера Владимировна, эти люди нас кормят, поэтому периодически мы должны оказывать им знаки внимания. Особенно в начале Игры. Да и, грех не признаться, этим людям свойственна некоторая доля отваги.

— А к себе вы как относитесь?

Он оскалил свой белозубый рот:

— Философски, дорогая Вера Владимировна. Есть такая профессия — родину зачищать, слышали? Санитарные функции: дезинфекция, травля, хлорирование... Не будете же вы отрицать, что, освобождая российские города от некоторого количества «лишних людей», мы проводим своего рода санитарные мероприятия? Мы не убийцы, Вера Владимировна. Убийцы — это те, что сидят перед вами — уничтожившие тех, с кем спали, ели, болтали, кому симпатизировали. А мы — лишь регуляторы потока, понимаете мысль?

— Вы взрослый человек, Бригов, а несете... В России восемь миллионов наркоманов, одиннадцать миллионов инвалидов — давайте их тоже посчитаем лишними людьми, ну что вам стоит?..

— Ладно, достаточно. — Бригов оборвал беседу и резко вскинул руку с часами. — Вы тоже взрослый человек, уважаемая судья, и должны понимать, что раздумья о морально-этической стороне дела — не главное, что вас должно заботить. Благодарю вас за внимание, господа. Вы славно поработали. А теперь прошу всех разойтись и заняться насущными делами.

Меня рвало — интенсивно и многократно. Страхом, желчью, вечерним кормом... После длительного общения со смывным устройством снизошли прозрение и голод. Как благодать Божья. Завтра вечером у меня самолет из Хитроу, но, похоже, я никуда не лечу. По этому случаю нужно срочно подкрепиться (не страхом единым...) и подумать о том, как достойно встретить судьбу. Чтобы не было мучительно больно там вдали в астрале.

Насытившийся Бригов, добродушно икая, поднимался из кухни на свой этаж. Я пропустила его, как «Запорожец» крутую иномарку — за пол-остановки. Отошла за колонну и стала терпеливо ждать, пока их сиятельство прошествуют наверх. В левом «брюшном» кармане у меня покоилась фотокамера. Я дала себе слово, что на этот раз, с третьей попытки, пусть меня треснет, но я ее использую.

Дворецкий недавно вернулся с улицы. Он скинул плащ, повесил его на гвоздик у печи, но переобуться еще не успел. В помещении этот длинный вурдалак носил лакированные туфли, а когда выходил в непогоду, менял их на громоздкие полуботинки в стиле «я разорен». Он стоял у печи в этих прочных дерьмодавах и почтительно внимал в рацию. Покопился на меня неласково, как бы говоря «пошла вон», но ничего не сказал. Продолжал внимать. Я самостоятельно добрела до плиты и наложила себе яичницы с колбасой (единственный плюс во всей этой истории — не надо готовить). К тому времени, когда дворецкий вдоволь наслушался в свою рацию и проскрипел «я понял», я уже всю трапезничала. Он посмотрел на меня исподлобья, но опять ничего не сказал, ушел куда-то к плите и загремел духовкой. Я допивала кофе, когда он ссыпал в печь остатки угля и начал выгружать из навесных ящиков посуду. А ботиночки-то не поменял, обратила я внимание.

Допив кофе и любезно поблагодарив («пошла вон», — говорила его спина), я вышла в вестибюль. По северной лестнице как раз поднималась горничная. С мылом душистым и полотенцем пушистым. Голова с носом уже исчезла, остались «кавалерийские» ножки. Через несколько мгновений пропали и они. Не будь разиней, встрепенулась интересная мысль, — это то мгновение, которого ты ожидала. Оно не прекрасно, но оно остановилось... Лучшей ситуации не выдумать. Бригов наверху, горничная — туда же, дворецкий занят с посудой. Я перебежала вестибюль и вышла на террасу. Победительниц «конкурса» нигде не было видно. Прогулочным шагом я дошла до торца здания, поозиралась и побежала к могильнику...

В третий раз я входила в усыпальницу неизвестного рыцаря, и всякий раз с новым чувством. В первый раз это было научно-познавательное любопытство, во второй — расчет с надеждой и со страхом, а сегодня — то же самое, но без страха и надежды. Но сегодня даже рота разъяренных горничных не помешала бы мне заснять покойников. Ума не приложу, почему я уперлась в этот пункт...

Это был фактически клуб самоубийц. Причем мужской клуб. Срамотень-то какая — четверо мужиков продули с ругательным счетом — двум испуганным бабам!..

Я сама невольно начала рассуждать понятиями этих сдвинутых людей, анализируя результаты Игры. Но ведь действительно же — полный вздор. И самое интересное, что среди этих людей не было ни одного дурака, а среди баб — были! Как прикажете это понимать?.. Сладковатый запах исходил из склепа, ощущался уже на лестнице. Явно не кондитерский. Я хлебнула воздуха, затаила дыхание и, нагнувшись, вошла в мертвецкую. Достала фотоаппарат и принялась самозабвенно щелкать...

Мостовой у самого входа — тащить эту глыбу в гущу тел дворецкий поленился. Да и смысл? Ближе положишь — быстрее возьмешь. «Езда» по пересеченной местности почти не повлияла на окоченевшего Мостового — он пребывал в той же позе, как если бы остался сидеть в кресле. Жутковатая, надо признаться, поза...

Я сделала несколько снимков общего плана, зашла за саркофаг — сняла сбоку. После этого в легких кончился воздух. Я бросилась к двери, глотнула свеженького. Возвратясь, преодолевая отвращение, согнулась над Мостовым и сняла изуродованное судорогой лицо. Переступила через тело, нашла свободный участок пола между ногой Бурляка и задницей Арсения, вставила туда вторую ногу. Запечатлела залепленную грязью физиономию Рустама, съеденного трупными пятнами Бурляка. А чтобы увековечить Арсения, пришлось перешагнуть через всех троих и всунуть фотокамеру почти ему под нос. Он лежал на боку;

для качественного фото анфас мне пришлось бы прилечь рядом. Для верности я щелкнула дважды. Обойдя саркофаг, я пулей метнулась к двери, чтобы хлебнуть воздуха. Глаза уже на лоб лезли от нехватки...

Кажется, все. Я исполнила последнюю прихоть. Если вдуматься — долг. Можно с чистой совестью возвращаться в комнату и встречать судьбу-злодейку. С чувством какого-то злобного сожаления я убрала в карман фотокамеру и начала взбираться по ступеням.

Слава господу, я не успела воспарить над склепом в полный рост! Вовремя заметила незнакомых людей, пробирающихся между могилами. Бородатых и тепло одетых. Они направлялись в мою сторону! Страх прорезал меня насквозь. Я упала плашмя на лестницу. Чисто рефлекторно — а вдруг за мной? Куда они движутся? К склепу?.. А куда еще? — ведь на этом старом погосте, как в древней Римской империи, все дороги ведут сюда. Виляя попой, я по-паучьи сползла к приоткрытой двери. Втиснулась в склеп и вскочила на ноги. Метаться тут особо некуда: не замок, где десять путей, — не разгуляешься. И мебели никакой, кроме саркофага...

К этому гробу я и подалась. Обогнула его с правой стороны и распласталась за каменным подиумом — в самой клоаке паутины и крысиных какашек. Видит бог, имейся у меня в распоряжении время и домкрат, я бы с радостью прилегла рядом с рыцарем...

Хай, барбудос! Что за публика?.. Оказалось, это прибыла заурядная похоронная команда. Четверо. Они ввалились в склеп по одному, топая сапожищами, — невысокие, кряжистые, все, как один, коротко стриженные и бородатые. Я тут же задвинула свой любопытный нос и уже его не выдвигала.

Санитары Фирмы разговаривали по-русски. Это вселяло гордость.

— Оба-на, вещички! — весело бросил первый. — Пробежимся по шустрому, а, старшой?

— Ты совсем дурканулся, — пробубнил басом второй. — И мечтать не смей, Казар. За такие вещи загремишь по всей схеме знаешь куда?

Третий подсказал:

— И выпьем мы за тебя, Коляш, третью. А за ней четвертую — чтобы за нас никто третью не пил.

— Тут на две ходки наработано, — определил четвертый. — Быстренько управимся, мужики.

— Плюс дополнительная, за вещичками, — пробасил старшой. — Ладно, не хрен базарить, взя-али-и...

О царящем в склепе смраде никто не заикнулся. Видно, народ пообвыкшийся. А я уже изнемогала — удушливая вонища нагоняла на меня тошноту. Чтобы хоть как-то справиться с собой, я уткнулась носом в сгиб локтя, задышала через ткань. А бородатые тем временем разобрали первую партию — кто за руки, кто за ноги. Ворча о низких потолках и каторжных условиях работы, потащили к выходу. В комнате мертвых установилась тишина. Я бросилась к выходу. Споткнулась о чемодан Мостового. Он раскрылся, я шагнула через него, хотела дальше бежать, но тут одна штуковина привлекла мое внимание. Она оказалась интереснее, чем мое желание выскочить на воздух. Капкан, цапнувший шиншиллу! Он вывалился из вещей вместе с какими-то мятыми джинсами. Все это запихивали комом — лишь бы запихнуть, — все до единой шмотки, привезенные проигравшими. Грязные носки и тряпки Мостового меня слабо интересовали, но капкан я подняла. Он находился в сложенном виде и в этот раз показался мне еще компактнее. Довольно плоская стальная штуковина со

сцепленными зубьями. Для того чтобы взвести это устройство, надо их раздвинуть, преодолев сопротивление пружины, и дожать до защелки. И тогда он перестанет быть компактным. Станет доступной тычинкой, о которую ломаются пестики. Я сунула капкан в «брюшной» карман куртки и закрыла чемодан. Но выбраться из склепа уже не успела — похоронная команда возвращалась! Грохотали сапоги по ступеням. Я кинулась обратно за свой саркофаг, скрючилась в три погибели. Мужики шуровали по-деловитому, без лишних движений. Кто-то выдернул Бурляка за ноги на середину склепа, второй зашел со стороны головы, взялся за рукава. Третий подхватил Арсения, потянул, как волокушу... Только грубое дыхание да редкие междометия разнообразили процедуру. Последний еще топал по ступеням, когда я пристроилась к нему хвостиком. Переползла через лестницу и стала наблюдать. Они обогнули склеп и потащили свою жутковатую ношу куда-то в южную часть могильника. В первый раз они вернулись слишком быстро, стало быть, оставили покойников неподалеку. И сейчас они вернуться, им нужно забрать вещи! Я перелезла через какую-то замшелую плиту и по узкой тропе отползла в сторону. Перебежала за покосившееся надгробие, раздвинула колючий терновник и стала наблюдать.

Мужики сносили тела на южную оконечность кладбища. Там имелась небольшая каменистая площадка. Раскладывали их так, словно собирались просушить на солнышке. С этой стороны погоста вообще открывалась любопытная картина. Площадка, на которой подозрительные бородачи занимались своей работой, располагалась слева от меня — за цепочкой однообразных, вросших в землю обелисков. За площадкой кладбище обрывалось — начинались бурые глыбы, защищающие от океана южную оконечность мыса. С возвышенности, на которой я нашла свое укрытие, неплохо просматривался морской берег. Он ничем не отличался от восточного, те же скалы, нависающие над водой, но в некоторых местах между скалами имелись вполне проходимые бреши, а в них было видно, как полого уходит к воде каменистое взморье. В одном из просветов просматривался катер, пришвартованный к берегу! Небольшая грязно-серая посудина, снабженная рядами иллюминаторов. С носа катера на землю опускался трап. Я могла различить две палубы — одна на носу, заваленная свернутыми канатами и каким-то деревянным хламом, вторая — на корме. Порядка на последней было не больше, там валялись вдобавок какие-то сети, скомканная матрасня, а также виднелся люк в задней части палубы — явно в трюм...

«Тела увозятся морем до Скелфилда, перегружаются в фургон и сжигаются в одном из промышленных отвалов под Шилдсом...»

«Рыбаки» разложили свой «улов» на солнышке. Двое закурили, обменялись парой слов. Третий, некурящий, отправился на третью ходку, за вещами. Четвертый призывно свистнул. Распахнулась дверь в рубку, показался человек в штормовке и без бороды. Он что-то держал в руке. Широко зевнув, он спустился на палубу, обогнул рыбацкий хлам и, держась за поручень, сбегал по трапу. Через минуту он присоединился к компании. Предмет в руке оказался компактной любительской видеокамерой. Пощелкав кнопками на панели, оператор выбрал нужный ракурс, начал снимать. Сначала он, как я, сделал общий план, зафиксировал мертвецов, разложенных по камням, потом медленно поднял видеоискатель и стал снимать жилую часть замка. После этого убрал палец с кнопки пуска, сменил позицию и принялся запечатлевать каждого в отдельности. «Рыбаки» не вмешивались. Они отошли в сторонку, чтобы не попасть в кадр, и продолжали курить.

С площадки, где снималось кино, едва ли просматривался катер. Оператор среагировал на свист, оттого и примкнул к компании. Мой поступок не относился к осознанным. Глупая

идея ударила в голову — я за нее не отвечала. Действуй!.. Я гусиным шагом сместилась за соседнюю могилу. Нырнула за третью и поползла по мокрой траве, не выпуская из вида огромный камень, за которым я стала бы невидимой. В моем распоряжении — считанные минуты. Забравшись за камень, я встала на ноги и протиснулась в седловину между двумя скалами. Отсюда начинался берег. Вплоть до катера тянулись скользкие камни, по ним пузырилась пена. Пригнувшись, я побежала к качающейся на волнах посудине. Тридцать метров, но показались они мне марафоном. Я спотыкалась, теряла равновесие. Ударилась коленкой и наглоталась слез, пока добежала до трапа. На что рассчитывала? Жест отчаяния? Но с тем же успехом я могла подобрать в кустарнике какую-нибудь гнилую корягу, обнять ее и унести в открытое море...

На мое везенье, вся команда покинула катер. Иначе нашлись бы желающие полюбопытствовать: кто это там грохочет по трапу? Я запнулась о моток каната, перебежала, держась за леер, на заднюю палубу и окончательно запуталась в сетях, разбросанных на скользких досках. Их словно нарочно тут разложили, чтобы я переломала себе ноги! Часть пути пришлось ползти на коленях, собирая занозы в одеревенелые руки. Двустворчатый люк не желал открываться, хоть ты тресни! Я тянула попеременно одну дверку, другую, вместо того чтобы догадаться потянуть их одновременно. Когда я догадалась, с меня сошло семь потов, и я стала законченной психопаткой. Просмоленные створки разошлись, образовалась наклонная лестница. Из трюма пахло чем-то сухим и терпким. Не трупами! Храни меня Господь в сухом, прохладном месте...

Я полезла на лестницу задом наперед. Уперлась в ступени коленями, балансируя в узком пространстве, обливаясь потом, слезами, затворила за собой люк и временно оказалась в полной темноте. Что же я творю, господи...

Невыносимо страдая от собственной беспомощности, я продолжала спускаться и, лишь когда ощутила под ногами твердые скрипящие половицы, слегка приободрилась. Темнота перестала быть абсолютной. По ногам, словно легкий предутренний туман, разливался бледный свет. Он исходил от двух крошечных иллюминаторов, расположенных напротив. Я оказалась в низком непроветриваемом помещении. Обстановка мало отличалась от бардака на палубе. Скомканые сети, бочкотара из грубой древесины, груды скрипучей мешковины. Но сырости не ощущалось — видно, трюм неплохо проконопатили. Пока я в растерянности озиралась, гадая, куда бы приткнуться, за бортом раздались голоса. «Рыбаки» возвращались! Отчетливо заскрипел трап, кто-то вскрикнул, прошелся по известной маме. Я заметалась, цепляя ногами доски. По палубе уже гремели сапоги, что-то тащили волоком. Интересно, что?! Пора было прекращать метания и принимать единственно верное решение. Но страх прочно сцепил мои нервные окончания. Я металась, покуда не заскрипели над головой створки люка и луч дневного света не пробил то место, где я металась секундой ранее.

— Коляш, полезай, — пробасил старшой. — Принимай жмуриков.

Я, нагнувшись, залезла под какие-то перекрытия из бруса. Доползла до груды мешковины, от которой удушливо несло рыбой. Слава богу, не мертвечиной. Вся эта мешковина оказалась пустой и рваной. Но весила дай бог. И липла ко мне так, что хоть антистатиком брызгай. Я выставила макушку и принялась ввинчиваться в зловонное тряпочное хозяйство. Я слишком низко проложила себе дорогу — часть мешковины съехала набок, другая придавила меня, как пресс, и практически сплющила. Я пыталась оставить узкую щель для дыхания, но опять потерпела фиаско — мешки валились один на один, плотно закупоривая мое убежище. Пришлось просверливать дырку с обратной стороны, где

была прохладная стена борта. Я прильнула ртом к металлической обшивке, сделала спасительный поток воздуха. И очень вовремя: кто-то спрыгнул с лестницы. Раздалось шуршание — грузный предмет, скрипя целлофановой оберткой, съехал в трюм.

— Следующий! — после недолгого кряхтения.

Снова шуршание. И так четыре долгих раза, пока весь дневной «улов» не разместился в трюме. Опять затрещала лестница — спускался кто-то из живых. Свет фонаря запрыгал по стенам, проник даже в мое убежище — в виде туманного отраженного блика.

— Тарас! — зарычал старшой. — Какого хрена у тебя тут бардак! Ты когда последний раз порядок наводил?

— Ну чего гундишь, командир? — недовольно заурчал с палубы матрос. — Там порядок, как в танковых войсках, лично сгребал...

— Да какой ты, на хрен, танкист! Посмотри на мешковину — сеновал! Ты что, бабу там заначил?.. В море выйдем — будешь авралить, понял? Лично проверю. И отберешь восемь мешков поцелее — не в этих же пакетах жмурье в фуру сгружать... Максим, поднимай якорь, заводи!.. А ты, Коляш, какого хрена тут топчешься? Жмуриков разложи, чтобы под ногами не путались, и бегом назад!

Даже под грудой вонючего тряпья я слышала, как капитан на палубе продолжает драть плотку. Взревел мотор. Господи, подумала я, неужели? Не бывает такого везения. Я даже не задумывалась о последствиях своего вопиющего поступка. Не волновало. Главное — прочь, а там — все равно. Без денег, без документов (все осталось в номере, в мокрой одежде), зато с фотоаппаратом в одном кармане и капканом в другом. Замечательно. На хрена мне капкан?.. За бортом что-то натужно поскрипывало. Видать, поднимали якорь. Я почувствовала, как катер пришел в движение, плавно качнулся, отвалив от скалы... Матрос какое-то время хрустел целлофаном в паре метров от меня. Затем заскрипел лестницей, распахнул люк и исчез на палубе.

Я сразу задвигалась. Юмористическое правило, что чем дольше ты лежишь в неудобной позе, тем скорее она станет удобной, срабатывать не желало. Мое тело испытывало крайние мучения. Разбросав мешковину, я выпала на пол и лежала какое-то время, приводя голову в норму. Я должна была перепрятаться, найти себе новое убежище. Но не могла ни шевелиться, ни начать наконец работать мозгами. Слишком много сил ушло на побег. Промедление и решило мою судьбу. Я продолжала лежать, пуская сопли, когда со скрежетом распахнулся люк и молодые ноги затопали по ступеням. Ослепленная солнечным светом, я не сразу опомнилась. Я успела сгруппироваться, свернуться в пружину. Но было поздно. Пружина развернулась, я заработала коленями, посылая себя в сторону бочкотары, за которой можно было отсидеться, а то и схорониться...

Не проморгай я это событие, могла и успеть. Но секунды я упустила. Человек, сбежавший по ступеням, вскрикнул от изумления. Я продолжала ползти, извиваясь по полу, когда молодецкая сила схватила меня за щиколотку и потянула обратно. Я зарыдала, вцепилась ногтями в пол. Но быстро поняла, что это тщетно. Зачем мне вырванные с мясом ногти? Я перестала сопротивляться, но это не сделало его галантным. Матрос швырнул меня на хрустящий мешок. Я закопошилась, пытаюсь приподняться на колени. Уперла руку во что-то рельефное, выпуклое, податливое и быстро сообразила, что это человеческий нос. Я закричала. Он схватил меня за руку, развернул к себе. Упер в меня изумленные глаза. Растерянная ухмылочка перекорежила бородатое лицо.

— Ну и ну, — сказал матрос.

Я сделала попытку вырваться, врезать ему по бороде коленом. Но он перехватил мою ногу, швырнул на покойника.

— Лежать, с-сучонка...

Широкая рука-лопата полезла в карман штормовки, извлекла рацию.

— Не надо, — умоляюще просила я. — Ну пожалуйста...

На какое понимание рассчитывала? Под разными личинами действовала одна банда — от куртуазного, безупречно выглаженного Бригова, до грязного матроса с табачными крошками в бороде. Он не усомнился в своем решении. Правда, посмотрел на меня очень интересно — а не использовать ли, дескать, эту девочку по назначению? Но, видимо, вспомнил про существование инструкций и табу, поднес рацию к бороде:

— Стоп-машина. Максим, Овчаренко, быстро в трюм — у нас подкидыш.

Глава девятая

Так и закончилась моя короткая морская прогулка. Нехваткой времени матросы не страдали. Ухмыляясь в бороды, неторопливо развернули посудину и поплыли обратно — водворять на место строптивную девицу. Я изливала им литры слез, но какое дело занятым работникам до несчастной беглянки? Она пригодна только для одного, а это удовольствие запрещено уставом и сильно карается. Поэтому меня не лапали. Да и внешний вид мой не способствовал азартным любовным играм — представляю, на кого я была похожа...

Громада замка вырастала, словно айсберг из тумана. Катер медленно разворачивался правым бортом. Старые кошмары возвращались, не успев порядком отдалиться.

— Ну покуда, крошка, — хлопнул меня по заднице капитан. — Не грусти, расслабься. Мы бы охотно тебе помогли, но, знаешь, трахать баб в рабочее время запрещено, так что развлекайся сама.

Одно лишь утешение: эти ухмыляющиеся нелюди не обшарили мои карманы. Они грубовато сгрузили меня на берег и препроводили, звонко плачущую, на террасу. Я им почти не оказывала противодействия. Когда закончились слезы, я стала приходить в себя. И обнаружила, что стою посреди террасы. За спиной усиливается шторм, заглушает рев мотора, из окна третьего этажа приветливо машет Бригов, а навстречу выходит Эльза, застегивая курточку.

— Вы гуляли, Вера? — Она с интересом посмотрела на мое заплаканное лицо. Я машинально кивнула — гуляла.

— А я вот тоже хочу прогуляться, — сказала Эльза. — Полагаю к морю спуститься. Там не сильно штормит?

— Кому как. — Я шмыгнула носом.

— Не хотите со мной пройтись?

Я передернула плечами — с чего бы? Обошла ее, такую заинтересованную, и вошла в замок. Я должна была прилечь — ноги подкашивались...

Но едва я упала на кровать, как меня вновь захлестнуло отчаяние. Я должна была чем-то себя занять, иначе захлебнусь в невыносимой тоске. Я вынула из куртки капкан Мостового и принялась его разглядывать. «Made in UK. Corp. Forrest Lowdy» — гласила гравировка на стальном корпусе. Интересно, остались ли у меня силы? Я попробовала развести в стороны зубастые скобы. В лежачем положении не удалось. Я уселась на край кровати и сделала вторую попытку. Капкан частично разъехался, соорудив хищный оскал. Я вернула зубы в исходное положение, взялась поудобнее за специально предназначенные выступы и что есть силы развернула стальные дуги. Сработала защелка. Получилась «розочка». На первый взгляд весьма симпатичная. Надо ее протестировать, подумала я. Аккуратно положила «розочку» на пол, взяла пачку сигарет, подняла ее над тонкой пластиной, предназначенной для размещения приманки, и медленно разжала пальцы. Чувствительность у приспособления была великолепной: оно аж подпрыгнуло, весело звякнув. Зубья впились в пачку, как крокодил в газель, почти разодрав ее пополам. Бедная шиншилла, можно представить ее мучения... Получив удовольствие от проведенного эксперимента, я вынула из капкана испорченные сигареты, запнула их под кровать, а капкан убрала обратно в карман. словно чуяла необходимость срочно прятать концы — в дверь громко постучали.

— Не стесняйтесь, — вздохнула я.

Вошел Бригов. Как всегда опрятный и культурный. Сначала он посмотрел на меня, затем окинул внимательным взглядом комнату. Поводив глазами, сострыпал серьезное лицо и впился в мой бледный силуэт, сидящий на кровати.

— Что за шум? — спросил он.

— Разве? — удивилась я. — А что за шум?

— Зазвенело, — пробормотал Бригов. — Или показалось?

— Знаете, Вадим, мне тоже показалось, — призналась я. — Но вряд ли это было здесь. Вот за стенкой — пожалуй. Или еще лучше — на улице... Вы пришли ко мне с приветом?

Он не стал отвечать. Подошел к окну. Выглянул на террасу. Пожав плечами, обернулся. Внимательно осмотрел мой кавардак на столе, сдвинутую скатерть. Заложив руки за спину, прошелся до двери. Затем вернулся. Притормозил на середине комнаты.

— А вы импульсивная особа, Вера Владимировна. Зачем вы поступаете так невзвешенно? Поллюбитесь на себя — у вас видок, как будто вы вернулись с каторги. Пожалейте себя, неужели так трудно понять, что попали вы безвыходно?

Я не стала ему убедительно аргументировать, что была уже на полпути к свободе, а погорела по собственной лени. Могла бы и спрятаться. Я презрительно молчала. История не терпит сослагательного наклонения.

— Через час придут «уборщики», — не замечая моего презрения, сообщил Бригов. — Будут снимать аппаратуру и приводить здание в порядок. Мы уедем вместе с ними. Не возражаете, если я вас часок покараулю?

Он взглянул на часы, прикидывая, как долго ему со мной мучиться. Я тоже подняла руку. Двадцать минут первого. Быстро же пролетело это беспокойное утро.

— А есть ли суровая необходимость, Вадим? Если вы уверены, что у меня нет шанса...

— Не было, строптивая вы наша, — показал зубы Бригов. — Не было у вас шанса. А теперь есть. Дело в том, что пятью минутами ранее мы сняли охрану с перешейка. Игра, как видите, окончена, опасный груз отправлен, нерационально так долго держать людей из-за одного человека...

От него не укрылось еле заметное движение с моей стороны. Нахмурившись, он сунул руку в карман. А когда вынул, в ней лежал небольшой черный пистолет. Я совершила второе еле заметное движение.

— А вот этого не надо, Вера Владимировна, — осклабился Бригов. — Ваши отношения с Фортуной мне давно известны — они не очень приветливы. Вы невезучий человек. Поэтому давайте без глупостей. Если не хотите, конечно, быть привязанной к батарее.

Мы молчали несколько минут. Что я могла ему противопоставить? Капкан в «брюшном» кармане? Фотокамеру — в другом? Уничтожить словом и добиться морального превосходства?

— Что со мной будет? — спросила я.

Он подчеркнуто безразлично пожал плечами:

— Не ко мне, Вера Владимировна. Вашу судьбу решают компетентные люди. А моя задача — посадить вас в большую красивую машину и под прикрытием другой большой красивой машины довести до Скегнесса.

— А там?

— А далее — по обстоятельствам. — Бригов тактично помялся. — Поживем, увидим. Вера Владимировна.

— То есть шансов у меня негусто, — пробормотала я. — Существует серьезное опасение, что я могу не доехать до Скегнесса, верно, Вадим?

Он опять пожал плечами. У господина Бригова были широкие мужественные плечи — просто созданные природой для того, чтобы ими пожимать.

Что-то трудно мне стало поглощать кислород. Такое ощущение, что из огромного зала его со свистом выдувает.

— Вам нехорошо? — озаботился Бригов. — Если хотите, я могу связаться с дворецким, он принесет аптечку.

— Не надо. — Я провела ладонью по внезапно взопревшему лбу. — Но хорошего, определенно, мало. Мне на улицу нужно, Вадим. К морю хочу. К ветру. Нельзя это решить?

Перед глазами проплыла бухточка, в которой я купалась пятничным утром. Там откосина что надо. Вот кабы я смогла заманить туда Бригова и столкнуть с обрыва...

— Хорошо, — понятливо кивнул Бригов, — можем прогуляться. Свежий воздух лечит все болезни. Но учтите, выйти из комнаты вы сможете только при условии, если наденете вот это. Называется «нежность». — Он вынул из кармана пиджака тонкие изящные наручники и, зацепив их за кончик пальца, принялся небрежно покачивать. — Прошу вас, Вера Владимировна.

Мир завертелся у меня перед глазами. В вихре исчезло все: Бригов посреди комнаты, убогие стены с отставшей штукатуркой... Остались только хрупкие искрящиеся браслетики, совершающие издевательские покачивания.

— Не хочу причинять вам беспокойство, — долетел сквозь эту круговерть голос моего учителя, — но вы должны меня понять...

— Хорошо... — услышала я свой голос. — Бог накажет вас, Бригов, за ваши грехи. Надевайте на меня эту... вашу «нежность». Нет, постойте. Дайте я хоть приведу себя в порядок.

Мне нужно причесаться и сменить кое-что из одежды. Кислый запах мешковины прочно въелся в мою джинсу. Я оперлась ладонями в кровать и попыталась приподняться.

А Бригов, напротив, предпочел присесть. Ему надоело торчать истуканом посреди комнаты. Продолжая использовать мой бледный абрис в качестве мишени, он присел на уголок стола.

Как раз туда, где не было ножки.

Испуг промелькнул в его глазах, когда столешница ушла из-под задницы. Он не успел среагировать и принять решение. Все случилось ментально. Столешница вздыбилась, задрав ножки стола. Первыми от Бригова отделились браслетики, затем пистолет. Он рухнул, не найдя опоры. Собрался вскочить, дабы не выглядеть полным идиотом, но тут его по затылку треснула моя сумка. Он вскрикнул, начал барахтаться. А я опять протянула резину, обалдев от неожиданности. Пока проморгалась, пока наполнила свое тело энергией, сориентировалась...

Он бросился к пистолету, который упал совсем рядом. Я метнулась наперерез. Отвела ногу, чтобы пнуть его со всей силы — не по голове, так по руке. Но слишком тяжела была нога — я попала в пистолет, шаркнув по полу! — за какой-то миг до того, как он успел его схватить. С резким стуком кусочек металла понесся в другой конец зала — под окно. Явная ошибка. Но и Бригов совершил не меньшую ошибку. Он тоже не разобрался. Вместо того чтобы хватать меня и бросать на пол — уязвимую, выплеснувшую из себя всю энергию, — он метнулся к окну за пистолетом. опередить его я бы уже не успела — он отбросит меня

своей массой. Поэтому я совершила единственное, что могла: упала на колени, сунула руку под кровать и нащупала ножку от стола. Сама же ее туда поместила...

Он уже хватал пистолет и поднимался с колен, злорадно ухмыляясь, когда я что есть мочи швырнула в него эту дубинку! Ножка дважды обернулась в воздухе — я увидела объятые ужасом глаза Бригова; он выставил вперед руку, защищая лицо. Куда там!..

Контакта Бригова с дубиной я уже не видела. Слышала только зычный удар, сопровождаемый воплем боли. Я уже мчалась с высокого старта по направлению к двери. Чуть замешкалась, забыв, в какую сторону она отворяется. Выбежала в коридор, сделав вираж вокруг колонны. Разворачиваться поздно — я помчалась к северной лестнице, понимая, что тем самым совершаю новую ошибку. Впрочем, ладно, пробьюсь через кухню. Пока дворецкий будет соображать, что да по какому праву...

Я неслась быстрее мысли, быстрее всех собственных, когда-то установленных достижений. На корпус опережая джинсовую курточку...

Но все равно я оказалась величайшим в истории тормозом. Не успела добежать до лестницы, как сзади хлопнула дверь и раздался искаженный болью вопль:

— Стоять!

Хлопнул выстрел. Вероятно, он промазал, поскольку я продолжала бежать. Я вынеслась на лестницу и, рискуя свернуть себе шею, запрыгала через три ступени. Из-за поворота нарисовалась мирно поднимающаяся Жанна. Хотя, возможно, она уже не поднималась, а стояла, встревоженная выстрелом. Посторониться она не успела — пыталась, но куда там, резвее надо быть, боец... — я пробила ее, как таран крепостные ворота. Она отлетела к стене с воплем:

— Ты че, дура, обалдела?!

А я не знала, что мы уже на «ты». Ничего, у Жанны хватит денег на врачей. Не сбавляя скорости, я слетела к подножию лестницы. Куда бежать, я заранее определилась — через кухню. Если там дворецкий, то это его проблемы. Но я опять непростительно замешкалась. Дворецкий находился не на кухне, а рядом с кухней! Эта каланча со стеной не сольется. В руке у него был пистолет! А-ахрененно! Еще один стоокий Аргус! Почему я упустила из вида? — ведь это одна шайка-лейка...

На мое счастье, он еще не успел сориентироваться в обстановке — слышал звон, да не понял... Стоял растерянный, прочищая мозги. Новый вираж, и я помчалась к выходу на террасу. Но мое счастье длилось отчаянно мало. По южной лестнице уже падал Бригов! Я опережала его на жалкие метры, то есть выскочить на террасу я могла первой. А толку-то? Я даже не выскочила — он сделал рывок с ускорением и поставил мне подножку. Я пробила дверь и, противно вереща, рыбкой вылетела на террасу. Все успешно возвращалось на круги своя. Прав был Бригов — отношения мои с Фортуной оставляют желать лучшего. Последствия, правда, от падения удалось свести к минимуму: я упала боком, вытянув руку, и отделалась незначительным ушибом. Но если суммировать все мои ушибы, все мои ободранные руки и нервы...

— Вот и все, быстрая вы наша, отбегались, — прохрипел Бригов, воцаряясь над моими распластанными мощами. — А также отпелись, отлюбились и, судя по всему, отгулялись. Поднимайтесь, сделайте уж милость.

Он вел себя как истинный благородный джентльмен, надо отдать ему должное, этому ублюдку. За то, что я над ним сотворила, меня убить мало. Дубинка четко врезалась ему в бровь, привнеся в облик Бритова много нового. Над глазом набухал и переливался

здоровенный багряный сгусток. Глаз подергивался. Бледное лицо заливала кровь: от нее уже пострадал пиджак, сорочка. Начинали страдать брюки — он вытер о них свои окровавленные руки. После чего достал платок и начал вытирать окровавленное лицо.

— Встать, живо!

На меня смотрел окровавленный пистолет. Нажми он в таком возбужденном состоянии на курок, я бы несколько не удивилась.

Все мои высокие порывы разбились о плиты террасы. Вместе со страхом. Я поднялась на ноги, опустошенная донельзя. Бригов немедленно схватил меня за шиворот.

— Уговорили, Вера Владимировна, прогуляемся. Подышим. Но прошу запомнить, это ваша последняя задумчивая прогулка. Вы даже не представляете, до чего я от вас устал...

Памятник надо ставить этому великому человеку. За многотерпение. Он подтолкнул меня к ограждению террасы. Я понеслась, как с моторчиком на форсаже. Он нагнал меня в три прыжка и снова схватил за шиворот.

— Куда, поперек батьки?..

Таким хитроумным маневром мы и передвигались — Тарас и его бульба. Я чувствовала, как неуклонно превращаюсь в жидкую, издающую зловонные миазмы и достойную лишь одного — бесславной, но быстрой ликвидации — субстанцию... Он швырнул меня на ограждение — я вцепилась в холодные перила, клацнув зубами. Даже ветер с океана, порыв которого бесшабашно ударил в лицо, не привел меня в чувство.

— Дышите же, Вера Владимировна, слышите? Полной грудью — вдох-выдох, вдох-выдох... Когда еще удастся?

Перед нами нарисовалась не вполне живописная картина. В двух шагах от океана, подогнув левую ногу и бесстыдно оттянув правую, лежала женщина. Белокурые волосы плескались в воде, создавая иллюзию активного копошения множества червей. Создавалось странное впечатление, что эта женщина не больно-то жива.

Эту главу, по соображениям более чем понятным, я бы назвала «Океан Эльзы» и присвоила ей высшую категорию сложности. Другой блондинки в замке Кронбери и его окрестностях не наблюдалось. Полчаса назад Эльза отправилась на прогулку к океану — эта прогулка стала для нее последней. И океан стал завершающим в жизни зрелищем.

Начиналось самое интересное. Если уместно применение слова — «интересно». Мы стояли у перил, побитые и «опущенные» друг другом, и беззвучно любовались на это зрелище. В картине было завораживающее, какое-то чарующее притяжение. Женщина и море. Бескрайняя даль мерно вздымающейся воды, скрывающая под собой невидимый глазу живой и противоречивый организм, и крошечная человеческая жизнь, которая в сравнении с величием океана — мизер, жалкая песчинка, пришедшая из воды и уходящая в нее, повинувшись воле того, что для нее недоступно...

Я забыла про свое жидкое состояние, плавно перетекающее в газообразное. Бригов забыл, что с него ручьями льется кровь, лицо изувечено пожизненно, а костюмчик проще выкинуть, чем отчистить.

— Кто это? — пробормотал он, отказываясь верить своим глазам. — Может быть, я чего-то не понимаю?

— Это Эльза, — вздохнула я, — ваша победительница, призерша, лауреатка и прочий счастливейший в мире человек. Удивлены, Вадим?

— Но это не по правилам! — воскликнул Бригов. Он растерялся.

Безобразия. Куда милиция смотрит?

— А жизнь вообще штука не по правилам, — тупо брякнула я. — Что, Вадим, сбойчик в программе? От души вам сочувствую, но ничем, как говорится, помочь не могу. Такова жизнь.

Он повернул ко мне раздраженное, разгоряченное лицо. Он позабыл о боли. Схватил меня за плечи и развернул к себе. Слишком много резкости — я ощутила на себе его кровь и не скажу, что очень этому обрадовалась.

— Вы понимаете, что вы говорите? — рявкнул он. — Какая жизнь? Где вы видите жизнь? Это Игра, которая должна идти по правилам!

Я не вырвалась из его цепких окровавленных рук, хотя активно пыталась это проделать.

— Нет, Вадим, — сказала я, прекратив сопротивление. — Это не Игра. Игра кончилась, начинается жизнь. И чем быстрее вы это поймете, тем дольше будете жить...

— Да о чем вы, черт возьми! — Он отшатнулся от меня, как от какого-то черного оракула-чрево вещателя, нагадавшего ему быструю кончину. — Что за бред вы несете, Вера?

Я не знала, что я несусь. Во мне действительно поселился оракул. Он проследил за полетом гигантских бакланов. Явилось ему озарение — о тщетности бытия и ничтожности человеческой жизни.

Конкретное значение утраты первой из уцелевших постигла Жанна. Она появилась у нас за спиной, подошла к перилам лестницы и недоверчиво стала смотреть на то, что нам, вне всякого сомнения, не пригрелось.

— Она... что? — пробормотала Жанна.

— Мертва, — предположила я. — Наверное. Но точно мы не знаем. Нужно подойти и убедиться. Но скорее да, чем нет: пять минут мы тут стоим, а она хоть бы хны.

— Как... мертва? — она сделала огромные глаза и застыла. Потом, поскрипывая деревенеющими суставами, повернулась ко мне и выдавила мертвеющими губами: — Кто ее?..

— Не знаю, — пожала я плечами, — какая разница? Но точно не я. И вряд ли это Бригов. На кой ляд ему это надо?

— И я остаюсь без своих денег! — воскликнула Жанна.

И тут меня осенило — а ведь верно! Вот он, главный вопрос повестки дня. Жанна остается без денег. Из двоих призеров один — покойник, а, следовательно, другой получает круглую дулю. Эта заповедь служит лейтмотивом пусть жестокой, пусть бесчеловечной, но все же подчиняющейся строгим правилам Игры!

— Не может быть... — простионала, закатывая глазки, Жанна. — Этого не может быть... Я остаюсь без своих денег...

Точно слепая, она нащупала носком ступень, за ней другую, схватила поручень и, шатаясь, будто пьяная, стала спускаться к морю. Мы наблюдали за ней с огромным интересом. Это зрелище было посильнее «Фауста» Гете и драматичнее, чем «Девятый вал» с «Последним днем Помпеи», слитые воедино.

Подойдя к лежащему ничком телу, она опустилась на колени, взяла его за плечо и перевернула. Теперь у нас не осталось сомнений — это Эльза. И валяется она там не просто так, потому что хочется, а потому что убили.

Породистое лицо искажала страшная гримаса.

— Строфантин, — крикнул Бригов. — Вот же дерьмо...

— Но строфантин у Жанны... — начала я.

— Строфантин изъят, — отрубил Бригов. — Как и любое оружие, способное причинить призеру смерть...

— Сочувствую, — повторила я, — хотя, если честно, Вадим, то не очень...

— Да заткнитесь вы! — багровея и без того кровавым лицом, рявкнул Бригов. — До чего же тошнотворная вы особа, Вера Владимировна...

— Мои предки были скунсами, — оскалилась я. — Но что характерно, Вадим, сам по себе упомянутый зверек — красивое и добрейшей души создание. А вонять начинает, когда окружающие его окончательно задолбают...

Жанна встала на ноги, сломанная в одночасье. Она сделалась какой-то бесплотной, полупрозрачной. На лице остались лишь большие глаза, смотрящие на мир с ужасом. Она еще не понимала, что тоже подвергается смертельной опасности. Мы все не понимали. Трудно развернуть сознание за несколько минут. Это то же самое, что развернуть на лету груженный пассажирами «боинг».

Она шла, покачиваясь, вся во власти своего несчастья. Поднялась по ступеням, остановилась на предпоследней. Посмотрела невидящими глазами на меня, посмотрела на Бригова.

— Я не получу своих денег? — не совсем оригинально спросила она.

— Не получите, — обуянная каким-то хищным злорадством, сказала я.

— Это, конечно, прискорбно, — согласился Бригов, — но меня на данный момент волнует другое. Какая сука прикончила эту женщину?

— А любая, — живо откликнулась я. — В этом замке пятеро сук — я имею в виду живых, включая вас и меня. Выбирайте любого, Вадим. Вернее, любую. Вам кто из них больше нравится? Я бы посоветовала выбрать меня — пусть неправильно, зато не надо перекладывать злость на другого. Очень удобно. Расстреляйте меня, и дело с концом.

На бледнеющем лице Бригова, эффектно контрастирующем с кроваво-черными потеками, отразилось рождение мысли. Слава богу, этот зацикленный на своей Игре бездушный тип начал потихоньку прозревать.

— А не завелась ли в нашем доме пятая колонна? — проворчал Бригов. Сжав до посинения пальцев пистолет, он обернулся к замку.

Он слишком медленно прозревал. Монотонную тишину, прерываемую лишь плеском волн и порывами ветра, порвал выстрел.

Глава десятая

Бригов схватился за руку — словно обжегся. Внезапная боль перекосила лицо. Пистолет со стуком упал на площадку. Раздался второй выстрел. Охнув, Бригов схватился за живот, вперился в меня изумленными, умоляющими глазами.

Он уже не выпускал энергичный запах «Бустера». Он изливался болью и страхом.

Я еще не знала, что этот вызов предназначен всем нам. Одна лишь Жанна догадалась. Она совершила фантастический прыжок: оттолкнувшись от ступени, лихо сиганула через перила, юркнула под обрыв. Покатились камни, весело стуча и умножаясь. А то, что совершила в этот момент я, никаким умом не понять и даже трудно назвать дурью. Поскольку никакая это не дурь, а вообще полная, беспросветная дикость, неподвластная даже женской логике. Бригов стоял передо мной, согнувшись в три погибели, держась за пробитый живот. Смотрел на меня с первобытным ужасом. Время замерло. Он не падал. Даже ветер, заинтересованный происходящим, перестал дуть. Отличный стоп-кадр, подумала я. Запустила руку в карман и вынула фотокамеру. Навела на Бригова.

— Вы... — прохрипел Бригов. — Ты... Ты что?..

Ну вот, подумала я, дело движется. Мы уже на «ты». Я нажала кнопку пуска. Прогремел третий выстрел. Бригова отшвырнуло на перила. В голливудских стрелялках такие моменты обсаивают с особой любовью. Жертва проламывает перила (пусть и чугунные), эффектно взмахивает руками и уносится в бездну. В жизни происходит скромнее. Но тоже впечатляет. Испустив мучительный вопль, Бригов завалился на балюстраду. Центр тяжести сместился, унося тело к морю. Он перевалился через перила и, продолжая звать к справедливости, сверзился за террасу. Снова покатились камни...

Я убрала фотоаппарат, мучительно догадываясь, что все должно происходить не так, и моя позиция на данный момент выбрана не вполне удобно. Хотя кто ее выбирал?

Грохнул четвертый выстрел. Пуля чиркнула по перилам. Отрикошетила и, противно жужжа, куда-то унеслась.

— Убегай!!! — заорала из-под обрыва Жанна. — Какого хрена ты там стоишь?!

Я прозрела. Кончился стоп-кадр. Что же я делаю, идиотка, торчу на лобном месте!.. Я совершила, подобно Жанне, фантастический прыжок. К сожалению, на месте.

— Прыгай сюда! — несло из-под обрыва.

Какого черта? Под террасой — тупик. Уходить в море — как врангелевские офицеры, погружаясь в пучину?..

Я мгновенно оценила ситуацию. Стрелять могли только из замка. Значит, я должна бежать к кладбищу. Одолеть тридцать метров открытой террасы — и в канаву с терновником. Терновый куст — мой дом родной...

Не дожидаясь очередного выстрела, я пригнулась и опрометью бросилась наискосок от моря, к спасительной кучке надгробных изваяний. У меня страсть к посещению кладбищ! Это был потрясающий забег. Какой драйв, какая динамика, пластика! Жаль, опять впустую. Стрелявший, вопреки моим оценкам, находился именно там — на кладбище! Благо я его заметила. Человек отделился от ближайшей плиты и спокойно в меня прицелился. Как на стенде! Я даже черную дырочку разглядела! Он не шутит. Такие уроды вообще никогда не шутят. На принятие решения даже секунды не было. Я отставила левую ногу — швырнула ее не вперед, а изрядно в сторону и, не сбавляя хода, отвернула вправо. Ударил выстрел, следом

второй. Пуля провыла, чуть не зацепив ухо. Так и есть, на поражение бьет! Но я уже меняла курс. До дверей в вестибюль жилой башни — десять метров. Нарастивая ускорение, я понеслась туда. А стрелку явно изменила удача. Он выстрелил в седьмой раз. Застекленная часть двери разлетелась вдребезги. Седьмая пуля — это кино такое было?..

Через секунду я подлетела к двери. Я опять забыла, куда она открывается! Провозилась, как неопытный воришка, туда дергала, сюда...

Выстрелов не было. А ведь я представляла собой отличную мишень! Обойма кончилась! — осветилось в голове. Урвав секундочку, я на свой страх и риск застыла, повернула голову. Похвальная догадливость. Убийца выбрался из-за своего надгробия. Обеими руками возился с пистолетом и попутно передвигался к торцу здания. Почему я не проследила, куда он направляется?! Поспешила, кретинка...

Я ворвалась в вестибюль жилой башни, оставив дверь открытой — так светлее. И заметалась, как волчонок в лучах прожекторов. Куда бежать? Информации ноль. Кратчайший путь на волю — напрямик, через кухню. Там есть небольшая дверь, уставленная баками, ведрами с углем и прочей околোগастрономической дрянью. Можно через неф й донжон, но только время терять. Да и дверь закрыта на брусья...

Черт! Ведь стрелявший не дурак, он за десять секунд добежит до торца жилой башни, и прощай навсегда, Вера Владимировна, ты была отличным парнем. Там открытое пространство, а он такой любитель стендовой стрельбы! И не повезет тебя обратно суровый Харон через мрачные воды Ахеронта...

Я метнулась было к северной лестнице — мчаться наверх, кружить по ненавистным этажам, прятаться?.. Вернулась, как последняя дебилка, снова заметалась. Так и свершилось непоправимое — пока я шарахалась, время ушло. Убийца вбежал в замок через кухню и загромыхал баками! Он резвее, чем я думала. Он отшвыривает их ногами, он бежит по проходу, между обеденными столами и навесными шкафчиками. Он проследовал мимо печки, мимо сложенной и упакованной посуды, приготовленной для «уборщиков». Через несколько секунд он вырвется в вестибюль. Вот веселье-то начнется...

Как и всякий человек, я убеждена в своей исключительности. Я горюю, когда умирают другие, но решительно не представляю, как можно умереть самой. Это чушь, простите: был такой-сякой мир, и вдруг бац! — и никакого нет? Это решительно невозможно. Я обязана жить. Я обязана чувствовать и дышать. Я очень важная персона, у меня даже инициалы как у президента!..

Я побежала ему навстречу. Главное — внезапность. Подлетела к закрытой двери, которая вот-вот бы распахнулась, и истошно завопила:

— Не выходить!!! У меня пистолет, стрелять бу-у-ду-у-у!!!

Полный сдвиг по фазе. А почему бы и нет? Он прекрасно знает, что у меня нет пистолета, но какова фраза! Я рванула правую от кухни дверь и влетела в комнату шиншиллы. Плотно закрыла, прислушалась. А послушать там было чего — он растворил свою дверь пинком и, невзирая на «запрет», ворвался с топотом в вестибюль. Я отпрянула от двери, в растерянности обернулась. Чуть не завизжала от страха — вовремя зажала рот рукой. У шиншиллы в комнате свои потрясающие сюрпризы. Она лежала рядом с кроватью, лицом вниз, в своем сереньком мерзком платьишке с кружевным белым передником... Нелепо разбросала свои коротенькие ножки. Не двигалась. Убили, бедненькую.

Происходило что-то запредельное. Подумать и оценить не оставалось времени. Убийца не был безумцем, ошалевшим от вида крови. Здесь не место для безумцев. В этой «отрасли»

их не держат. Здесь все хладнокровные, расчетливые и подчиняются приказу. Значит, в происходящем должна быть логика.

К черту логику! Какое мне дело до правильных умозаключений? Я затравленно оглядела комнату. Кромешная убогость. Как нарочно, горничной предоставлено самое худшее помещение. Оконце узкое, перегороджено стальным профилем — не пролезешь. Старинная кушетка, старый комод с убогим «иконостасом». Какая-то скатерочка с узорчиком... Даже ножки от стола нет!

В вестибюле между тем воцарилась тишина. Я недоверчиво прислушалась. Никто там не топал, не пытался вломиться по мою душу. Безмолвие, как в крематории. А вдруг он стоит за дверью? Стоит, мерзавец, и гадливо ухмыляется, слушает мое прерывистое дыхание. Отшвырнет дверь ногой и войдет со стволом наперевес. Не желаете ли отобедать, душечка?..

Я в страхе отшатнулась от двери. Но вернулась, совершив над собой богатырское усилие. Умирать — так на пороге. В этой комнате абсолютно негде спрятаться. Гардины отсутствуют, комод узок, а кушетка настолько продавлена, что между ней и полом даже кулак не пролезет.

Я стоически тряслась у двери и заставляла себя внимать звукам в коридоре. Я отринулась от всего сущего — от гаденького страха, ползущего по спине, от значимости собственных инициалов... Я оставила только слух. Неплохое упражнение из курса йоги для начинающих.

Мне показалось, в вестибюле что-то скрипнуло. Но явно не под дверью. Дальше. Я притиснула ухо к косяку. Стало ясно, что не показалось: скрипнуло вторично. Кто-то тихо бродил по залу.

Я сгребла всю оставшуюся под рукой смелость и медленно, миллиметр за миллиметром, стала тянуть на себя дверь.

Прямой, как мачта, дворецкий возвышался в глубине полутемного вестибюля. Вокруг него витала белесая аура — мелко дрожащая бледно-голубая кайма; очевидно, спутник любой нечисти в момент ее нервного возбуждения...

На вид он казался спокойным. Я бы тоже казалась спокойной, имейся у меня в руке заряженный пистолет. Он стоял в двух шагах от северной лестницы. Затем медленно, не сгибая ног, продвинулся вперед. Подошел к подножию лестницы, поставил ногу на ступень, переложил пистолет в левую руку, а правой взялся за перила. В такой нелепой позе, подняв голову и прислушиваясь, он простоял секунд десять. Затем оторвал руку от перил и шагнул назад. Я прикрыла дверь, оставив щелку минимальной. Но прекрасно видела перемещения местного вампира. Он медленно миновал выход на террасу, удостоив его пристального взгляда, после чего, растворяясь в полумраке, заскользил к южной лестнице. Около нее он опять замер. Поднял голову и наострился.

Пора, решила я. Дальше выстаивать нет смысла. Отойдя от лестницы, он примется проверять двери, начиная со своей, а это готовая могила...

Закусив губу, я расширила щель и выскользнула в вестибюль. До прохода в неф десять метров. Уж пройду как-нибудь, не заметит... Винтер продолжал мерцать в южной оконечности вестибюля. Я пошла «от бедра», плавно, как модистка на подиуме — не касаясь пола пятками. Успешно прошла метров пять, а потом мое гламурное дефиле было прервано неприятным событием, в котором сама виновата. Просто черт дернул меня отвести глаза от пола и бросить взгляд направо. Невозможно двигаться вслепую, не ведая о действиях

противника. Я запнулась о неровный стык! Не упала, замерла на месте. Но звук пошел. Дворецкий бесшумно отпрыгнул от лестницы и повернул ко мне лицо. Мы стояли, оторопелые, поедая друг друга глазами. Он не мог поверить своему счастью, а я не могла сдвинуться с места. Затем он плавно поднял пистолет — очень даже плавно, как бы боясь меня спугнуть. Тут и подкосились мои ноженьки. Я просто рухнула на колени. А он выстрелил. Пуля отбила от стены кусок штукатурки, он взмыл в воздух и осыпал меня пылью. Я метнулась с низкого старта — в арочный проход. Влетела в неф и помчалась через колонный зал — верным курсом на донжон. Больше, собственно, и некуда...

Винтер в несколько прыжков перескочил вестибюль и помчался за мной. О тишине он больше не заботился, хватит тишины, его демисезонные дерьмодавы грохотали, как сапоги по жести. На бегу он выстрелил. Пуля ушла в далекий потолок, но я даже не встрепелась. Очень трудно бегущему навести на цель, тем более попасть.

«Считай выстрелы, — подсказал кто-то услужливый в черепной коробке. — Хоть какое-то, а развлечение».

Подвывая от этого «развлечения», я вылетела в вестибюль донжона. К выходу нельзя, как ни заманчиво. Даже пусть не заперт — там открытая тропа с редкими кустиками. Он убьет меня в упор... Я помчалась к северной винтовой лестнице над двумя окошками-бойницами. Хитросплетения донжона я отчетливо помнила — уже неплохо. Эта лестница — единственно пригодная для подъема. Остальное в жутко аварийном состоянии...

Я уже хваталась за иссеченные трещинами перила, когда дворецкий вылетел из нефа. Пальнул навскидку, зная, что не попадет. Я запрыгала по ступеням. Он бросился меня ловить — он тоже прекрасно знал, что другой лестницей воспользоваться не сможет. Как приличный домоправитель, он обязан иметь представление о подведомственной территории...

Последнюю ступень перед выходом на второй этаж перегораживало увесистое орудие пролетариата с рваными краями. Я упала на колени, навалилась на него. Чуть сама не загремела по пройденному пути! Булыжник охотно покатился вниз, считая ступени. Не думаю, что он причинил дворецкому вред. Нужно быть полной глухней, чтобы не услышать его и не посторониться. Но какую-то фору он мне дал. Я выбежала на второй этаж, где царил полный разуха. Разбитые стены, рухнувшие колонны, деревянные балки. Битый камень — на всем видимом пространстве. Целые баррикады камней, хоть знамя поднимай и держи оборону...

Помню, лестница была где-то напротив. Не винтовая, а вырубленная в толще стены — со всевозможными дефектами и заваленная мусором. Но успею ли я до нее добежать? Я рванулась, как спринтерша. Но споткнулась — под ногами вообще ни черта не видно! Тупая боль обожгла щиколотку — я аж присела. Матюкнулась в полный голос, хотя обычно этого не делаю. А по лестнице, сокрушая куски цемента, уже вовсю топал дворецкий! Я мигом оценила ситуацию (жить захочешь — оценишь). В метре — славная кучка камней, будто созданная неизвестным разрушителем для толковой обороны. Буду держаться. Я упала на колени, стараясь не упустить из виду прилепившийся к стене провал. Оттуда вот-вот появится Дракула...

Первый камень я метнула по навесной траектории. Точно мину из миномета. Но слишком резво метнула, пристреляться не было времени — он вонзился в стену над лестницей и вернулся ко мне по закону бумеранга. Но уже летел следующий — увесистый, килограмма в полтора. Аккурат в черную дыру. Вот где мышцы-то качать! Винтер завопил от

боли. Хорошо-то как...

Я в азарте привстала и принялась метать один за другим, почти без пауз. Он вскричал еще раз, а затем примолк. Видно, отступил. Я тоже примолкла. Но не потому, что из сил выбилась (хотя и это присутствовало), а потому, что внимание мое привлек чересчур уж солидный камешек. Килограмма три. Бомба целая. Если такой, да с высоты по кумполу... Целый праздник русского баяна. На тот свет за шесть секунд. Я рискованно поднялась на ноги, нагнулась и попыталась приподнять орудие возмездия. Как ни странно, оно приподнялось. Но это был предел, на который оказались способны мои внутренние резервы. Я сделала два неверных шага, раскочаила эту беду между ног и аккуратно спустила в провал. А сама вернулась за баррикаду.

Грохот был обнадеживающий. Но, к сожалению, я не попала Винтеру по кумполу. Случись такое счастье, он не смог бы заорать. Нечем. Но он заорал — как ненормальный. Видимо, ногу отдала. Или другую незначительную часть тела. Я ожидала в ответ вспышку ярости, но такую!

Несмолкаемый рев боли перешел в рев воинственный. Он бросился на приступ, невзирая на потери. Защищая голову рукой, появился над полом и наугад выстрелил. Глупое животное... дальше продвинуться я ему не позволю. Я продолжала бомбометание. Я швыряла уже не «минами», а по прямой наводке, кинжальным огнем. Один из камней пробил Винтеру руку. Он захрипел от боли и спрятал голову.

Но с этой минуты в моей обороне наметились трещины. Отбитая голова дворецкого наконец заработала. Брошенные мной камни стали возвращаться! Я не сразу разобралась, в чем дело. Один из камней свалился в грудь, взметнув фонтан известки. Два других упали сбоку. А от четвертого я едва увернулась, откатившись в сторону. Пара дюймов, и он бы раздробил мне голень...

Самое противное, что под прикрытием этой «артподготовки» Винтер в любую секунду мог пойти в атаку. И тогда моя «царица полей» станет бесполезной. Он меня дожмет. Я должна отступать. Здесь не ставят памятники героическим защитникам замка Кронбери. К чему упорствовать? Я переползла к следующей баррикаде. Развернулась, бросила для острастки еще пару камней. Поднялась на ноги и побежала в ту сторону, где, по моим представлениям, находилась лестница.

Разрази меня слепота, я ее не видела! Я тыкалась в раздолбленные стены, запинаясь о какие-то стропила, нарывалась на колонны... Но не все безнадежно. Оглушительная вечность уложилась секунд в двадцать. Я нащупала эту нишу в стене, а в ней — покатые ступени, усеянные острым крошечком. Боже, дай мне хитрости... Дворецкий одолел наконец винтовую лестницу и ступил на отвоеванное пространство. Он знал, где вторая лестница. Он не стал блуждать по опасным баррикадам, а сразу направился в мою сторону, отшвыривая ногами препятствия. Вероятно, он меня пока не видел. А может, экономил патроны, которых у него, по моим расчетам, оставалось не больше трех.

Эта лестница была жутко осыпанная. Чтобы сделать несколько шагов, мне пришлось привстать и прижаться спиной к стене. Далее ступени приходили в норму, но благодаря низко провисшему полусводу пришлось присесть и двигаться на четвереньках, помогая себе руками. В каком виде я оттуда выбралась, трудно представить. Затекшая спина не желала разгибаться. Я лежала, тяжело дыша, обреченно слушая, как, поскрипывая крошечком, приближается дворецкий. Если с такой настойчивостью он будет отбивать этаж за этажом, то скоро я окажусь на крыше...

Он двигался как-то вяло, натруженно волоча ноги. Я слышала, как он закричал, всовывая себя, длинновязого, в узкий проход. Я ощупала пол. Никаких камней в зоне досягаемости. Жалко, но что поделаешь...

Я перевернулась на спину и вытянула из «брюшного» кармана капкан. Никудышное оружие. Да и в цель не всегда попадает. Уперла пальцы в выступы, напряглась и, сжав до боли кулаки, развела дуги. Чуть пупок не развязался... Перевернувшись на бок, я подтянула себя к лестнице. Выпластала руку далеко вперед и уложила «розочку» куда-то в темень.

Нужно было уходить. Третий этаж ничем не лучше второго. Та же разруха плюс кучка догнивающей мебели. Сил швыряться камнями уже не находилось. Я поднялась и побрела куда-то в глубь этажа, мучительно соображая, где тут лестница...

Дикий вопль заставил меня остановиться. Ну и ну...

На лестнице загремело, посыпались камни. Крик перетек в хриплый скулеж и продолжал услаждать мой слух. По такому значительному поводу я даже вернулась. Присела на корточки и стала всматриваться в чернящие изгибы лестницы.

— Эй, — тихонько позвала я, — ты где, Бэрримор драный?

Это чучело гороховое еще не вышло из игры. У него хватило сил нажать на курок (не та рука попала в капкан). Пуля забила в тесной клетушке, как огонь в печурке. Фу, как некультурно. Скулеж продолжал ублажать мой слух, но сопровождался он каким-то загадочным кряхтением. Скрежетало железо. От капкана освобождается, догадалась я. А ведь освободится, дьявол упрямый, проползет лестницу и отправится рыскать по этажам, с двумя-то пулями в обойме...

Перспектива загреметь во встречный капкан заставила меня двигаться. Наверху круговая анфилада, там и побегаем. А пока я должна сохранить иллюзию дееспособности. Заработавшая память услужливо подсказала, что лестница находится за огромным тумбообразным шкафом — еще одна глубокая ниша с крутым подъемом...

Меня качало, точно пьяную. Изображение начинало выкидывать фортели. Шкаф внезапно раздвоился, я порывалась его обойти, но задела плечом...

Эта мощная тумба оказалась совсем не монолитом. Она качнулась и протяжно заскрипела, растревожив тишину этажа. Я недоверчиво коснулась ладонью разошедшегося дерева, толкнула от себя. Эта дохлая конструкция могла упасть в любую минуту, вместе с ножками и всем содержимым. Изрытое, изъеденное насекомыми дерево ничего не весило! С равным успехом можно облачить иссохший скелет в камуфляж омовца и выдавать его за способного бойца.

Я взяла этот мебельный мираж за угол и тихонько подвинула. Шкаф поехал, как по салу, издавая жалобные причитания...

Я хотела разом завершить эту погоню. Надоело — пуще смерти.

Я стояла в двух шагах от лестницы, уперев ладони в дерево, и равнодушно слушала, как бредет по этажу дворецкий. Этот дядя тоже был крепким орешком. Получив от меня по полной программе, он упрямо двигался дальше, наплевав на синяки и увечья. Я слышала, как он с трудом переставляет ноги, спотыкается, надсадно, со всхлипами дышит. Неумолимо приближается к лестнице, как к заветной цели, за которой ему неизмеримо станет легче...

Я толкнула на него шкаф, когда он проходил под ним. Конструкция податливо поехала, скрежеща сочленениями. Я толкнула сильнее — ну же! Боже, какой это был кошмар!.. Шкаф упал, разваливаясь на куски. А потом началось настоящее непотребство! Взрыв бешеной ярости! Я, признаться, от израненного пожилого человека такого не ожидала. Рев

разбуженного тиранозавра затряс стены! Достала!!! Груда обломков разлетелась в разные стороны — великий и ужасный терминатор вырос из пепла, оглашая пространство воплем мести! Я оцепенела от ужаса. Нечто кровавое, огромное, расшвыривая обломки, устремилось на меня, вытянув руки. Я взвизгнула и бросилась на лестницу. Слава богу, он обронил пистолет! Я устремилась на подъем, работая всеми четырьмя конечностями. Он схватил меня за щиколотку, рванул на себя. Сейчас поймает и съест — из большого уважения...

Я ударила свободной пяткой. Попала во что-то податливое, хрустящее. Хрусти веселее, голосистый ты наш! Он отпустил мою ногу. Кинулся куда-то, видимо за пистолетом. Я по инерции съехала вниз, но быстро наверстала упущенное. Грохнул выстрел — бабах! Куда он стреляет? Крыша рухнула? Я взлетела на четвертый этаж и тут же очутилась в одной из комнат круговой анфилады. А за спиной бушевал ураган — разъяренный терминатор, издавая «аз воздам», карабкался за жертвой.

Этот ужас казался бесконечным. Мы носились по кругу, словно гонщики. Условное, конечно, понятие — носились. Еле двигались. Я чувствовала: мне остается совсем немного. Этот гад, откуда он черпал силы? Я брела из одной комнаты в другую, мечтая лишь об одном — быстрее бы он выпустил последнюю пулю. А он не мог этого себе позволить — он ни разу не видел меня на прямой дистанции. А «качаться» я перед ним не собиралась. Не тот уровень техники, знаете ли. Он барахтался в проходах, упорно меня преследуя. Двигался на слух. А потом вдруг передумал, подался обратно. Хитрый, стервец. Я могла пробуравить длину окружности и уйти той же лестницей, оставив его с носом. А он посчитал себя умнее. Минуту назад наступал на пятки и вдруг оказался впереди, гиена мерзкая...

У меня открылось, если не ошибаюсь, третье дыхание (за ним самое уместное — искусственное), голова работала. Я увидела, как тень метнулась из соседнего проема, и успела сотворить что-то цирковое, до чего в мирной жизни не додумаюсь (да и не сумею, разве что разгонюсь до четвертого дыхания...).

Я нырнула вправо, вытянув руки, зацепилась за какую-то уцелевшую балку и в толчке вцепилась в стену. В общем, ушла с линии огня. Грохнул выстрел. В перекрытии обвалилась штукатурка вместе с куском кладки. Под гул разрушений я и втемяшилась Винтеру в живот. Головой. Мы оба завопили. Он — победно, я, видимо, тоже. Он схватил меня за горло, но я замолотила кулачками и случайно долбанула ему в солнечное сплетение. Мы отпрянули друг от друга — со счетом один — один; тяжело дыша, лелея каверзы... А почему бы и нет? — вдруг проснулся садист в черепной коробке. Очень даже веселенькая мысль. Главное — своевременная. Ты и впрямь находишься на северной стороне башни, а слева от тебя вход в «овальный» зал. Помнишь такой? Как не помнить. Напротив — выход с сюрпризом. Но я же не миллиметровщица. А вдруг там весь пол?.. Но шальная идея уже воплощалась в жизнь. Безумство храбрых слагалось в песнь...

Я бросилась в «овальный» зал — не слишком быстро, чтобы Винтер успел оценить мои устремления, но и не слишком медленно, чтобы он не перекрыл мне дорогу. Я слышала, как он бежит за мной. Умница... Где же это место? Рядом с южным входом, я ползком добиралась до порога, вытягивала руку, цеплялась за его прочную балку... Метра два от порога, точно!.. Я неслась как угорелая, подо мной поскрипывал пол, проседал... Вот проход, а вот примерное место катастрофы. Там не видно ни зги, лишь контуры мрачного хаоса, а впереди неясный проем, за ним тускло полощется свет...

До проема оставалось метра три с гаком, когда я совершила отчаянный прыжок. Мир взлетел. Я приземлилась на порог и кубарем вывалилась в смежное помещение анфилады.

Все.

За спиной мерзко затрещало. Нечеловеческий вопль. Новый фрагмент напольных перекрытий отделился от этажа и с впечатляющим грохотом рухнул вниз...

Будь моя воля, я бы не стала подниматься. Я бы выпалась, отдохнула, а к утру бы привела себя в порядок и побрела искать ближайших вменяемых людей.

На носу были «уборщики», обещанные Бритовым, а чем они лучше всех этих уродов (преимущественно мертвых), я, хоть тресни, не представляла. Я мужественно вползла на порог, прощупала пяткой ближайшие половицы и спустилась в «овальный» зал. Немножко любопытства мне не повредит.

Винтер настырно цеплялся за жизнь. Окровавленные пальцы сжимали край обрыва. Он стремился подтянуться, сипло дышал. Ноги пытались уцепиться за свисающие с пола трухлявые ошметки, но только отталкивали их. Его лицо оказалось совсем рядом. Разбитая кровавая маска, в которой не осталось ничего демонического. Глаза навывкате с полопавшимися сосудами — словно червь-микрофилярия обмотался вокруг глазного яблока, причиняя невыносимую боль.

— Помоги... — прохрипела маска.

Я уселась перед ним на колени и стала с любопытством смотреть. Интересное имеется свойство у этих людей: почему-то перед смертью они все переходят со мной на «ты».

— Помоги, слышишь, прошу тебя... — умоляюще простонал дворецкий.

— С чего бы это вдруг? — удивилась я.

Он задергался, как я в позапрошлом году под щипцами стоматолога. Мне тогда казалось, что страшнее пытки в мире не бывает.

— Слушай... — застонал дворецкий, — помоги мне выбраться, и мы с тобой расстанемся с миром, обещаю... Дай мне руку...

— А мы и так расстанемся с миром, — совершенно искренне сказала я. — И незачем мне тебя вытаскивать. Мы дела решили, сам виноват. Хочешь, я тебя переkreщу?

— Не юродствуй... — От меня не укрылось, как напряглось его лицо в последнем усилии, как дрогнули пальцы, а нога нашла краешек опоры. — Не юродствуй... — повторил он, напряженно отдуваясь. — Дай мне руку, Богом заклинаю...

— Размечтался, глупенький, спешу и падаю. — Я на всякий случай отодвинулась. — Может, тебя еще и грудью покормить?

— Ах ты, гадина... — Он, кажется, всерьез нашел опору, правда хлипкую, и боялся приложить к ней весь свой вес. Но физиономия его слегка вылезла из дыры.

Получался, в сущности, неплохой ракурс. Я отодвинулась еще на полметра и выудила из кармана фотокамеру...

— Ты что? — испугался человек висящий.

— Скажи «сыр», — шепнула я и произвела съемку. Мгновенная фотовспышка его ослепила — он забился, как рыба на крючке. В отчаянном порыве дать последний бой он решительно полез из дыры. Укрепил ногу на опоре и начал медленно подтягиваться. Допустить такого безобразия я не могла. Увы.

В принципе я не чувствовала угрызений совести.

— Извини, — сказала я и оторвала его палец от пола. Он пуще вцепился остальными.

— Что ты делаешь, па-адла!..

Последнее слово с небольшим прибалтийским акцентом прозвучало забавно. Не их это

слово. Не умеют они его употреблять в строку.

— Мне немножко жаль, — призналась я. — Честное слово. Ты вкусно готовил. И вино у тебя неплохое. Правда, пьянела я от него сильно. Ты в него ничего не подливал, нет?

Я отодрала от пола безымянный и средний пальцы. Рука сорвалась в пропасть.

— Не-ет! — заорал Винтер. — Не делай этого!..

— Поздно, — грустно вымолвила я. Посмотрела на оставшуюся руку. Пальцы судорожно сжимали перекрытия. Я пересела на пятую точку, уперлась ладонями в пол и сбила их пяткой.

Никогда до этого дня я не убивала человека.

Глава одиннадцатая

Мое возвращение меньше всего напоминало триумф победителя. Я, шатаясь, добрела до лестницы, сползла на животе, собрав на себя не собранную ранее грязь. У тела дворецкого опасно притормозила. Обошла его за метр. Постояла, поглазев на поверженного врага. Сфотографировала. Побрела дальше. Расхотелось мне его крестить. Интересно, что он видел в последние моменты жизни? Представлял себя таким — разбитым в лепешку, с переломанными конечностями, раскрытым черепом? Или не верил, пока не коснулся этой груди бульжника?

Для прохода на второй этаж мне пришлось снова встать на четвереньки. Представляю, каким я вылезла свинтусом...

С гулким залом второго этажа я справлялась минут пять. Ни один бульжник, способный ухватить меня за щиколотку, не упустил такой возможности. Они тянулись к моим ногам, как энцефалитные клещи...

Винтовая лестница сверху донизу завалена камнями. Кто-то интенсивно здесь поработал. Я не сразу вспомнила, чьих это рук дело. Неужели эту грудку я смогла перелопатить? Нет предела человеческим слабостям... Осторожно лавируя между камнями, я стала спускаться. А за последним изгибом лестницы мне открылась прелюбопытная картина. До того прелюбопытная, что я остановилась, по горло загруженная этим самым прелюбопытством. Села на ступень, как голой попой на снег, и уныло подумала: кто-то в этом замке неплохо отштудировал зловещий «Некромоникон» — книгу оживления мертвых.

— Где Тынис? — строго спросила горничная.

Из всех покойников, увиденных мною за последние дни, эта малосимпатичная особа с остреньким носиком оказалась самой активной. Не всякий труп возьмет в руку пистолет, прогуляется по нефу и дойдет до середины цитадели.

— Тынис? — удивилась я.

— Тынис, — хмуря узенькие брови над крошечными глазками, подтвердила шиншилла.

— Ах Тынис, — догадалась я, — ну так бы и сказали.

— Где он? — процедила эта крыса. У нее определенно портилось настроение.

— А вас по какому поводу это волнует? — поинтересовалась я. — Если не ошибаюсь, вы умерли. Разве мертвых волнуют мелкие бытовые вопросы?

— Я не умерла, — процедила прислуга.

— А вот Тынис умер, — вздохнула я. — Какая жалость. Знаете, глубокоуважаемая, премудрая Юдифь, на вашем месте я бы тоже предпочла умереть. Тыниса не оживить, по крайней мере, надеюсь. В живом виде вы больше не встретитесь, разные, знаете ли, энергетические уровни. А вот в мертвом — очень просто. Такие, как вы, всегда встречаются. Вы станете лучшими соседями на сковороде.

Крошечное личико шиншиллы, похожее на сморщенную, загнивающую луковицу, стало покрываться подозрительно несвежими пятнами.

— Почему он умер? — пробормотала горничная.

— По верблюду, — живо отозвалась я. — Злая я сегодня. И полы у вас трухлявые, заменить их следует. Нет, послушайте, шиншилла... ах, прошу прощения, Юдифь, не могу избавиться от мысли, что вы, как бы помягче выразить, не совсем уже с нами... Вы настаиваете, что вы живая? А то, простите, у вас печать разложения на лице.

Было дрогнувший пистолет укрепил свои позиции и настроился мне в лоб. Но что-то подсказывало, что горничная не сразу нажмет на курок.

— Ты, как ненормальная, орала под дверью, что будешь стрелять, — сказала она. — Пистолет лежал в комодe, а без пистолета ты сильнее. Я не успела его взять, я должна была лишь страховать Тыниса. И не была уверена, что ты блефуешь...

— Вы решили прилечь, — догадалась я. — Отлежаться. В жмурики поиграть. А сообщник пусть работает. В самом деле, дорогая Юдифь, убивать живого — грех, а вы у нас такая набожная. В общем, молодец, объяснили.

— Я убью тебя, сука... — прошипела горничная, взводя курок. — Я убью тебя, и Бог простит мне это убийство...

— Не надейтесь, — обреченно вздохнула я. — Бог прощает заблудших, а не тех, кто долгие годы верой и правдой служит его основному оппоненту. Вы напрасно перешли на «ты», Юдифь. Есть одно верное наблюдение: любой, кто начинает мне вульгарно тыкать, дольше одной минуты не живет.

Пистолет заметно дрогнул. Шиншилла быстро окинула взглядом прилегающие территории и облизнула сухие губы.

— Не тот случай, с-сука... Молись. Что ты хочешь перед смертью?

— Чтобы у тебя хрен во лбу вырос, кретинка ты безмозглая, — грубовато призналась я.

Эта фурия не шутила. Да и ладно с ней. Она действительно нажимала на курок: железная закорючка уже ползла безо всякой надежды на остановку, а посиневший от напряжения палец усиливал нажим.

Говорят, на фоне смерти перед глазами человека проносится вся его жизнь. Заявляю ответственно: полный бред. Жизнь не может пронестись составом. Мозг обреченного — не компьютер. Гроыхнет наиболее значимый эпизод, услужливо заготовленный подсознанием. Это тот эпизод, который, по его мнению, является в вашей жизни определяющим. Передо мной проплыла моя несостоявшаяся свадьба. Тройка с бубенцами, я в фате. Все такие прикольные, улыбаются. Лица, правда, голодные. Купола из сусального золота, солнышко в полный рост, священник лопочет свои заклинания: «...венчаются раб божий и страх божий... и хранить друг друга вечно, в бедостях и радостях, покуда смерть...»

Грянул выстрел, разорвав серую скуку старых стен. Я не успела досмотреть живую картинку. Поп в расписной сутане замер с открытым ртом... Во лбу у шиншиллы вырос красный, распахнутый хрен — наглядная демонстрация, чем входное отверстие отличается от выходного. Выражение лица практически не изменилось. Выронив пистолет, шиншилла ударилась грудью о перила (разве это грудь?). Но преграда отбросила ее назад. Она упала навзничь и успокоилась.

Потирая ушибленную коленку, со стороны нефа подошла Жанна. В руке дымился пистолет Бригова. Покуда я проявляла чудеса ловкости и отваги, брюнетка успела спокойно переодеться и запахнуть под горло кожаную «простатитку». И это правильно — осенняя простуда штука безжалостная.

— Я давно подозревала в этой стерве дуру, — показала Жанна стволом на покойницу, — Кто же так поступает? Давно подмечено специалистами: хочешь убить человека — убивай без базара. А не трясись перед ним стволом, не тяни резину, не развлекай разговорами — какой ему прок от твоих разговоров?

— Ну почему же, — пробормотала я, — нормально поговорили... Спасибо, Жанна.

— Спасибо, — фыркнула брюнетка, — Спасибо в карман не нальешь. И на счет не положишь. Ладно, проехали. Мы с тобой квиты. Кстати, — спохватилась Жанна, — ничего, что я с тобой на «ты»? А то не проживу дольше минуты.

Мне стало смешно. Я судорожно икнула. И как будто стала возвращаться к жизни — не отрывочными кусками, а в полный формат, наполняя голову ветром, смыслом и содержанием.

— Ничего, — разрешила я. — Послушай, — я во все глаза уставилась на Жанну, удивляясь нахлынувшей способности удивляться, — а почему ты мне помогаешь? Путь из замка открыт, руки в ноги — и беги.

Она пожала плечами:

— Но ты же мне помогла.

«Потрясающая взаимовыручка, — подумала я. — Главное, очень уместная для данной публики. Так и просимся на Доску почета: гордость и краса клиентов нашей Фирмы»...

— Нет, серьезно. — Она прочитала «добродушную» иронию в моих глазах. — Мы не говорим о совести, Вера. Мы говорим о понятии «долг». А долги надо платить. Хотя бы частями. Понятия у меня такие — старомодные. Ты вытащила меня с балкона, не дала разбиться, хотя никто тебя об этом не просил.

— Просили, — возразила я. — Ты сама просила. Помогите, дескать, спасите... Ну я и пошла у тебя на поводу. Машинально, понимаешь? Не хотела я никого спасать.

— Я тоже не хотела, — буркнула Жанна, нагибаясь за пистолетом. — Просто эта дура так удачно подставила затылок — устоять невозможно. Хлебом не корми, а дай кого-нибудь убить... Возьмешь? — Она протянула мне ладонь, в которой лежал довольно увесистый пистолет — строгой прямоугольной конфигурации, но с кокетливой вязью на рукоятке. — Отличная штука, между прочим. Держи. Это «бердыш», под натовский боеприпас «парабеллум». Восемнадцать патронов, скорострельность как у автомата.

— Возьму, — согласилась я. — Постреляю. Но перед самолетом я его выброшу, хорошо? Не повезу я эту бандуру домой. Мне положить его там некуда, все шкафы забиты...

Жанна тускло улыбнулась. А я, приподняв натруженную пятую точку, сунула пистолет за пояс, достала фотоаппарат и сошла с последней ступени. Расквашенное месиво на лбу шиншиллы представляло не самый аппетитный натюрморт, но я должна быть последовательной, раз взялась. А то люди смеяться будут.

— Ты спятила, — испугалась Жанна. — Чердак рухнул, чудачка? Какого хрена ты делаешь?

— Я должна сделать натюрм... прости, репортаж, — сказала я, сверкая вспышкой. — Не волнуйся, Жанна, я снимаю только мертвых... или почти мертвых.

— У тебя точно не все дома, — она покрутила пальцем у виска. — Впрочем, сделаешь мне тоже пару карточек. Так, на память. Воспоминания о глубокой заднице, которую мы имели честь посетить.

Я убрала фотоаппарат.

— По поводу задницы. У тебя есть предположения, почему Игра пошла прахом?

— Есть такие, — кивнула Жанна. — Я почти уверена. Очень тонкая игра в Игре, но все разлезлось благодаря чьей-то жадности. Не удивлюсь, если для Фирмы в этой связи наступают непростые деньки.

— А конкретнее?

— Это было обычное жульничество... — Воспоминания об утраченном состоянии

продолжали ее мучить — черные глаза то вспыхивали, то гасли, осунувшаяся мордашка периодически вздрагивала. — Я заключила контракт в середине августа. Через пару дней я получила электронное послание: мне предлагалось приехать к указанному времени на шестнадцатый километр Восточного шоссе — я не буду называть тебе свой родной город, — провериться насчет слезки, дойти до дачного кооператива «Золотая нива» и посетить восьмой дом на улице Живописной. В конце письма значилась приписка: «Для желающих остаться». Она-то меня и подтолкнула. Я отправилась по адресу и в указанном доме обнаружила двух женщин. Одна из них была Эльза, другая...

— Особа лет сорока, с аккуратной стрижкой, ухоженными руками, карими глазами и располагающим к себе голосом, — перебила я.

— Точно, — щелкнула пальцами Жанна. — Она представилась Ириной Викторовной...

— Да хоть Анной Ахматовной, — вспыхнула я. — Эту женщину зовут Верой Владимировной Поляковой, она моя абсолютная тезка, и по ее милости я тут стою.

— Кх-м, — кашлянула Жанна. — Весьма возможно. Она успела по всем фронтам. Так вот. Она познакомила меня с Эльзой и предложила интригу. Сразу оговорюсь, что поступает вопреки правилам, подвергая нас всех смертельной опасности. Игроки до определенного дня не должны знакомиться и вступать в договоренности. Если мы хотим, то можем отказаться. Но шансов выиграть по-честному у нас мало, поскольку прочие игроки — мужчины. Я подумала и согласилась. Тогда она и предложила свой план. Мы заключаем в замке «фиктивные браки», что увеличивает наши шансы дожить до... третьих петухов, то бишь до третьего покойника, а затем по предварительной схеме, которая уточнится на месте, начинаем уничтожать своих мужчин. Схема не идеальная, но в данной ситуации единственно выигрышная. При этом она выдала нам полную информацию об остальных участниках Игры и примерной обстановке замка, не забыв в десятый раз напомнить, что поступает «противозаконно» и все мы с этого дня должны стать молчащей братской могилой...

— А что она хотела получить за свой риск? Процент от призового фонда?

— Ни-че-го, — отчеканила Жанна. — Даже больше. В случае благоприятного исхода дела эта женщина обещала перевести на наши счета дополнительно по сто тысяч долларов. От себя лично.

— Но это чушь!

— Вовсе нет. Я своим умом добралась до истины. Следи внимательно за полетом мысли и поправь меня, если зарвусь. Мы имеем дело с тотализатором, в котором участвуют богатенькие буратины и вертятся бешеные суммы. На нас ставят. За нас «болеют». Допусти на минуту, что эта таинственная особа тесно связана с кем-то из буратин, разыгрывающих свою удачу. Эту связь она могла не афишировать работникам Фирмы... Изучается предварительная видеосъемка, изучаются биографии, личные дела фигурантов, их человеческие слабости и способности, симпатии и антипатии к другим фигурантам. В последний день перед Игрой распорядитель хлопает в ладоши: «Делайте ваши ставки, господа!» В Игру вступает «шуршащий элемент». Кто-то ставит на меня с Мостовым, кто-то на Эльзу и Арсения. Кто-то на других — скажем, на Рустама и Арсения. Или Бурляка и Мостового. Ведь никто не знает, куда заведет Игра; обладание «парой» — вовсе не панацея от смерти... И лишь один юморист под общий хохот делает ставку... на меня и Эльзу! На двух баб!

— Черт! — пронзило меня. — Гениально!

— Вот именно. Это техническая брешь в работе Фирмы. До нынешней Игры ее никто не обнаружил. Слабое место, понимаешь? И лишь одна женщина, имеющая связь с руководством Фирмы, до этого додумалась. Она их просто кинула! Околпачила! Как мальчишек! Подставила тебя, чтобы выиграть время, уйти на дно. А ставка на кону — колоссальная. Жадность фраера сгубила. Этот некто огребал весь банк, оставляя с носом коллег и саму Фирму. Ведь никто не допускал такого исхода — не могут две бабы уделать четверых мужиков! Фирма могла понести колоссальный убыток, фактически разориться. И во избежание беды у руководства остается единственный выход — смухлевать. Один из призеров должен погибнуть. В таком случае правила нарушены: ни игрок, ни Пиноккио, поставивший на баб, не получают свои деньги. То есть Фирма сама должна нарушить свои же священные правила. Но Бригову это богохульство поручать нельзя — он слишком чтит кодекс Игры. Однако имеется прислуга — те же люди Фирмы. Поступает приказ дворецкому — уничтожить игрока. Он бежит на море и убивает Эльзу. Следует доклад. Но у Фирмы новые соображения. Поступает новый приказ — уничтожить вообще всех оставшихся. В том числе Бригова. Руководство не может пойти на столь отпетый риск — при ликвидации одной дамы появляется повод объявить Фирму нечистой на руку. Заинтересованные лица могут провести расследование. Этот повод возникал в любом случае, но попробуй докажи... Дворецкий с горничной убивают людей, якобы сбегают, объявляются безумцами, окосевшими от вида крови, а сами получают солидную компенсацию и визу в любую страну. Поверили ли исполнители в этот бред, нам узнать не дано, но послушаться приказа они не могут — люди Фирмы уже на подходе, их найдут и ликвидируют за непослушание...

— «Уборщики»!!! — огрело меня по голове запоздалое понимание. — Который час?!

Мы обе вскинули руки с часами. Десять минут второго! На финальную беготню по замку ушло меньше часа. А такая долгая казалась вечность. До приезда обещанных Бриговым «уборщиков» оставалось десять минут!

Самая бешеная пробежка за пять дней! Мы неслись по нефу, словно нас травила целая свора оголодавших обманутых вкладчиков. Я вырвалась вперед, запрыгала по северной лестнице. Жанна нырнула в свою комнату, а я кенгуриными прыжками помчалась к себе. Как велик был соблазн схватить деньги, билеты, документы, а остальное бросить к чертям собачьим и уноситься налегке! Но я понимала, что нельзя этого делать. Никаких личных вещей я не оставлю этим страшным ребятам. Чур, меня, чур! Кроме того, я похожа на нищенку, которую долго пинали и вазюкали по известке. Кому и что я буду доказывать?..

Трясаясь от нетерпения, я сбросила с себя одежду, облилась водой. Вытираться практически не стала. Швырнула полотенце в сумку, впрыгнула в сравнительно чистые джинсы, натянула майку, кофту. Пистолет за пояс. Вещи швыряла в сумку без разбора, не могла закрыть — они торчали из нее, как колючки из дикобраза. Я топталась по ним, утрамбовывала, плакала от бессилия. Ни за что их не брошу. Все свое, все родное. Семеняла по коридору, придерживая это норовящее выпасть хозяйство. Неслась, перепрыгивая через ступени. У подножия лестницы выпала зубная щетка, фотоаппарат. Щетку я сунула обратно, а когда схватила свой шпионский прибор, меня снова заколбасило. Четкие видения поплыли перед глазами, а между ними — столь же четкие пробелы. Нет, я должна быть последовательна. Раз уж взялась за гуж... То и полезай в кузов. Позабыв про нехватку самого ценного в жизни — времени, я понеслась через разбитые двери на террасу.

— Ты куда?! — всполошилась поджидавшая меня у нефы Жанна.

Долой сомнения. Я летела в объятия Северного моря, словно в объятия единственного человека, взводя затвор «Никона». Целься, пли! И обомлела, в последний раз потрясенная величием картины. Неужели я в дальнейшей жизни никогда не увижу моря? Именно этого моря? Не захлебнусь этим йодисто-соленым ветром? Не ощущу озноб, продирающий похлеще зимней стужи?

Двое продолжали лежать, придавая штормовому пейзажу мрачноватую символичность. Новые фигуры на старом шаблоне. Волосы Эльзы уже не плескались в набегающей волне. Их полностью скрыла вода. Волна доходила до пяток, и, когда она ударяла в берег, мертвая блондинка приподнималась, разводя руки навстречу небу, а когда спадала, а новая еще не попевала, опускалась на камни. Казалось, она тяжело и размеренно дышит, выполняя комплекс упражнений на развитие легочной системы.

Еще немного, и волна оторвет ее от берега, пополощет вблизи террасы и унесет в распахнутое море...

Бригов даже в смерти поступил продуманно. Он не докатился до воды. Рухнув через ограждение, он сделал несколько кульбитов, увлекая за собой камнепад, и застрял, прищемив ногу между булыжниками. Он лежал, будто спал. Спал, как убитый... подтянув свободную ногу на застрявшую, а правую руку подложив под голову...

— Слушай, ты, Роман Кармен долбанутая! — завопила, выбегая на террасу, Жанна. — Тоже мне фронтовая корреспондентка сыскалась! Учти, я уже убегаю!

— Все, бегу! — Я навела аппарат на Бригова. Замри, мгновение... Эльза... Последний снимок! Завершив рабочий ход, пленка подала сигнал аппарату, аппарат застрекотал, начав обратную перемотку. Все двенадцать кадров... Не дожидаясь, пока он перестанет вибрировать, я втиснула его в сумку и побежала в обход здания, придерживая торчащее из сумки барахло...

Мы не успели — экая жалость! Сорвался исторический момент. Вернее, почти не успели. Фортуна ярко демонстрировала, что барышня она с норовом, и если я не спешу воспользоваться своим последним шансом, то туда мне и дорога.

Мы добежали до перешейка, когда Жанна схватила меня за руку и повлекла за огромный валун, пристроившийся у края тропы.

— Полюбуйся, копуша... — яростно зашипела она, и, вместо того чтобы дать мне полюбоваться, стала вдавливать мою голову в терновый куст. Я насилу вывернулась. Подползла к краю валуна и высунула испуганный глаз.

По закрученной между скал дороге съезжали два черных достижения современной автомобильной промышленности. Красавцы. Культовые внедорожники. Очень медленно съезжали — надсадно переваливаясь через мелкие преграды, обтекая крупные. Дорога петляла чередой «восьмерок», машины то отдалялись, то вырастали, но постепенно опускались к уровню моря и выезжали на ровную «кольцевую» вокруг причудливой остроугольной скалы.

Прокомментировать этот новый поворот сюжета мне было нечем. Невольная спутница прокомментировала сжато, в двух словах, вернее, в трех — практически азбучных.

— Ладно, — смирилась Жанна, когда машины спустились с возвышенности и вышли на прямую. — Лучше встретить их здесь, чем на той хреновой дороге. Сидим тихо и не отвечаем.

Я предложила ей отползти за канаву и спрятаться под обрывом — там скользкое место,

где перешеек обрывается в море. На этом участке полностью исключены шансы на отступление, зато мы становимся менее заметны. «Отползаем», — согласилась Жанна.

Пока машины рычали на подъезде к тупику, мы отползли за покатую ложбинку и под прикрытием кустов спустились к морю.

Из машин вылезла целая толпа в штатском. Пятеро из первого джипа, четверо из второго. Одеты не воинственно, скорее буднично. Я бы затруднилась дать точный ответ, к какому слою общества их отнести. Не бомжи, определенно. Но и не напыщенные английские денди из благополучного Ист-Сайда. Похожи на узкую прослойку — интеллигенцию, но у некоторых отчетливо проступает оружие под куртками. И физиономии уж больно наши.

— Малахов, останься! — крикнул сидящему во втором джипе узколицый субъект с черепом сыщика с Бейкер-стрит.

Эта братия чувствовала себя как дома. Они даже не осмотрелись (придя домой, разве осматриваются?). Трое или четверо уверенно двинули по тропе, остальные извлекли из багажников вместительные клетчатые сумки и не спеша потянулись за первыми. Двое на ходу закурили. Но не трубки...

— Языка брать будем? — деловито осведомилась Жанна.

— К черту языка, — вздрогнула я. — Слушай сюда, Жанна. Эти люди — «уборщики», которых ожидал Бригов. Если твои догадки верны, они не обязаны знать о приказе, полученном дворецким. Это обычный технический персонал. Снимают аппаратуру, заматают следы. Они считают, что Игра окончена. Но в замке четыре неучтенных трупа! Допустим, они не сразу обнаружат Эльзу и Бригова. Допустим, они никогда не обнаружат дворецкого. Но не обнаружить горничную, которая лежит в вестибюле донжона! — это надо быть незрячими. Через минуту они войдут в замок, через две поступит тревога, через три руководство Фирмы будет оповещено и очень удивится, поскольку по сценарию горничная не должна быть мертвой.

— У тебя потрясающе ясная голова, — похвалила Жанна. — Будет вдвойне потрясающе, если ты не выронишь пистолет. Ты способна удержать его нацеленным на человека?

— Постараюсь, — сглотнула я, — и стрелять не буду...

Как сказал бы Лешка Первомайцев, «очень обоюдоудобное взаиморасположение». Жанна подкралась с тыла к тонированной передней дверце и тихо поцарапала.

— Хай, мэн?

Я вышла на фронтальную позицию, чтобы Жанна и тот, кто за дверцей, не сливались в единое целое. Окошко приспустилось. Показалась толстомясая физиономия с вислыми рыжими усами. Весьма сытая и на начальном этапе нашего знакомства вполне довольная жизнью.

— Хау а ю? — кокетливо поинтересовалась Жанна.

— Ол райт, — чисто по-нашему отозвался детина.

Даже на акцент не удосужился. Поначалу он нахмурился, но, изучив в окошке симпатичную мордашку, просиял улыбкой.

Я подпрыгнула, высматривая над шапкой камней уходящую в замок компанию. Первые трое уже проследовали арку, остальные подтягивались.

— Уотс э мэттэ, бэйби? — благодушно осведомился толстомясый.

— Ууд ю телл ми гай, уэа из зе шортест уэй ту зе лайбрари? — блеснула королевским Жанна.

— Уот? — не понял детина. — В какую, на хрен, библиотеку?

— Вылазь, говорю, козел! — меняясь в лице, рывкнула Жанна. Пистолет уперся в висок водителю. — Живо вылазь, падла!

Я тоже подняла пистолет. Живописный получался ансамбль. Водила явно не боец. Он вздрогнул от испуга и издал не очень-то аппетитный звук.

— Будьте здоровы, — не удержалась я.

Жанна сухо прыснула. Распахнула дверцу и отодвинулась. Водитель выгрузил из машины сальные чресла. Он стоял и бросал испуганные взгляды то на меня, то на Жанну. Смявшаяся в жирные складки кожа нервно подрагивала.

— А вы кто, девочки?

— Биксы вокзальные, — лаконично объяснила Жанна. — От поезда отстали, заплутали чуток. Слушай, амур, если не хочешь неприятностей, брось оружие на землю.

— Нет оружия, — замотал головой мужик.

Жанна вскинула ствол, пугающе меняясь в лице.

— Не убивай его, — попросила я.

— И не подумаю, — фыркнула Жанна. — Посмотри, какой отменный портрет в экстерьере. Знойный мужчина, мечта поэтессы. Люблю упитанных экземпляров. Я ему просто мошонку прострелю, а шкурка целой останется, можно любоваться.

— Нет оружия! — взвизгнул «знойный мужчина», покрываясь синюшной бледностью.

— А что есть?

— Рация...

— Ладно, давай рацию.

Жанна качнула стволом в мою сторону:

— Следите за этим красавчиком, коллега. Малый крен на сторону — и быстро сделайте ему тюнинг. Рекомендую мошонку.

Рация запищала в тот момент, когда толстомясый вынимал ее из бокового кармана. Машинально вскинул к уху. Жанна ударила рукояткой по руке. Рация выпала и покатила по камням.

— На землю! Руки за голову!

Она намеренно орала, как истеричка. Чтобы не повторяться.

— Не шевелиться! Пошевелишься — убью!

Толстомясый зарылся в сырую землю, а я опять подпрыгнула. У «парадного входа» донжона обрисовался человек. Он быстрым шагом двигался по тропе. Мелькнули еще двое — догнали первого, и все вместе припустили рысью.

— Полминуты, — намекнула я. — Не хотелось бы, конечно, портить нам праздник...

Жанна прыгнула в распахнутую дверцу. Приглашения ждать не следовало — я сорвалась с места, обогнула капот и пристроилась рядышком. Комфортное сиденье гостеприимно прогнулось.

Жанна повернула ключ зажигания и мазнула по мне восторженно-безумным взглядом.

— Ну что, вперед, страна Амазония?

Глава двенадцатая

Завершалась многочасовая готика. Стартовал новый виток забавы — боевик с отчаянной тоской по родине. Толстомясый поймел нахальство шевельнуться. Колыхнулись жировые валики на затылке. Даже сверх того — приподнялся на колени, неприлично выставив коровью задницу, и судорожно потянулся к рации. Похоже, у этого паренька в самом деле не было оружия. Но Жанна на него уже не смотрела — пройденный этап. Особо ценных сведений водила сообщить не мог. Мы покатали задним ходом до пригодной для разворота каменистой терраски. Там воинствующая брюнетка вывернула руль и переключила передачу. Внедорожник взревел, как трактор. Узкая тропа метнулась в лобовое стекло. Мы не успели завершить поворот — машина взлетела на бульжнике. Но Жанна справилась с виражом: меня качнуло на коробку передач, шмякнуло по двери и возвратило на исходную. Я уперлась ногами в пол.

— Ремешок пристегнуть? — спросила я.

— Как знаешь, — бросила Жанна. — Ментов не видно.

Но я на всякий случай пристегнула. Это не мешало испуганно оборачиваться и следить за развитием событий. А события развивались с невыгодной для нас быстротой. Двое прыгали в оставленный у тупика джип, третий гневно вопил в рацию. Перешеек сверху открывался, как на ладони. По тропе неслись сразу четверо. Бегущий первым махал руками. Но водитель джипа не стал их дожидаться. Тот, что с рацией, влез на заднее сиденье, и машина понеслась задним ходом к терраске. Водитель был профессионалом: идеально вывел внедорожник на тропу и включил привод на все четыре колеса.

— Блин!.. — ругнулась Жанна. — У меня так не получится! Но попробуем. Не пропадать же в расцвете лет, попутчица?

Я столько раз за эти дни пропадала, что сбилась со счета. Я чувствовала прилив нездорового возбуждения. Ветер воли свистел в ушах, и даже наступающий нас джип не воспринимался фатально.

Но мы действительно ехали слишком медленно. Стоило Жанне выжать газ, как на пути неизменно вырастало препятствие. Либо бульжник, либо замаскированная яма. Нас швыряло по всей тропе. Колеса скрипели в полуметре от обрыва. Вытянутые «восьмерки» тянулись бесконечной чередой. Мы не одолели и половины подъема, когда погоня вдвое сократила дистанцию. Прогремело несколько выстрелов. Одна из пуль отчетливо шмякнулась в багажник. Подстегнутая стрельбой, Жанна рискованно перешла на повышенную скорость. Мы рванулись вперед, но снова резко затормозили, когда очередной опасный поворот распахнул вертикальную пропасть. Чертыхнувшись, она рывком сменила передачу — рыча и дрожая, машина вписалась в вираж. Насколько хватал глаз, простирался подъем — относительно ровный, но пугающе крутой. Мы могли с потугами на него взгромоздиться, но тогда прошедшая последний поворот погоня отдавит нам все пятки и расстреляет просто в удовольствие.

— Ты готова остаться без шансов? — буркнула Жанна.

— Ну давай же, — взмолилась я. — Это же хорошая машина.

— Чемпион из меня хреновый, — самокритично заметила Жанна. — Ну да ладно, не выходить же с поднятыми лапками.

Она таким зловещим тоном произнесла последнюю фразу, что меня пробрал озноб. Эта

женщина не была нормальным человеком. Нормальные люди не участвуют в Игре! Только люди с исковерканной психикой и морально готовые к смерти способны подписать безжалостный договор! Зачем выходить с поднятыми лапками? Нас все равно не оставят в живых. Проще направить машину в пропасть и ощутить под занавес жизни величие свободного полета!..

Но этот орешек оказался труднее, чем я думала. Она упорно давила на газ, покоряя безнадежный подъем. Преследующий джип ровно миновал поворот и пристроился в хвост. Нас разделяло метров сто. Опять загремели выстрелы...

Проплыла площадка, свободная от нагроможденных камней. Жанна резко затормозила.

— Ты что? — возмутилась я.

— Из машины! — выкрикнула она тоном, от которого меня чуть не парализовало.

Обматерив, она вытолкнула меня на улицу. С вещами. Выбросила свою сумку. Я помню, как в ее руке мелькнула монтировка, выхваченная из-под сиденья. А дальше было жестокое цирковое зрелище, достойное красочного описания. Залихватски взревел мотор-зверюга — я едва успела откатиться. Вскочила на четвереньки и выставилась с изумлением на этот цирк. Бешено вращая колесами, машина перевалила бугор и выехала на площадку. Снова заревела двигателем, развернулась и вернулась на тропу. Навстречу тем! Это было очень внезапное решение. Погоня, видимо, не сразу сообразила, что происходит. Они не сбросили скорость. Даже в тот момент, когда джип помчался на них, они продолжали движение. Дверца распахнулась — Жанна вылетела упругим комком, подмяв заскорузлый кустарник. Вскрикнула от боли. Но поднялась и, прихрамывая, с горящими от возбуждения глазами побежала ко мне.

— Тикаем! Сейчас будет весело!

Зачем тикать, если будет весело? Раскрыв рот, как последняя дура, я наблюдала за развитием событий. Джип летел, набирая скорость. Похоже, она зафиксировала руль монтировкой — машину не швыряло по сторонам. Идущие навстречу в конце концов остановились. Две дверцы распахнулись одновременно. Выскочили охваченные паникой люди. Я помню их перекошенные лица, оружие глотки. Один пустился бежать, другой почему-то схватился за пистолет. Шофер замешкался — пытался вылезти, но зацепился одеждой. Когда спешишь, вечно не получается... Прояви он хладнокровие — успел бы освободиться и выпасть из машины. Но бес схватил шофера за голову и уткнул лицом в лобовик. Я видела, как глаза его становились шире, квадратнее, лицо исказилось... А затем наш джип с отчаянным грохотом расквасил встречному половину салона! Взрыва, мне кажется, не было (это только в Голливуде страдают пироманией, в детстве, видать, недоиграли: то у них планеты в вакууме взрываются, то машины пламенеют до небес...).

Но катастрофа разразилась чудовищная: вколошматившийся в собрата джип оторвал от земли задние колеса и всей инерционной массой накрыл его останки. Образовалась единая слипшаяся груда металлолома, от которой отделилось запасное колесо и запрыгало по дороге. Что осталось при этом от шофера, лучше не представлять.

Но кто-то умудрился выжить в этом тарараме. Раздавались крики. Меньше всего они напоминали воинственные. Жанна на бегу схватила свою сумку.

— Девочка, ты тормозишь. А ну дуй за мной!

Она помчалась куда-то на северо-запад, где за кустарником возвышалась гряда угрюмых скал. Я в растерянности устала на ее сверкающие пятки. Что-то и вправду я сегодня

тормозила. Сообразив, что надо бы поднять вещи, я бросилась к сумке, принялась запихивать норовящее сменить гражданство барахло. А когда распрямила ноющую спину, то почувствовала, как мурашки поползли по коже...

Не обломки джипов, слившихся в смертельном поцелуе, произвели на меня неизгладимое впечатление, и не человек среди камней, активно ищущий то, из чего стреляют... Я увидела в серой дымке замок Кронбери, который не желал меня отпускать!..

Я чуть не задохнулась от возмущения... Серые башни возвышались над водой, доминируя над пространством, над временем. Они смотрели на меня со зловещим прищуром своими окнами-бойницами и как бы разговаривали со мной. Довольно, милая, сегодня ты ушла, ты всех перехитрила, но ты вернешься, говорили мне башни, — ты не сможешь не вернуться, это делают все, однажды побывавшие, ведь просто так от нас не уходят, и все однажды возвращаются. Так не будем же прощаться, милая, а скажем просто — до свидания...

— Черта с два тебе, урод! — завопила я, легко и просто сходя с ума.

Оглянувшейся Жанне предстала жалкая клиническая картина: психопатка с изувеченным мукой лицом судорожно подскакивает, что-то орет, грозит кулачком в затянутое серой мглой пространство...

Она не стала изводить напрасные слова. Она достала пистолет покойного «маэстро» Бригова и дважды шарахнула в воздух.

А потом по нам шарахнули! До кустов оставалось метров пять, когда захлопали выстрелы. Они сумели-таки наладить погоню! Я с воплем рухнула на землю, выпустив сумку. Успела подумать с извращенным злорадством: ну все, убили. Допрыгалась, тушканчик. Загорелась лодыжка. Убить не убили, но ногу я едва не подвернула. Продолжая лежать, я свернулась калачиком и принялась ее судорожно разминать. Потрясла — вроде без последствий. Кость молодая. Но пули продолжали сыпаться. Одна брякнулась совсем рядом — в отдельно лежащий булыжник.

— Прячься, убогая! — взвизгнула из кустов Жанна. Ей удалось меня обогнать и скорчиться за укрытием. Я видела половинку ее черепа и руку, громоздящую пистолет поверх камня.

Я перекатилась за булыжник, подхватив лямку баула. Видно, посчитала, что пуля дважды в один булыжник не прилетает.

Выстрелы смолкли. Появилась возможность разобраться в ситуации. Я лежала, скрюченная, за камнем, передо мной простиралась открытая площадка с какими-то сухими колючками. За площадкой обрывчик, кусты. В обрывчике — Жанна. За кустами гряда утесов, похожих на амфитеатр, куда неплохо бы попасть. И попали бы — не испугайся я каких-то мирных выстрелов на ровном месте.

Стреляющие засели напротив Жанны — она могла их видеть, а я нет, поскольку боялась выползти из-за камня по причинам более чем объяснимым. До нее метров пять, но этот участок я могла перебежать только с пулей в заднице.

Жанна выглядела донельзя разозленной.

— Знаешь, у меня нет слов, — гневно сказала она. — Ты не бежишь, а идешь прогулочным шагом. Много ворон насчитала, признайся?

— Настолько безнадежно? — буркнула я.

— Да как тебе сказать... Их только двое. Как ни странно, выжили. Один получил

перелом, другой полон сил и энергии. Они держат на мушке твой камень меня, между прочим, если тебе от этого легче.

— Далеко?

— Метров сорок... Хотя нет, уже не сорок... — Жанна прищурила глаз и выстрелила. Шустро спряталась. Я машинально вдавилась в землю. В ответ ударили два выстрела. Она переждала, снова вытянула голову.

— А каковы мои действия? — уныло спросила я.

Она почесала стволом макушку:

— А кто тебя знает... Можешь пятку почесать. Или геройское что-нибудь проверить. Но, откровенно говоря, не рекомендую...

Она вновь насторожилась.

— Что они делают? — быстро спросила я.

— Сюда целятся... Подожди минутку. — Жанна рухнула за обрывчик, а после того, как с временной оттяжкой прозвучали два выстрела (одна из пуль легко могла ее угробить), снова обозначила свое присутствие. — М-да, — сказала Жанна. — Недалекие у тебя перспективы. Так тебе еще не улыбались.

Очевидно, приближались «антагонисты». Я закопошилась, судорожно нащупывая «бердыш».

— Нет, не суетись, — невозмутимо остановила меня Жанна. — Поступаем по другой схеме. В обойме семь патронов. Было десять. Могу истратить на тебя только три, больше не дам, не проси. Сейчас ты вслух считаешь до пяти. Когда заканчиваешь, я начинаю стрелять. С интервалом в одну секунду. Итого ты имеешь в запасе три секунды, не упusti свой шанс.

Я уже сообразила. Жанна утрирует про секунды, натура у нее такая. Она собралась меня прикрыть, прижав противника к камням...

Я оторвалась от земли с первым же выстрелом. Не раздумывая. Куда уж тут раздумывать, не кино с безграничным числом дублей... Она высаживала пулю за пулей, а я, сделав три олимпийских прыжка, уже солдатиком слетала в обрыв, разрезая пятками гравий.

— Умеешь, когда захочешь, — покосилась на меня Жанна.

Задыхаясь от переизбытка эмоций, я свалилась грудью на свою сумку и заработала ногами, сопротивляясь хлынувшей осыпи.

— Ты не хочешь пострелять? А впрочем, нет, — передумала Жанна, — Сиди уж, где упала, сама обойдусь.

Но я уже лезла на утес, сдирая кожу с пальцев...

Отдавший лучшие годы биатлону, по определению, умеет стрелять. Но не думаю, что ее мишени на стенде таились за камнями и вели ответную стрельбу. У одного, насколько я видела, вышла из строя рука. Висела плетью. Он зажимал больное плечо в те моменты, когда не стрелял. Этот парень не вел особо активных действий. Он держался за напарником, вяло передвигался от камня к камню и при нужде прикрывал товарища. Напарник всерьез решил следовать инструкции. Он выстрелил наобум и перебежал на новую позицию. Пуля, отправленная Жанной, царапнула камень. Человек перепрыгнул за новое укрытие. Было видно, как он махнул напарнику, вскочил на колени и дважды выстрелил. Мимо. Пострадавший неуклюже передвинулся — исчез за серым «мегалитом». Активный совершил новую перебежку. Распластался за бугром и выставил наружу ствол. И снова ему удалось провести Жанну — она не успела прицелиться, а он уже нырнул за расколотую глыбу, от которой нас разделяло метров двадцать. Следующим этапом его маневров, надо думать,

планировалась гряда камней посреди площадки. Идеальное укрытие для подготовки к решающему броску. Этот парень был упрям, как ишак.

— Неисправимый оптимист, — покачала головой Жанна. — Ладно, приятель, я тебя подловлю.

За расколотой глыбой мелькнуло тело. Даже я сообразила, что это обманка. Человек выстрелил и моментально спрятался. Жанна нажала на курок. Он того и ждал. Упругое тело выбросилось из-за скалы и в прыжке прорисовало дугу — с момента выстрела не прошло и секунды. Она тоже ждала — парень действовал по канонам, а Жанна умела от них отступать. Второй выстрел прозвучал вдогонку за первым. Парня срезало в полете. Он заорал — пуля втемяшилась в бедро. Уже на земле он пытался волоком подтянуть простреленную ногу. Так и остался лежать за камнями — невидимый, но активно бранящийся.

— Мне так жаль, дорогой...

— Исправимый оптимист, — прокомментировала я. Жанна захохотала.

— Это точно. — Она щелчком поставила пистолет на предохранитель и, извиваясь, сползла в овражек. Ее лицо пылало. — Финита ля, коллега, бежим, пока ребята не подоспели...

Мы неслись по каменным дебрям, волоча за собой баулы. Этим голым скалам не было конца.

Ни дороги, ни машин, ни жалкого британца (а Британия — густонаселенная страна!). Лишь утомительные лабиринты камней, покрытые редкими кустиками, то спадающие в воронки, то громоздящиеся островерхими, обрывистыми холмами. Когда бежать становилось невмоготу, мы переходили на шаг, заряжались по каплям энергией, опять бежали, покуда ноги не начинали заплетаться, а земля не летела в глаза со страшной скоростью.

Я упала на клочок земли, поросший жухлой травой, — единственное место, радующее глаз на всем протяжении нескончаемой гряды. Обняла сумку и стала приводить в порядок дыхание. Хватит слушаться Жанну, пусть бежит, она быстроногая. А я лимит свой вычерпала. Ни один мужчина не переживет того, что пережила я. Как и любая женщина, какой бы тягой продлить существование она ни располагала. Каждое событие этого дня — отдельное великое потрясение. Сложенные воедино — готовая палата для усиленно-задумчивых...

Труп Мостового, с кривой улыбочкой на лице. «Спецприемник» для выбывших из Игры, где я коротала время с фотоаппаратом, пряталась от отморожков из «похоронного бюро», а затем совершала морское плавание в компании с покойниками. Бригов с пистолетом, яростная драка при участии меня и ножи от стола, ушибы, ссадины. Пули над ухом и отчаянная беготня от дворецкого по угрюмым лабиринтам донжона. Убийство, совершенное голыми руками. Горничная, едва не доведшая наши игры до логичного завершения. Бешеные сборы, трупы, нервы, обнаженные, как вены. Люди на джипах, стрельба, погоня, две машины всмятку — как сращение активов, и финальный увеселительный дивертисмент. Заключительная пробежка с полным упадком — воли, сил, веры...

— У тебя видок, словно ты в Чечне побывала, — образно заметила Жанна.

Я открыла глаз. Она лежала в соседней низине, подложив под голову сумку, и смотрела на меня очень пристально. Эта женщина не казалась умирающей и раздавленной. В этой женщине было много достойного уважения. Но больше всего на свете я хотела бы держаться

от нее подальше.

— Я уже не могу бежать, — честно призналась я. — Беги одна, если хочешь.

— Не хочу, — сказала Жанна, — но надо. Я изучала подробную карту этих мест. Организаторы Игры выбрали самый безлюдный уголок на востоке Англии. Здесь деревенек — раз и обчелся. Нашим друзьям ничто не мешает поиграть в охотников.

— Но ты должна представлять, куда нам двигаться...

— Городишко Корнхолл — он на северо-западе. Остальное карта не отражает. Мелкие деревеньки, фермерские поселения — не в счет, нам от них никакого прока. Нужна трасса с оживленным движением. Возьмем фаэтон и...

Она не договорила. Я опять ощутила на себе ее неласковый взгляд. Я закрыла глаза и откинула голову.

— У тебя ловко получается, — пробормотала я. — Ты не в спецслужбе работала?

— Еще чего, — фыркнула Жанна. — Мы люди мирных профессий.

— Ах да, — как бы вспомнила я, — Бурляк говорил, что ты занималась биатлоном, пока не попала в нехорошую компанию, где тебя выставили на бабки.

— Нехорошая компания называлась «Светлый дом» и занималась торговлей недвижимостью. Причем немалая часть компании специализировалась на «черном» риелторстве, убийствах и похищениях людей. Тебе это интересно?

— Тебя посадили на крючок?

— Я сама на него с радостью влезла. Жизнь устраивать надо, дочурке семь лет, мама старенькая. Мужа делать пора. В общем, квартира в элитном центре обошлась в шестьдесят тысяч долларов...

— Ого!

— Десять у меня было. Представитель фирмы — эдакий чистоплюйный мальчик с манерами — предложил кредит в банке, где у него якобы знакомые, на пять лет, всего под один процент годовых. Я же не знала, что это одна шайка-лейка. Подписала договор, оформила кредит. Квартира оказалась липовой, с реально прописанным хозяином, фирма знать меня не знает (нет у них никакого чистоплюйного мальчика!), а банк с ножом у горла требует возврата долга. Милиция тихо ухмыляется, а суд у нас самый гуманный.

— И ты поддалась на уговоры агента?

— А куда прикажешь? Из биатлона я ушла после первенства страны 2002 года. Отстрелялась, отбегалась — хватит, шабаш. Человеческой жизнью пожить хотела. Устроилась на работу в одну необременительную контору. О достойном жилье задумалась...

— И не было других вариантов?

— Как отрезало. У них моя дочь.

— В смысле? — Я приподняла голову.

Жанна вертела в руках пистолет, балуясь предохранителем.

— Она пропала в один из дней... Потом позвонила, сказала, что ее увезли такие вежливые дяденьки, держат в чистом домике, похожем на детский садик, где очень вкусно кормят, дают мороженое... А потом она заплакала и стала просить поскорее сделать то, что от меня хотят, а то ей первого сентября надо первый раз в первый класс, и не хотелось бы это событие пропустить...

— А милиция? — пробормотала я.

— Милиция тихо ухмыляется, — повторила Жанна. — А в прокуратуре был ремонт... Через день прислали видеозапись, где измученный пытками человек, похожий на

бизнесмена, отрезает себе ухо...

— А затем пришел агент...

— Правильно. Я не Ван Гог — ухо себе резать. Погибать — так целиком. О чем и сказала этим уродам, когда они в очередной раз вышли на связь. Мол, деньги будут в сентябре, и баста.

Мы молчали несколько минут. Каждый думал о своем. Внезапно Жанна рассмеялась:

— И все равно ты меня не любишь.

— Не люблю, — призналась я.

— И боишься.

— И боюсь, — да и нужно ли объяснять причину?

— И немного презираешь...

— Прости, — кивнула я. — Нос не ворочу, но... У нас у каждого есть барьеры, которые нам не взять. Я убила дворецкого, но он пытался убить меня. Ты убивала людей, которые не сделали тебе зла. Не знаю, испытывала ли ты покаянный ужас... Я не имею в виду горничную. И этого парня, что сидел за рулем... И тех, что стреляли в нас...

— Вот именно. — Ее глаза стремительно похолодели. — Ты сама не ведаешь, что имеешь в виду. Нам барьеры создает заложенное воспитание, а жизнь периодически опускает планку.

У иных эти планки уже на земле валяются, подумала я.

— Да нормальные они люди, — задрала Жанна палец в небо, мол, понимай, как знаешь, но я ее поняла. — Кровь с молоком не пьют. Просто жизнь их опустила ниже уровня канализации, испинала, поглумилась, да и всунула в дерьмо за ненадобностью. Не случись беды, так и жили бы — как все.

Один Рустам — темноватая личность, но он как раз не правило, а исключение...

— Что ты знаешь о Рустаме? — перебила я.

Жанна улыбнулась:

— В принципе все. Я изучала их досье, не забывай. Но по крупному счету ничего любопытного. Типичный отморозок-интеллигентишко. Вывертыш с замашками хана Гирея. Ни дня не работал. Жил, как пилигрим, кочуя с квартиры на квартиру. В девяносто пятом в Богучанах подвизался в банде наперсточников, через месяц все бандиты по ряду недоказанных причин отдали богу души, а Рустам остепенился — в Казань переехал, квартиру прикупил. Много у него в биографии невыясненных моментов. Ты же знаешь, Фирма собирала досье досконально и по всем пунктам. Факты вещь настырная. В девяносто шестом он становится директором невзрачного, но многопрофильного АО, и тут же гибнут двое компаньонов — от излишков инородного металла в теле. В девяносто восьмом он уже не директор, а сам себе голова, от АО остается посаженный «Фукс», а Рустам всплывает в Набережных Челнах. У него уже коттедж и куча иномарок. У него есть все: любовница, которая в один прекрасный момент гибнет, он заводит новую, друзья, периодически отправляющиеся на тот свет, условия для жизни, хорошеющие год от года. Демоническая аура, которой он искренне гордится и которая делает его неуязвимым...

— Так какого же черта его понесло в Игру?

— Да как же ты не понимаешь! Это вызов себе. Это испытание, которое, по мнению Рустама, завершит его полное воплощение в идеальное существо. Психология человека, мнящего себя богом. Богом стать просто, если уже невмочь, понимаешь? Не всем же горшки обжигать. А он считал себя уже полубогом, которому подвластны любые лотереи и

безнадежные ситуации. Он пытался доказать себе, что способен на все. На ель ворона взгромоздясь, ощутила себя птичьей королевой... Это мероприятие просто привело его в восторг, вплеснуло жизненных сил! Помнишь «круги здоровья», которые Рустам нарезал по замку в первые две ночи? Он плевать хотел на то, что у него нет пары. Да и какой игрок в трезвом уме заключите ним союз?

Этот ужас возвращался — в ментальных корчах, в возбужденном голоске Жанны, азартно живописующей убожество Рустама... Я не хотела больше думать об этих убийствах, так похожих на церемониальные. Не хотела погружаться в трясину, корчиться в судорогах, лезть на стенку от воспоминаний, обзаводиться постоянным психиатром — при условии, что дотащусь однажды до больницы...

— Нам необходимо расстаться, — сказала я, не открывая глаз.

Прозвучало как-то по-семейному. Но она меня поняла.

— Хорошо, — покладисто согласилась Жанна. — Я насквозь вижу, что творится у тебя на душонке. Ну что ж, коллега, мы с двумя жизнями перешли на следующий уровень, поздравляю. Выгребаем поодиночке. Успехов.

Зашуршали камни, она поднималась. А ведь Жанна только рада избавиться от меня, догадалась я. На кой ей этот якорь? Я открыла глаза и недоверчиво смотрела, как она, нахмутив мордашку, собирается в дорогу. Всунула пистолет в боковой карман, подтянула лямку дорожной сумки, забросила ее за спину.

— Ты не выиграла деньги, — тихо сказала я. — Как ты собираешься спасти дочь?

Я думала, она меня пошлет по адресу, в лучшем случае промолчит. Это глубоко личная проблема. Но она задумалась, а когда повернула ко мне лицо, на нем сидела сморщенная маска из итальянской комедии дель арте.

— Хорошо, когда есть в жизни смысл, правда, Вера? Он не даст тебе зачахнуть. В мире остается Вера Владимировна Полякова, с которой Фирма, надеюсь, еще не разобралась. Это не ты. Другая. Она должна поплатиться за свою жадность. И выложить кругленькую сумму на ремонт изломанной души.

— Чушь собачья, — фыркнула я. — Фирма сильнее тебя. Она отыщет Полякову раньше, не беспокойся. И тебя еще приложит, если будешь активничать.

— А я по-тихому, — заговорщицки подмигнула Жанна. — Они не заметят. Хорошо, когда в жизни есть смысл, правда?

Она поправила лямку на груди и принялась взбираться на кручу — курсом к северо-западу. Хрупкая тоненькая фигурка, взвалившая на свои плечи тонны нерешаемых проблем.

Забравшись под гребень скалы, она обернулась. Помахала приветливо:

— Ну что приуныла, лютик? Двигай на запад, прорвешься. Не везет тебе в смерти, я же вижу...

Не дождавшись моего ответа, еще раз помахала и пропала за уродливой скалой. А я закрыла слезящиеся глаза и провалилась в кошмарное состояние.

Глава тринадцатая

Едва исчезла дрожь в руках, я бросила сумку на загорбок и двинулась в дальнюю дорогу. К шестнадцати часам отшумел кратковременный дождик, пропел веселый ветер. Я перелезла через последнюю каменную гряду и погрузилась в обширную болотистую балку, чередуемую редкими осиновыми перелесками. Сорвала веточку и, отмахиваясь от комаров, хлюпала по бездорожью, рискуя провалиться в какую-нибудь незаметную трясику. За болотом потянулись вересковые пустоши — пространные местности, заросшие кустарниками с мелкими листьями и увядающими лиловыми цветочками.

Перелески принимали более нарядный вид. На лужках колосился дикорос, сухая длинная трава приятно шуршала под ногами. К половине шестого, когда плечи онемели от груза, спина от плеч, а ноги — от меня, я вышла из лозняка к полевой дороге. По ней как раз тарактел ржавый драбадан с прицепом. Проскакал всадник на савраске — вылитый Стэплтон в клетчатом твиде и с сачком для ловли бабочек. Или призрак Стэплтона, кто его разберет? На меня он предпочел не оборачиваться — кому интересна юродивая в веригах? Да и оборачиваются ли призраки?

Небо вновь потемнело. Застучал дождь по земле — не частыми, но увесистыми каплями. Я натянула на голову воротник куртки и прикинула наличность. Все на месте. По крайней мере, должно быть. Двести без малого нерастраченных фунтов и бумажка с Беном Франклином — выдающимся просветителем, государственным деятелем, ученым и автором Декларации независимости США (последнюю бумажку я захватила на всякий пожарный случай — из дома).

Как назло, я проторчала на этой обочине целую вечность. Кончился дождик, а я продолжала стоять с надвинутым на макушку воротником. После долгого ожидания подвалил щеголеватый спортивный «остин» цвета канарейки. Остановился почти бесшумно. На капоте блестели дождевые капельки. Я не успела наклониться к низкому оконцу, как дверь распахнулась и показался типичный прожигатель жизни — долговязый такой кретинчик с лучезарной ухмылочкой и в начищенных до дыр ботинках. Откуда такой ехал? Не успела я опомниться, как этот денди обогнул капот, услужливо распахнул вторую дверь и что-то приглашающе затарактел.

— Ууд ю гив ми э лифт? — с сомнением произнесла я. Не подбросите ли, в смысле.

— Еа, еа... — закивал придурок тоном «ну какая же вы бестолковая, мисс». — Найс лифт, вери найс лифт...

Но что-то я вдруг засомневалась. Улыбочка на губищах этого парняги ширилась, как мои неприятности, а глаза были холодны и оценивающи. И вообще он здорово напоминал паука-птицееда.

— Лондон-таун, плиз? — хрипло спросила я.

— Оф кос, еа, еа... — смачно закивал подозрительный тип, — Лондон-таун, Лондон-таун, бьютифул...

— Уан хандред, ес? — Я вытащила из брюк купюру и показала парню. Но тот захохотал и слишком яростно замахал руками:

— Ноу, ноу, мисс... Ноу мани, ноу мани... — и опять стал завлекающее приглашать меня в салон. Я окончательно скисла. Тем более из салона прозвучал шорох и тихо кашлянул мужчина.

— Ноу. — Я испуганно попятилась от обочины. — Гоу. Ай эм сори, — животный секс с жуирствующими местными в моих путешествиях натуралиста как-то не значился.

Озабоченный денди несказанно расстроился. Он прижал к груди ухоженные ручонки и направился ко мне.

— Вау, мисс, юдиднт андестэнд... Уилл хэвэ гуд тайм...

Не сомневаюсь, мы отлично проведем время. Я заправски выхватила из куртки пистолет и направила на этого «претендента».

— Пошел к черту, идиот! — завопила я.

Он изумленно вылутился на пистолет, потом на меня. Переступил с ноги на ногу. Опять тронулся в путь. Очевидно, посчитал, что мы оба резиновые и придуриваемся.

— Гет аут, факкер! — конкретизировала я.

Угрожающе взвела курок (я листала на досуге книжку «Из чего стреляют в СНГ; умек отличать пусковой механизм от спускового). Металлический лязг привел агрессивного денди в чувство. Он нахмурился и, чуток постояв в нерешительности, угрюмо молвил:

— Фак.

— И не надейся, — сказала я. — Мы народ целомудренный. Иди вон своего приятеля сфакай.

Он не понял дословно, но вконец расстроился. Сботав что-то на своей фене, раздраженно пнул по собственному колесу, плюхнулся в машину и покатил через поле. Следующим подкрался грузовой пикап с вмятым крылом и доверху груженный удобрениями. Он остановился не сразу — сперва проехал мимо, а потом по каким-то частным соображениям притормозил у края дороги и, простуженно кашлянув, заглох. Резонно убежденная, что занятым в сельском хозяйстве недосуг в неурочное время развратничать, я убрала подальше пистолет и поплелась договариваться.

Пожилой дядечка, смешно чертыхаясь, заводил мотор. Ну кто же так заводит? — ни одного крепкого слова. На меня он даже не отвлекся. Я открыла рот, чтобы вымолвить что-то реальное, но всем потугам вопреки получилось одно и то же. Старенькое:

— Лондон-таун, сэр?

Дядечка чуть не окосел. Даже закашлялся. Затем почесал грязным ногтем небритую щеку, посмотрел на меня, как на спустившуюся с гор инопланетянку, и постучал кулаком по голове. Понятный в любом уголке планеты жест.

— Ноу, — дополнил он свой отказ словом.

— Хандрид паундз, — всхлипнула я.

Глупый дядя! Это почти четыре тысячи рублей! Месяц жить можно! — Ноу, — покачал сединами дядечка.

Он был одет в перепачканный соляжкой комбинезон и стоптанные многочисленными поколениями башмаки. Зачем таким деньги?

Я совсем позабыла, что цены на бензин в Англии немного отличаются от сибирских. Раздавленная своими горькими невзгодами и утомительным путешествием, я не могла подумать о самых элементарных вещах.

— А ю краинг? — Он внимательно всмотрелся в мое лицо и вроде бы открыл в нем что-то для себя новое.

— Йес, — всхлипнула я. — Ай эм краинг. Ай эм ин бэд, вери бэд дизастер. Уэа а ю драйвинг?

Дядечка ответил многословной тирадой, из которой я сумела разобрать только «май

фарм».

— Ладно, — буркнула я, взбираясь на гниющую подножку, — вези на свой фарм, дядя, пока я тут боты не двинула...

Очевидно, я рыдала всю дорогу. Он посматривал на меня с нормальной человеческой жалостью и что-то бубнил под нос. Золотой дядечка — он оказался верноподданным британцем, но этот недостаток не мешал ему проявлять сострадание к обиженным и плачущим чужестранкам. Я смутно помню завершение этого насыщенного событиями дня. Голова кружилась — от тепла, уюта, от забытого человеческого участия. «Не спрашивайте меня ни о чем, — бормотала я, напрягая все свои ничтожные знания языка. — Я не преступница и не бродяжка... Меня обманули, насильно привезли в чужую страну — волкам на съедение... Я вас не потревожу, я переночую и уйду, а если хотите, могу заплатить...» Меня ни о чем не просили и не спрашивали. Я помню уютный фермерский домик — интересную смесь патриархальности и двадцать первого века; речку-переплюйку, осиновые колки на обратной стороне лужка, просторный двор, миниатюрный трактор, механизированную сеялку, веялку... Радужную племянницу хозяина — «гусиную лапку» Дженни — особу с бледным, редкостно некрасивым лицом и тонкими ногами. Я помню собаку с отвислым ухом, которая смотрела на меня с жалостью и отзывалась на кличку Поттер. Бледного киндера в очаровательных подштанниках, гоняющего по двору лохматого одноглазого кота, который жил да был за углом, но в отчаянные

минуты жизни вынужден спасаться где только можно. Помню кирпичный камин, окруженный горшочками с петунией, душ за загородкой, размеренное гудение микроволновки, подогревающей обеденный гуляш. Помню пахнущий соломой халат, выданный вместо моих вещей, ушедших в стиралку (вовремя спрятала пистолет), бокал наваристого компота, ложку, кружку, бормотание говорливой Дженни, явно мечтающей сотворить из меня подружку-единомышленницу. Ухмыляющегося в синюшную небритость дядечку...

Я спала на чердаке, на покато́й оттоманке, крытой желтым хлопковым бельем. Под запахи смолы: Но прежде чем уснуть, я опять внимала рассуждениям Дженни: она развешивала мое отстиранное хозяйство у чердачной лестницы и развесистую лапшу — на уши. Я многое понимала в ее бормотании... О том, что дядя Ник не выжига, не деспот, он суров, но до определенного волевого предела, а за этим пределом он становится добрым и ласковым. Вот недавно он соседское дитя, больное дифтеритом, совершенно безвозмездно, то есть даром, отвез в инфекционную больницу в Гилзморо; а на той неделе проявил сдержанное уважение к старушке Лоэнтри — активистке прихода из Карнаби-холл, оторвав ее беременную кошку от дерева; и вообще он никакой ей не дядя, а свекор — папочка покойного мужа Фрэнка Челестера, скончавшегося в позапрошлом году от подозрения на одну модную смертельную болезнь, передающуюся капельно-половым путем (вот только каким путем он ее подхватил: капельным или половым, история умалчивает), — что уже само по себе говорит о широте души дядюшки Ника... О том, что к русским Дженни не относится со священным ужасом, не расистка, понимает, что русские тоже люди, ну бывает, не повезло, не могут же все рождаться англичанами, это было бы странно. Хотя и согласна с общественным мнением ближайших деревень, что к русским надобно относиться настороженно, ввиду их повального увлечения криминалом, хотя, боже упаси, это не относится к присутствующим...

На такой убаюкивающей ноте я уснула. А проснулась через двенадцать часов от солнышка, подглядывающего в чердачное оконце. Обалдевая от невиданного счастья, я спустилась с оттоманки, запнулась о свои личные вещи и, наступая на полы халата, потащилась к окну. Я увидела идиллический пасторальный пейзаж: отцепленную от лошади телегу с сеном, десяток парнокопытных, пасущихся на лужке, подсобные строения, замыкающие границу усадьбы, на другой стороне лужка — смешанный осинник и березняк. Супер! Я открыла окно, вдохнула деревенского воздуха с ароматом сухих трав и свежего навоза. Потянулась — как никогда в жизни не потягивалась... Развернулась и пошлепала, протирая глаза, к окну напротив — на другую сторону прямолинейно вытянутого чердака.

Подо мной простирался дворик, территорию которого вместо забора замыкала скромная оградка в виде плетня. Подходы к летней кухоньке устилали плотно стыкованные плиты из гранита. Пространство разделено на дорожки. Слева травка, справа пожухлые астрочки, между ними площадка для киндерских забав. Основной «цветочек» этого дома еще не проснулся, поэтому кот отдыхал. Он лежал на аккуратной поленнице, смачно вытянувшись во весь рост. Он наслаждался восходящим солнышком. У свежеструганой будки восседал лопухий пес. Он задумчиво чесал немытую шею и одновременно наблюдал за хозяином. А хозяин, дядя Ник, одетый в грубый шерстяной свитер, стоял по ту сторону плетня. Он общался с тремя мужчинами в черных куртках. Славянской наружности. Я родную наружность ни с одной другой не спутаю!

Позади мужчин на подъездной дорожке притулился черный джип класса «ленд-ровер» (не всех еще расколбасили). Дядя Ник на вопросы проезжих в запале благородства пожимал плечами, но бросил невзначай взгляд на чердак. Один из троицы насторожился. Что-то бегло сказал своим. Те насторожились пуще первого. Один из них что-то достал из кармана. Дядя Ник сделал шаг назад. А я уже отлетала. Я неслась по чердаку, сдерживая на ходу ночнушку. Сорвала с веревки вещи. Трусики и бюстгальтер швырнула в сумку, остальное напялила на голое тело, впрыгнула в кроссовки. Хлопнула входная дверь, принесся мужские голоса. Захныкал ребенок. Я уже лезла в раскрытое оконце. Мамочка, доколе можно!..

В лучший день я бы здорово задумалась: а стоит ли так рисковать костями? Я же не д'Артаньян — пикировать с мансарды на головы врагов. В этот день — безо всяких компромиссов. Я бросила сумку в траву, а сама полетела «солдатиком» — в телегу с душистым сеном! Она чуть не поехала! Я провалилась на самое дно, в самое чрево душистых ароматов. Вылезла, отфыркиваясь, разбрасывая сено, спрыгнула с телеги и, схватив сумку, побежала через лужок, мимо изумленных буренок. Очередной стайерский забег! Я неслась в распахнутой куртке на голое тело, придерживая незастегнутые джинсы. Благо не было в этот ранний час на заднем дворе посторонних. Я ведь такая стеснительная...

Добрый лес прикрыл меня от вражьего мира. Пока разберутся, пока наладят погоню — четверть часа долой... Да и где им меня искать — без специальных розыскных собак? Я улепетывала с заячьей скоростью — отдохнувшая, посвежевшая, в принципе не голодная. Отдышалась разок — погоревала на пеньке, поплакала и опять побежала на запад — в глубь ненавистного острова с поэтическим имечком...

До ближайшей трассы — а это была ровная асфальтовая дорога — я добежала за полчаса. Особо пострадать этим утром я не успела, день едва стартовал! В ближайших кустах я отчистила кроссовки, навела косметический марафет — надела на себя все недостающее, вычесала из волос стебельки клевера. Губки подкрасила. Через пять минут я стояла на

дороге с каменным лицом, голосуя известным по телевизору жестом: рука в кулаке, большой палец оттопырен и совершает возвратно-поступательные движения за спину.

— Неарест таун, мистер, плиз, — припала я к окошку большого старомодного внедорожника, облепленного недельной грязью. Я еще подумала: странно, даже люди с минимальным доходом в этой стране не ездят на грязных авто. Не принято. На ржавых — ездят, а вот на грязных...

Полный мужчина с лицом функционального импотента и в крупных диоптриях улыбнулся радостной улыбкой:

— Присаживайся, девица красная, не напрягайся. Ближайший городок — это Гилзморо, верст двенадцать. Домчим.

Я застыла с перекошенным ртом, а толстяк рассмеялся, довольный разящим эффектом:

— Да не бойтесь, девушка, садитесь. Я наших прелестниц за версту узнаю. Пятнадцать лет прошло — только острее это дело чувствую. Не будете же вы доказывать, что приехали из Польши? Нет там таких — большеглазых, озорных. Вы с Урала. Или еще дальше — из Сибири?

— Ну вы прям куде-есник, — вульгарно протянула я. — А чего тогда машина немытая, раз такой умный?

Толстяк непринужденно рассмеялся, показав большой палец, и мы сразу подружились.

— Прыгайте, — добродушно махнул рукой толстяк, — машина стерпит. И не говорите, что отказываетесь ехать. Какой же русский не любит бесплатной езды?

Нет предела изломам человеческих судеб. Всех жалко. Всех хочется по головке погладить. Он представился Шуриком, хотя давно разменял свой сороковник. Он приехал из Томска в восемьдесят восьмом, по приглашению Научного королевского общества, как перспективный биолог. Надоело в женской консультации анализа под микроскопом изучать. Так получилось, что больше не вырвался Шурик в Россию. Дела, заботы. Женился на местной — в восемьдесят девятом. Похоронил местную — пять лет спустя. Детишек Бог не дал — бесплодны оба. Не на тех богов молились. А теперь и сам безнадежно болен — рак желудка в заключительной стадии, о чем говорил Шурик со смешинкой, но очень грустной. Как о факте форс-мажорном и ни от кого не зависящем. Год назад ушел с работы по состоянию здоровья, живет на пенсию. Коллеги почти не навещают. Друзьями за пятнадцать лет практически не обзавелся. Через месяц сляжет в больницу. Будут колоть, облучать «физией», «химией», убеждать, что непременно вылечат, и не таких на ноги ставили. А там и все — конец невеселой маеты под названием жизнь. Не сказать, что многого не успел в жизни, но ведь... не успел же! Разве это возраст — сорок два? Вот Высоцкий в сорок два — он успел... А тут вдруг осенило — ведь ни разу не бывал в стране скоттов. Хоть бы раз перешагнул через древний Адрианов вал. Суровая горная страна, почти под боком. Глазго, Эдинбург — родина автора «Айвенго», все такое. Красивые древние обычаи. Чистый скотч, пляски в килтах под волынку. Старинные шотландские замки. Решился с ходу, сел и поехал. Кто его остановит? Разве что полиция, усомнившись в чистоте машины. А вдруг увлечется севером, понравится? И какой тогда резон возвращаться для того, чтобы лечь в больницу?

— Прибыли, Вера. — Он остановил свое немытое авто на центральной площади небольшого городка. — Центр мироздания — город Гилзморо. Если честно, ничего особенного. Вроде Стрежевого. Десять тысяч населения, из них половина — пенсионеры. Остальные без затей — токарь, пекарь и аптекарь. Мы стоим на Парадиз-стрит: за спиной ресторан «Авлида», несколько забегаловок. На север «bus station» — оттуда курсируют

автобусы на столицу.

— Спасибо, Шурик. — Я коснулась его руки, сжимающей баранку. Шурик вздрогнул. Загрузил в глаза необъятную тоску. Не хотел — нечаянно получилось.

— А давайте махнем со мной, Вера? Клянусь, я вас пальцем не трону. Будем таскаться по ресторанам, в горы ходить. Замок старинный откупим, на денек, два. Вы никогда не бывали в старинном рыцарском замке — с плесенью и привидениями? Говорят, незабываемые ощущения...

— Простите, Шурик, — покачала я головой, — у меня самолет в десять вечера.

И что значит пальцем не трону? Я так старо выгляжу?

— Да шучу я, — улыбнулся Шурик. — Понимаю, нереально. Счастливо долететь, Вера. Лучше бы я вас не встречал.

— Нет, не лучше, Шурик. — Я привстала со своего сиденья и поцеловала его в губы — со всей щемящей воздушностью. Чтобы вспомнил, кто такие сибирячки. Подождала минутку, пока он меня обнимет и сделает то же самое. Потом простилась и покинула машину.

Фактически это был конец моим телесным мучениям. Оставались мучения моральные, но эту штуку я научилась сносить. Это не трудно, если хорошо потренироваться.

Ближайший автобус на Лондон уходил в час дня. А сейчас у нас было начало десятого. Я добрела до ближайшей гостиницы в закопченном домике из бурого кирпича. «У Берни», — извещала покоробленная вывеска. «Очевидно, они не смотрели фильм «Уикенд у Берни», — подумала я и отправилась снимать номер. Гостиница, как и весь городок, имела очень грустный вид. Грустный интерьер, грустные мимозы в вазочке, грустный служитель за стойкой, попивающий традиционный английский чаек. На нем были такие трогательные белые гольфы! Не торгуясь, я сняла номер на сутки (хотя надо было на три часа) и по грустной дребезжащей лестнице поднялась наверх. В комнате имелись душ и уют. Самое желанное. Я отмыла с себя всю мерзость последних дней — отмыла на раз, на два, долго стояла, подставляя лицо целебным струям теплой воды. Я навела порядок в своей сумке, отгладилась, почистила перышки и отправилась принимать пищу. На вопрос, где в этом симпатичном городишке можно хорошо поесть, служитель отложил газету и ответил, что неподалеку есть очень уютное кафе «Бабочка» — пять минут на север по Парадиз-стрит, там очень вкусно жарят сардины, и, пока не умерла в позапрошлом году его супруга Бетси, они очень часто туда заходили. А овдовев, он туда больше не заходит. Уж больно обстановка «Бабочки» напоминает ему старушку Бетси.

Старик не страдал излишним любопытством. И традиционной местной чопорностью он не страдал. Я любезно поблагодарила и пошла в город.

Этот городишко был проще некуда. Самые примитивные трехэтажные дома — с отсутствием архитектурных закорючек и мелких деталей. Пожухлые цветники, газоны. Мутноглазые фонари. Лишь в центре несколько особняков в старинном георгианском стиле — с высокими фундаментами. Люди в серой одежде. Женщины — в плащах, мужчины — в грубошерстных вязаных изделиях. У порога искомого заведения прямо на улице сидел пожилой морщинистый господин и, не замечая прохожих, читал газету «Таймс».

Я присела в глубине зала, искренне недоумеваю, почему обстановка «Бабочки» напоминает портье старушку Бетси. Здесь не было никакой обстановки. Стулья, столы, потолок и стены. Двое посетителей, сонно двигающие челюстями. Третий посетитель —

сладко зевающий. Подошел официант в жилетке из овчины (он же хозяин, он же шеф-повар), поинтересовался, не изволит ли чего мисс. Предложил сардины или что-нибудь мясное. Пока я разрывалась между бифштексом и ростбифом, зал потихоньку заполнялся.

— Давайте бифштекс, — выбрала я. — А еще лучше двойной. И ростбиф. А также глазунью и чай. Газету не надо.

— Мисс из Восточной Европы? — прищурившись, поинтересовался хозяин заведения.

— Что вы, мистер, мисс из Баккардии, — поспешила ответить я. Официант задумался и весь в сомнениях кивнул. Он уже слышал это слово. Пока он не удалился в свои кулуары, я спросила его, где тут можно проявить пленку и напечатать фотографии. Тайный ценитель принца Флоризеля показал на окно:

— Прямо через дорогу, мисс. Там лавка скобяных изделий, а налево дверь за стеклом — в отдельчик «Фужди».

Поблагодарив, я уверила его, что к бифштексу вернусь, и отправилась через дорогу.

— Шесть фунтов, мисс, — принимая мою пленку, сказал морщинистый старик с подслеповатыми глазами. — По всему вероятно, через час ваши фотографии будут готовы. Других клиентов нет, затишье, мисс... н-да. Я скажу Виоле, она напечатает. Вы сможете подойти?

Я уверила его, что за мной дело не станет, и отправилась принимать пищу. Я вернулась через пятьдесят минут, когда бифштекс удобно уложился на дно желудка, придавился ростбифом, смочился чаем и начал потихоньку перевариваться. Очень мудро, что я вернулась через пятьдесят минут, а не через час. Печатных дел мастера только закончили свою работу. Трясущийся старик выносил из зашторенной каморки конверт с фотографиями. Разглядев меня перед прилавком, он затрясся еще сильнее. Покрылся бледными пятнами. Притормозил и замялся у своей шторки.

— Это мое? — спросила я, показывая на конверт.

— Это ваше, — пробормотал старик. — Откуда у вас это, мисс?

— Давайте, — потребовала я, протягивая руку.

Частная собственность священна и безусловна. Она есть гарантия индивидуальной свободы. И никто не имеет права на нее покуситься. Поколебавшись, старичок сделал два робких шажка и протянул мне конверт. Отдернул руку, словно я могла ударить его током.

— Откуда у вас это, мисс? — повторил старик.

Из-за шторки показалась любопытная девчушка с розовыми щечками — то ли родственница, то ли наемная работница, чей труд старик нещадно эксплуатировал. Покосилась на меня испуганным взглядом и спряталась за шторку. Старик напряженно ждал ответа.

— С Интернета скачала, — буркнула я. Господи правый, тоскливо подумала я, тебя учить, Вера Владимировна, что мертвого лечить. Неужели ты думала, что они будут печатать это непотребство с закрытыми глазами?

Я приоткрыла конверт, вытянула наугад две фотографии. Провалиться мне в подвал замка Кронбери! Он со мной — навеки!.. На одной фотографии на фоне бурного моря и надвигающихся с востока туч лежал мертвый Бригов. Изумительное качество печати... На второй фотографии упомянутый Бригов был еще жив. Я сняла его в тот момент, когда он получил вторую пулю — в живот. Его согнуло пополам, он стоял весь в крови, держась за живот, и смотрел на меня дикими глазами, словно говоря: да что ты делаешь, идиотка, не снимай меня, я не в форме!..

Что я делала, действительно? Зачем я это делала? Откуда я такая хлобыстнулась? Меня скрутило, как баранку. Дыхание сперло. Я сунула фотографии обратно в конверт, прижала к груди и попятилась. Старик смотрел на меня со страхом.

— Спасибо, — пролепетала я и юркнула в застекленную дверь.

На улице клешня, стиснувшая мой позвоночник, разжалась. Дышать стало легче. Но круги перед глазами продолжали носиться. Натыкаясь на скучно-серых туземцев, я отправилась на юг по Парадиз-стрит. Пройдя один дом, я вошла под сень внушительного платана и обернулась. Старик стоял у порога своей лавочки и что-то сбивчиво втолковывал плотно сложенному мужчине в фуражке и с дубинкой на поясе. Мента науськивал! При этом старик показывал пальцем в мою сторону, а не слишком сообразительный «бобби» смотрел то на меня, то на старца. Наконец до него дошла определенная часть изложенного.

— Hey? Miss? Wait a minute! — крикнул он профессионально поставленным баритоном. Помахав мне пухлой ручонкой — да-да, вам, не ошиблись! — и, придерживая болтающуюся дубинку, засеменял в мою сторону.

Я не могла бы ему объяснить происхождение снимков. Происхождение покойников я тоже не смогла бы объяснить. У меня самолет в десять вечера! И трудности с английским языком. Я не Копенгаген! И пистолет в гостиничном номере!..

Я чуть насмерть не зашибла какого-то дохленького юнца, толкающего перед собой велосипед. Кто-то из них точно свалился. «Сори», — буркнула я и, прижимая к груди конверт, точно нелюбимое, но родное чадо, побежала по тротуару.

— Have a nice day, — пошутил молодой мужчина, прижимаясь к стеночке. Котелок бы еще нахлобучил...

Пожилая супружеская чета — оба в очках, оба с палочками — испуганно раздвинулась. Я пролетела между ними и свернула в узкий проулок. Появились мусорные баки, кусты. За кустами — глухой забор с внушительной дыренью. Проклиная себя за очередное головотяпство, я пролезла в дырку и оказалась в каком-то пустынном дворике, где было безлюдно и опрятно. Трогательно круглые кустики, шестиугольные окна с ажурными решетками. Я нырнула за свежескрашенный сарай, протиснулась между кирпичными завалюшками и через очередную щель в заборе вылезла в соседний переулок. В двух шагах опять виднелась Парадиз-стрит (и что в ней райского, хотела бы я знать?).

Я повернула влево и пошла, поминутно озираясь, по этому переулку, пока не вывернула на параллельную улочку, заросшую «маскировочной» акацией. Здесь я нашла тихий скверик с лавочками. Забралась на самую дальнюю и принялась скатывать в трубочку конверт с фотографиями.

Нет, полиция города на ушах не стояла. Ради хрупкой девчонки с сомнительными фотографиями? Да кто их видел, кроме подслеповатого старца да милашки подмастерицы? Где, позвольте, состав преступления? А само преступление, извиняемся, где?

Успокойся, уговаривала я себя, твои страхи не вечны, они пройдут. Вечен только Жид, да и тот неизвестно где болтается. Покури, угомонись. Инцидент-то смехотворный, меньше безумия, меньше нервов, Вера Владимировна, дорогая...

Я окутала свою лавочку голубым табачным дымом и через несколько минут успокоилась. Все в порядке, этот мир преходящ, и любой поступок в нем спрогнозирован свыше. Даже глупый.

К началу первого окольными путями я вернулась в гостиницу. Судя по всему, полиция

сюда не приходила. Скучный портье, не избалованный наплывом постояльцев, дочитывал газету. Приветливо улыбнулся.

Я поднялась по грустной лестнице на второй этаж и принялась собирать вещи.

— Я вынуждена вернуться в Лондон, мистер, — сказала я на ломаном, отдавая ключи.

Старик понятливо кивнул:

— Счастливой вам дороги, мисс.

Менее чем через час я сидела в автобусе, направляющемся в Лондон. Пожилая негритянка справа от меня быстро уснула. Спинки сидений были высокими. Воровато поозиравшись, я извлекла из сумки конверт, мысленно перекрестилась и достала первую фотографию...

Я не должна была этого делать. Но как удержаться, если в затылке зудит, а в руках чешется? Я знала, я прекрасно знала, что пожалею, что испорчу себе дальнейшую дорогу, но ничего не могла поделать со своими потаенными желаниями. Они уже не были потаенными. Они торчали из меня, как антенны из гэбэшной машины!

Я просмотрела снимки раз, просмотрела другой и при третьем, окончательном просмотре меня пробило. Как перфоленту. Я закрыла глаза и затряслась. На что рассчитывала, дурочка? Что передо мною расстелют ковровую дорожку и аплодисментами проводят в самолет? А накась выкуси не хочешь? Если и проводят, то у самолета в полете отвалится крыло, отлетит кабина, выдует все люки, а ты опять не взяла с собой парашот! Но скорее всего, тебя встретят на «bus конкрет station», возьмут под белы ручки... Или загребут в порту — черный джип, нормальные ребята. «Ах, постойте, Вера Владимировна, есть одна проблема, с которой мы до обидного припозднились. Давайте решим ее прямо сейчас, и вы полетите своим рейсом...»

Стоп, опомнилась я. Они не знают, что Бригов передо мной разоткровенничался. Начал расписывать про дела и свершения Фирмы, про какие-то заводы, заброшенные деревеньки, зоопарки по ночам со злыми животными, клыками испарывающими желудки... Ни черта они не знают. А если узнают, что в этом «криминального», такого, что выдает их с головой? Замок Кронбери? Ну сняли подставные лица. Жуткая Фирма? Ох, не смешите мои тапочки. этих жутких фирм в каждом городе — по двести штук. Лица кровожадных сотрудников? Бригов, горничная, дворецкий? Все мертвы. Имена липовые. Понавыдумывали всякой всячины. А у игроков имена тоже липовые. И фамилии их липовые — Мостовой там, Бурляк. Очередной прикол от службы безопасности. Хочется им так (между прочим, оправданно). А про имеющуюся у меня пленку они не знают. Когда я снимала, развешанные по замку камеры уже отключили (Игра кончилась). Ладно, допустим, дворецкий получил приказ ликвидировать всех, кто еще мотается по замку. Затем его тоже ликвидируют или отправят доживать куда подальше — неважно. Но пошло совсем по иной схеме. Винтер переработан в фарш, у шиншиллы проблемы с головой. Двое сбежали. Если их отлавливать поодиночке и обращать в трупы, это действие уже никак не спишешь на спятившего дворецкого. Пусть безумный, но он отрадно мертвый. А значит, появляются проблемы. Трупы надо прятать. А идеально спрятать трупы сложновато. Их, как правило, находят, и появляются ретивые следователи, начинающие чего-то копать. Могут и не копать, но где гарантия? Не проще ли оставить в живых сбежавшую великомученицу, которая ни черта не знает, напугана на всю оставшуюся и никому, никогда не проболтается?..

Это было слабое утешение. Ведь за нами гнались! Меня искали в хижине дяди Ника! А зачем искали? Уж наверное не за тем, чтобы извиниться и провозгласить мою свободу

отныне и на веки веков. Убить меня хотели, глупую. А может, не разобрались до конца, действовали без приказа? А теперь не будут, потому что крепко подумали и вынесли щадящее решение?

Мне жутко хотелось курить. Я забыла это сделать перед началом рейса, прыгнула в салон, лишь бы уйти от людских глаз, а теперь вся изнервничалась. Время тянулось, как вездеход по болоту, пейзажи за окном передвигались нехотя, с ленцой. Не торопи время, думала я. В твоём теперешнем состоянии неразумно торопить время. Наслаждайся им. Как много его осталось? А в автобусе ничего с тобой не случится...

По выходе из автобуса со мной также ничего не случилось. Конечная остановка была где-то на Риджент-стрит, в двух шагах от многолюдной Белтан-роуд.

Был конец рабочего дня. Я брела по забитому прохожими тротуару, мимо витрин, мимо шестигранных фонариков-скворечников. По проезжей части двигался нескончаемый поток: двухэтажные автобусы, легковушки, старомодные такси с шашечками, похожие на наши довоенные «эмки».

Я не привлекала внимания. Ни пристального, ни праздного. Включенный в список Всемирного наследия город полностью меня игнорировал. В нём таких, как я, — до нескольких миллионов на дню. Я разглядела в изобилии витрин за помпезной «Отличные стаффордширские сервизы!» стыдливую вывеску «Секонд-хенд». Стараясь никого не сбить, я начала смещаться к краю тротуара.

Внутри ничего стыдливого не было. Воздух надёжно дезодорирован. В глубину вытянутого зала уходили стеллажи с одеждой. Кое-что висело на плечиках. Прилично одетые люди копались во всем этом благолепии. Никому не приходило в голову краснеть от стыда. Я тоже посчитала, что не встречу в этом зале знакомых, и с головой погрузилась в ворохи отстиранной, обеззараженной одежды.

Через четверть часа я ничем не отличалась от среднестатистической, задавленной бытом и смогом британки. Серая юбка, серые полусапожки с когда-то наличествующими, а ныне отсутствующими пряжками. Серая блузка. На тон потемнее жакет, похожий на суконный.

Равнодушный «приказчик» с серьгой в ухе возложил все это добро на весы, поиграл калькулятором.

— Шестнадцать фунтов.

— А можно, я здесь надену? — односложно спросила я.

Служитель задумчиво почесал серьгу.

— Пожалуйста. Кабинка в конце зала.

— А свое оставлю, ладно? Денег не надо. Благотворительность, понимаете?

Он еще более задумчиво обзрел меня с ног до головы (именно так, а не наоборот). Как таковые, женщины его не интересовали. Но одежда на мне, с некоторыми замечаниями, была неплохой.

Подумав, он решил не звонить в полицию. Лень-матушка.

— Оставляйте, — снисходительно разрешил парень. — Разберемся.

Я опять брела по забитым двуногими и четвероногими улицам. Никому не нужная, в пропахшей химикатами хламиде. Следующую остановку я сделала в hairdressers — парикмахерской по-нашему — со скромным названием «Lollitt».

— Покороче, — попросила я знаками неразговорчивую мастерицу. — И перекрасьте, пожалуйста. Во что-нибудь пепельное и нестойкое.

Мастерица замороженно повела плечами — дело ваше, уродуйтесь, мэм.

Я сознательно не смотрела в зеркало. Пустое. Я смотрела на свои колени и давилась слезами. Меня вели к крану, мыли голову, перекрашивали — и все это в чинном английском молчании. Молча приняли наличные, отсчитали сдачу... и вновь я брела по гудящим, разноголосым улицам, подчиняясь закону левостороннего движения...

Я никогда не появлюсь отныне в Лондоне. Даже под страхом немедленного расстрела. Почему не осмотреть напоследок их хваленые достопримечательности? Все эти Биг-Бены, Тауэры, Вестминстеры с Букингемами, Парламенты, Трафаль-гары? Тони Блэра, наконец, на Даунинг-стрит? Не посетить «Ройял Корт», «Ковент-Гарден», не насладиться бессмертной классической постановкой в Королевском шекспировском театре? У меня в запасе четыре часа.

Я подошла к краю стертого тротуара и небрежно махнула рукой. Неуклюжий кеб с пашечками, подрезав возмущенно загудевшего «ягуара», подался ко мне. Я забралась в машину с таким непрошибаемым видом, словно делаю это изо дня в день, из года в год.

— Темза, сэр...

Гудели пароходы, салютуя древней нации и каждому бритту в отдельности. Гудели мелкие катера, крупнотоннажные баржи и легкие барки, окутанные паром. Кричали докеры в порту, сновали бездомные, хулиганы. Поджав хвосты, тусовались собаки. Облезлые коты забивали «стрелки» и горланисто орали, мутузя и валтузя друг дружку. Мощная Темза катила грязные воды к эстуарию...

Я сидела на бетонном парапете, наблюдая за портовой жизнью. Отсюда не просматривались ни Тауэр с Большим Беном, ни Парламент. Только грязные доки, контейнеры, складированные рядами, гигантские портовые краны на том берегу. Я сидела час, сидела другой, почти не двигаясь и ни о чем не думая. Одна и та же дума, повторенная трижды, превращает думающую в зануду. Я вынула из сумки пистолет и аккуратно опустила в воду. Посмотрела на свое отражение — ничего любопытного. Дурнушка в масляных разводах. И не такие выживали. Судя по тому, что ко мне не приставали, я выглядела на все сто. С огромных угольных гор грузили уголь на тарахтящие катера. Развозили во все стороны. Грохотали порталные краны, перемещая ржавые контейнеры. Чадающий буксир протащил баржу с лесом. Прихромал шелудивый пес, дважды обошел вокруг меня, обшохал, улегся рядом. Я пыталась с ним пообщаться, но по-русски пес не понимал. Виновато поглядел, поднялся, вытряс на меня своих блох и побрел дальше. Других собеседников не наблюдалось. Пролетали час за часом, а прибрежная жизнь не затихала. Она кипела круглосуточно. Я бы тоже сидела и наблюдала за ней сутками. Но я не могла этого себе позволить. В 10.20 улетал мой самолет. Я не зря пришла на этот огрызок портовой набережной. Если киллер планирует меня убить, он это сделает непременно, где бы я ни находилась. А мне ни к чему лишние иллюзии. Пусть меня убьют здесь, я не буду сопротивляться. Я даже не почувствую пулю в затылке. Я просто свалюсь в воду и поплыву... в Северное море. Меньше проблем — и мне, и им. Зачем дополнительно бегать, сопротивляться, если финал предрешен? Я сильно устала...

Серые сумерки плавали по воде. К половине девятого небо стремительно потемнело. Убийцы предпочли не являться. Ну что ж, я подожду их в аэропорту. Зачем ловить беглянку в хитросплетениях грязного Лондона? Она придет в аэропорт, ее рейс известен...

Я поднялась, отряхнула юбку и побрела в город — ловить такси. Через сорок минут

абсолютно серая женщина со спортивной сумкой в руке вошла в зал регистрации аэропорта Хитроу. Терминалы на восточные направления находились с правой стороны. Она направилась к нужной стойке, где встала в конец недлинной очереди и приготовила документы. Очередь неспешно продвигалась. Работница кассовой службы с улыбкой зарегистрировала билет. Сотрудник таможни проштамповал паспорт. Поднял голову. Тщательно выбритое лощеное лицо осветилось приветливой улыбкой.

— Ах, это вы, — сказал таможенник. — Ну и как, описали яркое событие местного масштаба? Неплохой, кстати, костюмчик. Где покупали? Не на Пикадилли у Клэнси Фишер?

Женщина была неприятно поражена. Она полностью сменила внешность. Почему этот парень ее узнал?

— Спасибо, — пробормотала она, стараясь не напрягаться. — Это было незабываемое событие. Столько приятных людей, и все в одном доме — я просто счастлива...

— А места посетили? Трафальгар? Биг-Бен? Вестминстер?

— Бесподобно, — вздохнула женщина. — Это было что-то. Я обязательно приеду к вам опять. Я каждую осень буду приезжать, вы не против? Здесь такие дивные места.

— Очень рад, что вам понравилось в нашей стране. Обязательно приезжайте. Всего вам доброго. — Таможенник небрежно козырнул, искоса глянул на багаж путешественницы и решил не портить впечатление. Женщина, чуть помедлив, прошла в узкий коридор. Через десять минут она сидела в самолете. Чуть прикрыв глаза, она наблюдала, как незнакомые люди наполняют салон. Рядом с ней уселась габаритная женщина с миниатюрным ноутбуком.

— Вы в Москву? — требовательно спросила толстуха по-русски.

Она открыла глаза, собралась пробормотать, что постарается спрыгнуть перед польской границей, но передумала, сказала «Да» и закрыла глаза.

Через десять минут взревели турбины. Загудел, завибрировал салон.

— А вы знаете, я очень боюсь птиц! — прокричала на ухо габаритная женщина. — Представляете, одной залетевшей в двигатель птицы достаточно, чтобы мы камнем рухнули вниз! Вам не страшно? Лично я просто зеленею...

— Птиц бояться — из Англии не лететь, — философски заметила молодая женщина.

Через минуту турбины приглушили рев. Самолет медленно поволокся на взлетную полосу.

— ...Я ему удивляюсь, — шумела женщина. — Представляете, мне назавтра лететь, а мой муж, как нарочно, притаранил видеокассеты. «Самолет президента» и «Билет на катастрофу». Полная жуть. Полночи лежал и с удовольствием таращился, негодяй, а я тряслась — представляете?..

В 10.20 самолет взлетел. Внизу остались огни. Вскоре они пропали — самолет вошел в плотную облачность. Он прорезал ее, словно нож растаявшее масло, и огни оказались сверху — очень густо и красиво. А когда в салоне притушили свет, они вспыхнули в полный накал — замигали, заплелись в картинку и узоры, соединяя созвездия и туманности в одну всевластную и всевидящую звездную страну...

«Кто тебя выдумал, звездная страна? — недоуменно подумала женщина. — Мы любуемся на твои бескрайние просторы и не можем до тебя дотянуться. А дотягиваемся только после смерти»...

Глава четырнадцатая

Я не представляю, как дальше будет жить эта женщина. На роду ей написан очень долгий срок. Практически столетие. Как верно подметила одна из героинь, не везет ей в смерти. А в чем ей повезет? Я, Лидия Сергеевна Косичкина, заявляю со всей ответственностью, как опытный психолог и большой знаток человеческих душ, — не знаю. Нелегко забыть тяжелые страницы жизни, но в принципе это возможно. По крайней мере, прибрать воспоминания к рукам. Но в том-то и суть ее дальнейших страданий — ей не дадут забыть. Услуга за услугу, дорогая наша женщина, вас оставили в живых, пожалели, не пора ли вернуть должок? Есть достойное занятие для ваших рук и вашей головы. Поработаете, не маленькая...

В четверг, 20 сентября, эта женщина добралась до дома. Забрала у соседки снизу кота, который ее не признал. Пришлось покормить. В морозилке как раз оставалась мойва. Тогда он потерял о ее ноги и вроде прозрел.

— Сволочь ты неблагодарная, Акакий, — вздохнула Вера. — Я тебя холила, лелеяла, вином поила, а ты как был альфонсом, так и остался, драмодел недоделанный.

Она сняла с себя все — до последнего полусапожка, запихнула в большой картофельный мешок — на выброс. Отмыла дурацкую краску с волос. Осталось пятнышко, которое никак не хотело выводиться. Изучив этот феномен, она констатировала, что обзавелась сединой. Самый срок — в двадцать семь «мальчишеских лет». Но она отнеслась к приобретению философски. Стоически. Словом, вытерпела. Перед сном проглотила снотворное, чтобы не мучиться кошмарами, а наутро побежала к знакомой продавщице в товары для дам — за приемлемой краской для волос.

На работу она не звонила — из соображений принципиальных. Понадобится — сами позвонят. Через день позвонил коллега.

— Привет из студенной Сибири жителям туманных берегов, — как-то вычурно начал он. А закончил понятнее: — Как житуха в Англии, Верунчик?

— Неплохо, Лешик, — ответила она. — Живут и работают. Как завещал великий Черчилль.

— Счастливая, — вздохнул коллега, — а мы уже два года никуда ездить не отдыхали. Протираем задницы на земле наших предков.

— А что нового на земле наших предков? — спросила Вера.

— Все лезут с идиотскими инициативами, — радостно сообщил коллега, — Плавский рассорился с мэрией, теперь дружит с представителем президента. Ну, ты знаешь, нашему шефу всегда недокладывают мяса. Теперь мы обязаны обливать грязью мэрию, а к господину Драгунскому испытывать трепетный пиетет, что мы и проделываем. Представляешь, Верок, меня пригласили гостем на Ти-ви, в «Дискуссионный клуб», как автора нашумевшей статьи об убийстве депутата Пилатова, в которой я убедительно доказываю, что никто так не ошибается, как очевидец. Вернее, статья нашумит завтра, а передача будет послезавтра, но каково, а?

— Круто ты попал на Ти-ви, — позавидовала Вера.

— Могу и тебя обрадовать, кнопа, — как бы вспомнил коллега. — Твоя объективка изучена небожителями и неплохо оценена. Так что кончай лоботрясничать, готовься к тяжелым героическим будням.

— А как же гражданин Чистяков? — удивилась Вера. — Раннимое создание, убившее всего-то двух человек и за такой пустяк целые сутки просидевшее в изоляторе? Я, помнится, незаслуженно обозвала его нехорошим словом... Или меня досрочно реабилитировали?

— А ты не знаешь? — изумился коллега. — Ах, ну да, откуда же тебе знать... С подачи непосредственно Драгунского гражданин Чистяков повторно взят под стражу совместно с двумя корешами. Банде предъявлено обвинение в умышленном убийстве с отягчающими обстоятельствами, и, похоже, ни о каком снисхождении отныне речь не идет. Обвиняет лично городской прокурор. Защита рассматривает свои шансы как слабоватые. Годков на пятнадцать, думаю, загудят.

За коллегой позвонило непосредственное начальство.

— Жуть творится, Вера Владимировна, — пожаловалось начальство. — Вскрылись страшные факты. Весь этот наш пантеон, все эти поганцы, я имею в виду, конечно, мэрию, окончательно заворовались. Космические суммы, какое нахальство! Областная прокуратура провела проверку в административно-хозяйственном отделе городской управы — и такое там нашла! Хоть за ушко да на солнышко!..

— Вы находите это странным? — удивилась Вера. — А по-моему, ничуть. Власть теряет все свое очарование, если ею не злоупотреблять.

— Отличная фраза, — похвалило руководство. — Не подарите?

— Забирайте, — разрешила Вера. — Только пользуйтесь осторожно. Придумано одним из великих, он может обидеться.

— М-да? — расстроилось начальство. — Ну да ладно. Великие переживут. Мы ждем с нетерпением вашего возвращения, Вера Владимировна, и тешим себя надеждой, что некоторые обиды... гм, причиненные вашему самолюбию, не помешают вашей плодотворной работе на благо нашей... гм, газеты... А между прочим, вы не сказали, какова криминальная обстановка в Англии?

— На уровне, — сказала Вера. — Обстановка такова, что позавидуешь. И трупы не успевают увозить...

Ровно в полночь зазвонил телефон. Она как чувствовала — сидела в ночнушке на разобранном диване. Горел торшер. Она со страхом смотрела на аппарат — как на врага собственной безопасности номер один. Свои в это время не звонят. Чужие ошибаются редко. А если ошибаются, то не ровно в полночь.

Голос был немного механический:

— Добрый вечер, Вера Владимировна. Или доброй ночи, если вам угодно.

Человек замолчал, как бы ожидая встречного приветствия.

— Нам угодно не отвечать на звонки в двенадцать ночи, — сглатывая ком в горле, проговорила Вера.

— В вас клокочет взрывной темперамент, — миролюбиво произнес незнакомец. — Не нужно бросаться на нож, Вера Владимировна, вы все равно не спите. Или вы приучены спать со включенным торшером?

Она ощутила пакостную вибрацию на висках. Машинально обернулась, как бы проверяя, не укрылся ли кто за стареньким китайским фонариком на шаткой ноге. Человек наблюдал за ее окном. Он делал это из соседнего дома в глубине двора. Или стоял напротив ее квартиры, наблюдая, как по потолку стелется розовый свет, притушенный абажуром. Поступок был спонтанен и недостойн настоящей женщины — она дотянулась до висящего на проводе выключателя и погрузила комнату в темноту. Стало еще страшнее.

— Вот и славненько, Вера Владимировна. Темнота друг молодежи. Судя по вашей реакции, вы сохранили неплохое здоровье. Берегите его. Хотя, впрочем... — Собеседник многозначительно помолчал. — Даже не знаю, как долго вы сможете продержаться на одном лишь здоровье с вашим-то умением наживать неприятности.

Полнейшая темнота, окружившая Веру, отнимала последнюю надежду. Ей казалось, что мрак перед глазами начинает колебаться, выдавливает выпуклое черное тело, которое уже рядом и сейчас схватит ее за горло.

— Послушайте, — торопливо заговорила она, — вы неглупые люди, зачем вам эти дешевые трюки? Звонки в полночь, туманные заезды, голос такой... Вы долго репетировали? У меня имеются фотографии, на которых запечатлены все участники вашего балагана со смертью... А также полный отчет произошедшего с подробным перечислением имен, фамилий и характерных примет. Я каждый день обязана звонить по определенному телефону. Если я по какой-либо причине не позвоню, материалы уйдут в следственные органы. Копии отправятся в прокуратуру и ФСБ. Включится человек за границей, имеющий связи с Интерполом.

Подлый страх охватил ее. Пятно из темноты надвигалось, перекрывая поступающий из окна кислород; одна рука уже хватала ее за горло, другая вот-вот начнет пластать ножом... Она щелкнула по выключателю и забилась с ногами в угол дивана. Тщедушный жалкий комочек. По пустой комнате заскользил рассеянный свет.

Незнакомец размеренно рассмеялся:

— Нервы, Вера Владимировна, нервы. Не спешите в «особливый дом». Его еще называют домом для богоугодных. Не надо. Мы всегда туда успеем. Звоните по вашему телефону, ради всего святого, кто вам не дает? Если не шутите. Ваша история очень любопытна для сценаристов и начинающих писателей. В остальном, вы сами понимаете, полное фиаско. Мне даже неудобно за вас.

— Тогда почему я еще жива? — слабеющим голосом спросила Вера.

— Как раз по причине вышеназванного. Вас незачем убивать. Если будете помалкивать. По крайней мере, какое-то время. Болтовня о ваших похождениях, повторюсь, нам не повредит. Но не хотелось бы, чтобы вы кричали об этом на каждом углу и в каждом средстве массовой дезинформации. Нервирует, знаете ли. Комар безобиден, но, когда он жужжит над ухом без остановки, от этого в итоге устаешь.

«Интересная фраза, — задумалась Вера. — «Вас незачем убивать, если будете помалкивать. По крайней мере, какое-то время». Если буду помалкивать какое-то время? Или незачем убивать какое-то время?»

— А не проще ли меня убить? — спросила она. — Или настолько мощной организации предпочтительнее тратить силы и средства на отслеживание поведения какой-то дурочки, чем заставить ее бесследно исчезнуть?

— Замечательный вопрос. Скажем больше — это краеугольный камень нашей увлекательной темы. Вас хотели ликвидировать, не скрою. Больше не хотят. Но сначала давайте определимся с терминологией. Дурочка — это пустая никудышная бабенка, у которой нет мозгов. Вы сюда не подходите. Балаган — это цирк на колесиках. Наши же мероприятия достаточно серьезные и тоже не совсем подпадают...

— Цирк на колесиках — это шапито, — дерзко бросила Вера, — а балаган, как правило, стационарное зрелище. Шутовского характера. Даже с заявленными убийствами. Послушайте, не тяните резину. Что вы от меня хотите? Я не буду болтать о ваших игрищах,

неужели не ясно?

— Как вы относитесь к предложению сменить ампула?

У нее перехватило дыхание.

— Что вы хотите сказать?

— Для начала пять тысяч долларов.

— Позвольте. — Вера горько усмехнулась. — Ваши призы получают по четверти миллиона. Почему такая дискриминация?

— Вам не предлагается умирать. Работа по силам, никакого риска. Интересные люди, смена мест. Тот же профессионализм.

Она уже поняла. Распахнутая сеть над головой задрожала и приготовилась упасть.

— Вы настолько наивны, что полагаете, будто бы я...

— Я не полагаю, Вера Владимировна, я знаю, — мягко прозвучал голос. — И чем скорее вы прочувствуете неизбежность событий, тем полезнее для вашей нервной системы. Вас смущают врожденные моральные установки? Не волнуйтесь, коллега, мы их переустановим. С учетом новых реалий. Некая Вера Владимировна Полякова, но не вы четыре года назад решала схожие мучительные вопросы. Она успешно преодолела предрассудки. Даже чересчур успешно, посчитав, что вправе откусить кормящую руку. С вами такого не произойдет. Вы же хорошая девочка?

Она не могла говорить. Весь поток возмущенных и умоляющих тирад замерз в горле и перекрыл воздушные протоки.

— Вас никто не тербит, Вера Владимировна. Думайте. Решайте. Брать с наскака — не наш стиль. Мы относимся уважительно к будущим коллегам. Доброй вам ночи.

В эту ночь она выпила двойную дозу снотворного и впервые подумала: а не сбегать ли на последний этаж к Кольке Шнырю за «чекушкой» кокаина? Очередь к нему не длинная... Или лучше вниз и затовариться в ларьке нормальной чекушкой — с мерзавкой сорокаградусной? Их тамошние воротилы под прилавком держат — для тех, кто одинок и не догнался...

Не пошла она ни за какими заманчивыми чекушками. И уснуть не смогла, как ни тужилась. Она скользила в другой, чужой мир, где не было света. Ее измученный организм вырабатывал гормон усталости мелатонин, не позволяющий сопротивляться ночному страху. Она боялась темноты и одиночества, боялась подкрадывающихся хищников и своих незавидных перспектив. Боялась самой себя, неспособной справиться со стрессом. В предрассветной дымке начался час волка. Час самоубийц. В это время, когда ночь наиболее тиха и застывшая, отчаяние давит с силой пятитонного домкрата. Тот, кто решает избавиться от груза земных проблем, делает это сейчас. От трех до пяти одиночество невыносимо. Особенно если ты не можешь встать с кровати, опасаясь маленьких черненьких человечков, сгрудившихся вокруг твоего смиренного ложа...

Эта ночь сломала в ней последний стерженек. Она позвонила на работу, сказалась больной (никто не заартачился; ей не пришлось модулировать умирающий голос). Она перестала есть, разговаривать, думать. Она бродила по городу. В дождь, слякоть, при порывистом ветре. Иной раз на нее снисходило оцепенение, и, прежде чем раскрыть зонтик, она промокала до нитки. Но простуда не признавала ее за объект. Щадила. Ее объезжали машины. Не кусали собаки. Игнорировали милиционеры. Однажды, правда, маньяки решили напасть.

Она бродила в поздний вечер по набережной, целиком погруженная в себя, хотя на вид

немного и не в себе. Подлецов это подкупило. Их было трое или семеро. Они вылезли из кустов на аллею и пригласили даму уединиться. Для создания непринужденной атмосферы. С последующим обретением тепла и дружеского участия.

— А пошли вы... — Равнодушно и подробно Вера объяснила, куда им всем следует пойти.

— Чего-о-о? — Самый длинный и озабоченный навис над ней, как утес.

Вера повторила адрес. Самый длинный пошло выругался, облапал ее за все интимные места и потащил в кусты. Остальные, балагуря и шутя, побежали за ними. «Они не покорят меня изяществом манер, — успела подумать Вера. — Не пора ли мне расслабиться, а то я какая-то зажатая».

Но тут начался пир справедливости. Придурки не обратили внимания на стоящего у парапета молодого человека. Его прикрывала гранитная тумба со здоровенным шаром. Он наслаждался вечерней свежестью. Услышав шум, молодой человек оторвался от парапета. Постоял, наострив уши, и отправился к месту событий. Молча подошел, молча раздвинул ветки... Он и далее не проронил ни звука. Ягуары не рычат. Один маньяк уже собрался возлечь на Веру, даже не интересуясь, какую позу она предпочитает... Он безжалостной пяткой сломал маньяку коленный сустав. «Очередника» швырнул мордой в кустарник. А с теми двумя, что по глупости его атаквали, он разобрался особенно цинично. Одному размозжил локтем скулу, у другого выбил нож и отвесил столь массивированный «йоко-гери», что насильник впечатался хребтом в тополинный ствол и размяк, как бескостный студень. Трудно представить, во что превратился его позвоночник.

Остальные поспешили разбежаться.

Окольцованная кустами поляна издавала хрипы и стенания. Не самое удобное место для романтических бесед. Спаситель поднял Веру на руки и отнес подальше от юдоли скорби. Там поставил вертикально и тихо поинтересовался:

— Вы не ушиблись?

— А вы всемогущий и вездесущий? — в свою очередь спросила Вера.

— Я также всеведущий, — серьезно вымолвил Брюс Ли. — Я чувствую, что вам плохо. Позвольте проводить?

Он поймал зеленоглазое такси и отвез ее домой. Они простояли под дверью квартиры, болтая ни о чем. Он представился Игорем. У него были глаза-черносливы. Он не стал настаивать на проникновении в квартиру. Оставил номер «контактного» телефона и пожелал спокойных снов.

Она позвонила ему на следующий день. Он примчался и устался на нее, как кот на аквариум. Весь остаток вечера и всю ночь они упивались любовью. Она не спрашивала, кто он такой и чем занимается. Раз оставил свой «контактный» телефон, значит, все нормально. Она с трудом пережила резиновый день, а вечером опять пришел Он. И все повторилось. Она упивалась близостью с молодым красивым парнем и чувствовала, что возвращается...

Он пришел на следующий день. И на следующий, когда она в полной мере ощутила всемерную наркотическую зависимость от этого человека. И на пятый день. А на шестой, в утомительное обеденное время, позвонил телефон.

— Как успехи, Вера Владимировна? — осведомился голос из далеких ночных кошмаров. — Как идет приобщение к здоровой жизни?

У нее упало сердце.

— Что вы хотите?

— Я хочу узнать, как скоро вы вольетесь в нашу дружную семью. Видите ли, в чем дело... — Голос незнакомца приобрел вкрадчивость и кажущуюся легковесность. — Через пару месяцев в одном из заброшенных замков на территории Трансильвании — не удивляйтесь, там остались и такие, вотчины, так сказать, мелких владык — состоится маленький, назовем его, сейшн. Вы станете недоумевать, почему опять замок? Экое занудство, скажете вы. И будете неправы. Предыдущая Игра, невзирая на скомканное окончание, привела зрителей в восторг. Они требуют продолжения. Будут учтены некоторые замечания. Например, увеличится число участников, планируется более точное и подробное освещение событий... Вот, собственно, в последней связи к вам и обращаемся, поскольку некоторый опыт вами уже наработан...

— Нет! — взвизгнула я. — Ни за что! — и швырнула трубку на рычаг. Но она не долетела до рычага. По причине невероятного физического явления она застыла от него в нескольких сантиметрах, после чего задрожала и вернулась к уху.

— Вы отлично справитесь с предстоящей работой, — как ни в чем не бывало бурчал незнакомец. — Но это не означает, что уже сегодня вы должны срываться с места. Просто будьте в курсе. Через месяц вам передадут подробные инструкции и заберут на оформление документы... Ну как, Вера Владимировна, не чувствуете перерождения?

Она опять собралась в ярости бросить трубку, но опять потерпела неудачу. Эту трубку заколдовали враги.

— На этом мероприятия в стиле «готика» мы будем считать законченными. На февраль планируются кардинально новые увеселения. Теплоход под либерийским флагом, дрейфующий в водах Атлантики вблизи Канарских островов. В этом есть какой-то бананово-райский шарм, не находите?.. Ну, не буду вам больше докучать, коллега, занимайтесь своими делами.

К вечеру позвонил Игорь, пригласил ее в ресторан «Старая площадь». Очень правильный ресторан — там тепло и интимно. Она примчалась туда едва накрашенная, позабыв сделать завивку и прочие никому не интересные, но такие важные для женщин штучки. В глубине зала, за цветущими глаукарями и гипиаструмами, Игорь заключил ее в объятия, усадил за столик. Она заплакала. Он спросил, в чем дело. Она объяснила. Перемежала слова рыданиями. Он, казалось, не очень внимательно ее слушал. Зато смотрел сочувственно и монотонно гладил по коленке.

— Все пройдет, дорогая, — нравоучительно заметил он.

— Я знаю, — машинально всхлипнула Вера. — Все будет хорошо, все мы поженимся. Подожди... — Она оцепенела, словно водой облили. — Ты о чем говоришь, Игорек?

— Все пройдет, Вера, — обвинил ее за плечи молодой человек. — Ты привыкнешь к новой жизненной ситуации. Я не знаю, понравится ли она тебе, но в конечном счете это только работа, она и не обязана нравиться...

— Ах так... — Она попыталась вырваться. Но он облапал ее, точно кружку.

— Не шути с огнем, деточка, куда это ты спешишь?.. Да, я не рассказал о себе, но разве в этом суть проблемы? Ты становишься другой, мы работаем вместе, у нас могло бы получиться долго и счастливо, неужели ты об этом не мечта...

Она врезала ему локтем под дых. Он проглотил остаток фразы и вылупил свои черносливы. Вера вылетела из-за стола, опрокинув стул. Он не применил ответных действий, хотя вполне мог зарыть ее по горло в пол. Он сидел не шевелясь, корежился от боли, но смотрел на Веру с непроходящим участием.

— Я не знаю, как насчет долго и счастливо, — с достоинством осветила свое видение ситуации Вера, — но, если ты еще когда-нибудь подойдешь ко мне, мы умрем в один день.

Следующим утром она позвонила на работу, сказав, что увольняется. Повесив трубку, она тут же сняла и набрала номер самого порядочного в городе агентства по недвижимости. Вызвала агента на дом. Усадив за стол, напоила чаем и обрисовала свои желания. Она горячо хочет продать квартиру. Дом эпохи позднего сталинизма, борьба с излишествами еще впереди, поэтому квартира — сами видите какая. И цену ее Вера отчетливо представляет. Но дело горячее, поэтому фирма получает столько-то, Вера — любое жилье в пригороде подальше, желательно внаем, ненадолго, а оставшуюся сумму (в итоге немалую) — положить на такой-то счет. Плюс два рубля за чашечку чая. Или четыре, если еще хотите. Да, чуть не забыла — полнейшее инкогнито. В смысле, анонимность.

Обалдевшая фирма заплатила ей вперед. За что и получила в подарок старую мебель. С новым телевизором. Через день она уехала. Она не питала иллюзий, что сумеет скрыться. На этом крохотном шарике невозможно от кого-то убежать. Но очень ей хотелось выглядеть сумасшедшей. А зачем расчетливым, трезвомыслящим людям сумасшедшие сотрудники? Не прошло и недели, как она действительно тронулась умом. А как прикажете понимать ее поступок? Ее не волновало текущее окружение — крохотная каморка в частном домике, хозяйка-нелюдимка, мебель позапрошлого века, удобства в скворечнике. Но в один прекрасный день она запила — «от осознания, так сказать, и просветления». Вчерную, тихо сама с собою. Даже хозяйку не пригласила. Набралась, как алкашка подзаборная. Наутро усовестилась и покатила через весь огромный мегаполис к отставной подружке Клаве, где наклюкалась вообще до бесчувствия и совершенно не помнила, чего ей несла.

А потом пришли две дамы. Кузькина мать и Сидорова коза, как она их мысленно окрестила. Оказалось, что несла она в тот вечер будь здоров. Одна дама была очень экстравагантной. Другая попроще. Да и посимпатичней. Вторая представилась писательницей, первая — ее охранницей (дескать, поклонники замордовали). Почему она взяла им и все рассказала? Ужас просто. За язык не тянули. У этой дамы (которая писательница) в глазах было что-то такое, отчего сильно хотелось причислить ее к порядочным людям. Ведь остались в этом мире порядочные люди, не всех извели? Выслушав историю, она не умчалась, окрыленная от счастья, чтобы с разгона запрыгнуть за свой компьютер, а попыталась успокоить, наговорить много разной чепухи. А уходя, оставила телефончик, причем звонить разрешила в любое время суток и года.

Наутро Вера заподозрила наблюдение. Очень уж она неуютно себя чувствовала с половиком за калиткой. Удивления не последовало — давно пора. Будь что будет, решила Вера. Трем смертям не бывать. Простоим и забудем... После завтрака она отправилась в гастроном — прикупить продуктов. Городишко невелик, гастрономов — с гулькин нос, и в каждом — ровно по одной продавщице. Она встала в конец длинной очереди, состоящей из пенсионеров. За пятнадцать минут продвинулась на треть. Кто-то остановился рядом с ней.

— Разрешите? — Вера посторонилась, а женщина вклинилась между ней и впередстоящей, наклонилась к витрине. Под стеклом лежали три сорта колбасы. Она видела только спину кожаного плаща да черную шляпку поверх однотонной косынки. — За тобой следят, — услышала Вера тихий голос. — Пятый сзади. Худой. С кошелкой. Стряхни с хвоста и беги в Первомайский сквер. Спасибо большое, девушка, — вежливо поблагодарила незнакомка, расправила спину и зацокала к выходу.

Пятый сзади был ничем не выделяемый дядька в застиранной рубаше. Скользом глянув

на Веру, он отслюнявил от тонкой пачки несколько жалобных десятков, зажал их в кулаке, а остальное утрамбовал глубоко в карман. Она терпеливо дошла до прилавка, купила хлеб, сыр, не очень дорогую колбасу и подалась на выход. Краем глаза заметила, как дядька отделился от очереди. К остановке подползал 13-й троллейбус. Время раннее, людей в салоне не больше дюжины. Вера прыгнула на заднюю площадку, прошла по салону и вышла в переднюю дверь. Дядька не успел повторить столь странный маневр. Двери закрылись, когда он не одолел и половины салона. Вера видела, как он побежал к водителю, требуя остановиться. Она завернула за угол и помчалась вдоль обшарпанной пятиэтажки. Минут через десять троллейбус маршрута номер семь высадил ее у «проходной» Первомайского сквера.

Слишком громкое название — сквер. Но па этом пяточке земли имелся фонтан без воды, парочка античных дискоболов в компании дамы с веслом и аллейки, снабженные лавочками. Женщина, призвавшая Веру на randevу, сидела в глубине парка, распрямив спину. Благодаря черным очкам в пол-лица, она походила на слепую. Если выражаться языком поэзии, она олицетворяла своим видом таинственность обсидиана и коварную непредсказуемость благородного опала.

— Сюрприз, — ухмыльнулась Вера, присаживаясь рядом. — Не скажу, что радостный, но плакать расхотелось. Как ты меня нашла?

— Я не только тебя нашла. — Женщина в очках повернула голову. — Я нашла всех, кого хотела. Вот только меня никто не нашел.

— Подозреваю, тебя не искали, — пожала Вера плечами. — Очень трудно найти черную кошку в черной комнате, если она никому там не нужна.

— Меня искали, — возразила женщина, — и тебя искали. Не поверишь, но я обзавелась умной разведкой. Перестали это делать значительно позже. Не знаю, почему они оставили в покое тебя, но лично я заключила сделку с Дьяволом.

— Ты предложила им более выгодную вещь, чем сама.

— Я нашла им Веру Владимировну Полякову.

— Но не меня, — уточнила Вера.

— Не тебя. Твои следы не найдет только ленивый. Я же говорила тебе: в жизни непременно нужно иметь смысл. И все у тебя получится. И стимул — как весомую побудительную причину разрыть носом землю.

— Ты нашла свою дочь?

Женщина в очках шевельнулась.

— Спасибо за вопрос. Дочурка с мамой в безопасном месте. Я не была уверена, что, заплатив пятьдесят тысяч долларов, увижу дочь живой. Я пошла иначе. Я заплатила-таки пятьдесят тысяч долларов, но ребятам, не имеющим ничего общего с агентством «Светлый дом». У них отлично налажена сыскная работа. Мою дочь держали в пансионате в сосновом бору. Под охраной четверых «воспитателей». Их вычислили за три дня. Помимо моей дочери в пансионате обнаружили закованного в кандалы безухого бизнесмена, племянницу местного олигарха и двоих детишек младшего школьного возраста — их одинокие мамашки владели благоустроенной жилплощадью в центральной части города и, видимо, сильно упрямылись.

— Ты не привлекла милицию?

— Ты поняла, что сказала? Обратиться в милицию — запороть всю песню. Добровольно позвать — девять граммов в сердце, понимаешь? Наша милиция — это такой

заповедник гоблинов, что не снился ни Москве, ни другим крупным городам. Охрану просто вырезали в предрассветной мгле. Заложников развезли по хатам. Ликвидировали руководство «Светлого дома», парочку одиозных личностей из банка «Карфаген» и спокойно растворились в воздухе.

— За пятьдесят тысяч долларов? Не смеши меня.

— Бизнесмен с отрезанным ухом выписал чек. Олигарх не поскупился. Нормальная сумма, чем ты недовольна?

— Ты не женщина, ты Раптор, — уважительно пробормотала Вера. — Вокруг тебя люди не задерживаются, мрут. Бедная Вера Владимировна Полякова...

— Она еще не умерла, — возразила собеседница, — но очень скоро это сделает. Подозреваю, бригада «уборщиков» уже на подходе... Я нашла ее лично, вот этой головой, — женщина самодовольно постучала пальцем по шляпке. — Я очертила круг ее знакомых в Москве и отправилась работать методом тыка.

— Ты надеялась найти ее в Москве? — изумилась Вера.

— А где еще? — удивилась Жанна. — Где может спрятаться человек, которого ищут по всей Москве? Разумеется, в Москве. Логика, блин. Ее партнер по Игре — тот самый, что поставил на меня с Эльзой, — поступил благоразумно: кинул Вере Владимировне меток с миллионом отступного и разорвал все ведущие к нему нити. Но я нашла одного человечка, согласившегося поработать в долг. Он трудился долгое время в службе безопасности газетного консорциума, представляемого Поляковой, и кое-что знал о ее манере уходить на дно. Я нашла ее на даче в Савелкино. Эта жаба тихо высиживала, ожидая рейса в одно из восточноевропейских государств. Ты бы видела ее глаза, когда я ткнула ей в противную харю пистолетом...

— Надеюсь, ты не обчистила ее до нитки?

— Сама удивляюсь. Я взяла только то, что мне причитается. Плюс немного за издержки. Плюс еще кое-что. Но не раздела, честное слово. Я дождалась, пока она улетит, а потом позвонила в один неприметный офис в районе Нагорного бульвара. Тихо наябедничала... А что ты хотела? Я не желаю им выкладывать добычу на блюдечке. Жертва должна располагать шансом. Иначе неинтересно. Однако, при всем моем уважении к талантам Веры Владимировны, должна признать, что шансов у нее нет. Если Фирма идет по конкретному следу — человек может смело направляться в ритуальное агентство.

— Как я, — пробормотала Вера.

Жанна сняла очки и внимательно изучила ее в профиль. Затем сместилась, изучила анфас. Пришлось поведать историю бесславного падения. После чего Жанна надолго погрузилась в размышления.

— М-да, — почесала она переносицу, — кошмар налицо. Ну что ж, коллега, лично мне видятся два выхода. Либо ты это делаешь, либо ты этого не делаешь. Как говорили древние — *Tertium non datur*. Третьего не дано. Если ты это делаешь, то снимаешь все свои житейские проблемы и живешь обеспеченной, сытой, где-то даже интересной жизнью. Если ты этого не делаешь, то должна либо загреметь в психушку, либо непоправимо сломаться. Все-таки есть еще и третий вариант — ты должна исчезнуть. Поменять все и зажечь новой жизнью. Не будут тебя усиленно искать — не та ты фигура.

— Мне нравятся все три варианта, — усмехнулась Вера. — Просто разрываюсь, какой из них выбрать. Слушай, а зачем ты меня нашла? Летела мимо Сибири и забежала на минутку?

— Я не задержусь, — кивнула Жанна, — просто терпеть не могу, когда над душой висят неоплаченные долги и невыполненные обязательства.

Только сейчас Вера обнаружила, что у Жанны под ногами обретаётся целлофановый пакет с увесистым содержимым. Жанна осторожно взяла его за ручки и переместила поближе к собеседнице.

— Это твое.

— Бомба, — догадалась Вера.

— В некотором роде, да. Здесь четыре толстые книги в яркой подарочной упаковке. Детективные романы твоей однофамилицы. Таким образом, в нашем деле появляется третья Полякова, но это событие, хотелось бы заметить, не из печальных. Оно должно скрасить твое горькое существование.

— Просто праздник души, — обрадовалась Вера. — Обожаю читать женские романы. В них так много мысли.

— Не советую, — отмахнулась Жанна. — Не в твоём вкусе. Но дело не в этом. Читать там уже нечего. В этих книгах вырезаны отверстия сто двадцать на сто двадцать. Страниц там фактически нет, а есть звонкая липа. В каждом детективе — по пятьдесят тысяч долларов. Это естественный предел — больше туда не затолкать. Но все равно впечатляет — ты когда-нибудь видела женский детектив стоимостью в пятьдесят тысяч долларов?

Вера закрыла глаза. Она никогда не верила в добрых дядь и добрых тетей, раздающих бесплатные подарки. Все подарки в мире должны быть платными, даже те, что приносят Деда Морозы в Новый год (она уже в детсаду сообразила, что мама с папой за это удовольствие неслабо раскошеляются).

— Объясню, — продолжала Жанна. — В этом мире случайностей нет. Игра состоялась. Не вина ее участников, что кто-то возжелал нагреть на ней руки, а Фирма, не намеренная платить по раздутым счетам, смухлевала. Эльза умерла, ей деньги не нужны. Близких родственников у нее нет. Но я считаю, что Игра закончилась справедливо — уцелели двое. Мы обе подвергались смертельной опасности, обе вышли победителями. Нам положен приз — по двести пятьдесят тысяч долларов. Но я вычла из твоей доли пятую часть — как возмещение за риск, которому подвергалась по мере получения нашего законного вознаграждения. И вообще, я лучше поработала. Подательнице сего, — кивнула она на сумку, — позволен компенсационный пакет.

Вера нащупала в плаще пачку курева. Дрожащими пальцами она вытянула сигарету, закурила. Затянулась слишком сильно — кашель скрутил горло.

Жанна критично наблюдала за ее судорогами.

— Оградите детей от табачного дыма, — ехидно сказала она. — Это тебе не варенье бомбить, деточка. Забирай деньги и делай с ними что хочешь. Можешь на ниточку навязать и в небо запустить. Можешь алкашам раздать. Или в детдом по почте отправить — представляешь, некоторые ловят в этом особый кайф, как будто в детдоме их не разворуют. Но послушай меня, Вера, и поступи правильно. — Глаза «подательницы сего» отвердели и разрезали Веру пополам. — Дядька в очереди — это так, мелкий гном. За ним компания поопаснее и посolidнее. Мой тебе совет — убегай. С этой секунды. Не ходи домой: закон пакости работает, как часы, не забывай. Позвони хозяйке — она вынесет документы. Что тебе надобно? Паспорт, банковскую карточку, страховое медицинское свидетельство, загранпаспорт. Все. Купишь сумку. Хламида на тебе вполне стерпит, если ты выйдешь в ней на дорогу и поднимешь руку. Уезжай скорее, начни жизнь заново. Этих денег достаточно для

рождения новой жизни. Впрочем, воля твоя, решай. — Жанна выдохлась и откинулась на спинку лавочки. — У всякого счастья свой кузнец.

— Спасибо тебе, — пробормотала Вера.

— Пустяк, — отмахнулась Жанна. — Ежедневно ваша. Мы уже знаем, с чего начинается Родина, пришло время узнать, на чем она кончается. Прощай, коллега, мы с тобой никогда не увидимся. — Освобожденная от гнета тяжелых женских романов, Жанна легко поднялась и протянула руку.

Вера пожала.

— А у самой какие планы?

Жанна улыбнулась и надела очки.

— Жить буду. Нишу искать. Свирепо размножаться. И трястись по ночам, не без этого. — Жанна украдкой покосилась по сторонам, задерживаясь взглядом на каком-то странном существе, моющем руки в сухом, как пустыня, фонтане, — Все не факт, — пробормотала она, — что, отправив к праотцам Веру Владимировну, Фирма не захочет лично выразить мне свою признательность. С последующим освобождением от бремени.

Жанна исчезла, как сон в момент верещания будильника. Оставшаяся на лавочке женщина словно очнулась. В смятении закутила головой. Где она? С кем? Под коленом захрустело. Она схватила пакет за ручки и перевела дыхание. Кто она с этой минуты?

Эти двое прибыли в Брышковец на рейсовом автобусе. Сутками ранее прошерстили пражский аэропорт, подключили троих из местных (двое — бывшие «менты», третий служил в охране последнего президента-коммуниста). Насилу выцепили шофера, признавшего мадам по фото. Не из портовских работник, у беглянки хватило ума не брать такси в черте аэровокзала. «Очень приветливая, — похвалил пассажирку водила. — Ну да, дня три, как тому. Обменять валюту не успела, расплатилась долларами. А мне какая разница? Сто американских за полчаса — да до Брышковца сорок километров работы, хоть в объезд вези... Как выглядела, говоришь? Да хреново выглядела. По манерам приветливая, а глазенки бегают. И лицо какое-то... То ли тошно ей, то ли душно. То ли помирать собралась... А волосья на ней другие — чего вы мне подсовываете? Ваша темная, а та была блондинка — сущий пергидроль... Хорошо ли говорила по-чешски? — ой, не могу, уморили... Ну. В общем, да, говорила. Слов двадцать знает. Да нам и ни к чему — мы, славяне, без языка друг дружку пойдем...»

По словам водилы, он высадил ее на площади Преображения. Где и простился со славянкой. Никаких гостиниц в районе площади отродясь не бывало. На такое поведение мадам гости города и рассчитывали. На то и «преображение». Они бродили по кривым мощеным улочкам, планомерно прочесывая городишко с запада на восток. Оба не видные, не броские. Не родня, не клопы, но до чего похожие... Вроде люди, а спустя минуту уже не помнишь, кто такие и были ли вообще.

На улице темнело. У гостиницы «Белый олень» двое разделились. Один перебежал проезжую часть, высланную белым известняком, вошел в галантерейную лавку, другой, сверстав почтительную улыбку, отворил дверь.

Портье оказалась женщиной. Не молодой, не старой. С бледноватым привлекательным лицом и типичной для этих мест учтивостью.

— Ради бога, пани, попрошу меня извинить, — невзрачный тип преобразился в джентльмена и направился к стойке. — Я ищу одну женщину. Одну русскую пани. Она

должна была остановиться в этом городе. Мы, к сожалению, разминулись, произошло досадное недоразумение. Я прибыл из Брно, она из России... Вы не знаете ее, пани? Поверьте, это очень важно, она мне очень небезразлична...

Этот текст с незначительными вариациями он произносил в двадцатый раз. И фотография, предъявляемая гражданам, изрядно поизносилась.

«Как странно, — подумала портье. — Эта женщина рассказывала, что у нее однажды в Чехословакии была большая любовь. Но не помню, чтобы она собиралась вновь с ней встретиться».

Эта женщина ей понравилась. В ней было что-то трогательное. И несчастное — но вовсе не тоска по человеку, с которым случайно разминулась.

Она оторвала глаза от фотографии:

— Очень сожалею, пан, но я вижу эту пани впервые. В нашей гостинице такая пани не живет.

— Весьма огорчительно, — печально улыбнулся господин. — Простите, что отнял у вас время. Всего вам доброго.

— Подождите... — Женщина за стойкой засомневалась.

— Да, я вас слушаю, — человек с готовностью обернулся.

— Вы... м-м, можете оставить свою визитку с телефоном. Если я вдруг где-нибудь увижу эту женщину, то попрошу ее позвонить.

«А вот это интересно, — подумал мужчина. — Если женщина не живет в гостинице, где она собирается ее увидеть?»

— Безусловно, пани, безусловно. — Мужчина извлек из внутреннего кармана зеленоватую визитку и положил на стойку. — Грегор Крауф, специалист по интерьеру. По этому телефону нужно звонить вечером. Честь имею, пани.

Он учтиво склонил голову и удалился. А портье задумчиво смотрела ему вслед, гадая, что же она сделала не так.

Ее звали Ева. Бывшая советская гражданка. Не еврейка, не немка. Прадед — чех Ежж Богуш — увернулся от удара красной шашки и по окончании Гражданской войны осел в России. В советское время отец с матерью, урвав путевку в Чехословакию, наткнулись на родню под Прагой. Но оба служили мелкими функционерами в обкоме, так что не стали рекламировать «родственников за рубежом», дабы не портить анкету. В девяностых, выйдя замуж за производителя денег из воздуха, Ева пару раз съездила в Чехию. Потом начались проблемы. Налоговая, Уголовный кодекс, партнеры по бизнесу. Рассчитаться с долгами муж не смог. В один прекрасный день Ева обнаружила его лежащим поперек подъезда с многочисленными повреждениями жизненно важных органов. Едва отметили девять дней, взяли за жену. Но о пропавших мужниных деньгах она ничего не знала. Пришлось смыться: из князи — да в грязи. Уже восемь лет Ева в Брышковце, родня помогла оформиться, обрести гражданство, все нормально. Только какие-то они, эти новые сограждане... Трусоватые, что ли. Или слишком правильные. В общем, скучно. На контакт с постоялицей она пошла первой, безошибочно угадав в ней россиянку. Обитательница 208-го номера в экстаз при виде соотечественницы не впала, но держалась, в общем-то, дружелюбно. Пару раз попили у нее в номере, поболтали. Она вела себя как-то странно. Похоже, все ее существо одолевала одна навязчивая идея. Не сказать, что радостная. Иногда она как бы приходила в себя, шутила, отвечала на вопросы, но тут же могла замкнуться, на глазах побелеть и уйти глубоко в себя. Понаблюдав за постоялицей, Ева сделала вывод, что у

этой приятной женщины проблемы личного характера. Она не лезла в чужую душу, за что и получила несколько сдержанных улыбок плюс вечеров в компании с бутылочкой вина и с воспоминаниями о далекой земле предков. Особу звали Анной Шварц. Представилась журналисткой одной дальневосточной газеты. На вид ей было не меньше сорока. Но выглядела прилично — кожа не дряблая, руки — основной определитель возраста женщины — гладкие и ухоженные. Единственное, что сбивало с толку, — перманентная бледность.

Почему эта дама так импонировала Еве — только ли по причине общей родины? — Ева затруднилась бы ответить. Есть люди, которые располагают с первой минуты знакомства.

Она проводила глазами спину посетителя, после чего пару минут пребывала в раздумье. За это время мужчина успел выйти из «Белого оленя» и сказать несколько слов напарнику. Тот уже покинул лавку галантерейщика и стоял на углу, подпирая вход в арку. Понятливо кивнув, напарник исчез в проходном дворе.

Человек с повадками джентльмена перешел дорогу. Пристроился за навесом законсервированного на зиму кафе, взял под наблюдение видимую в окне стойку портье.

Постояльцев в этой крохотной гостинице восточного округа было всего четверо. «Мин херц» Клаус Лютке с престарелой супругой Барбарой — чудаковатые швабы-туристы; сексуально раскрепощенный натюрморист из Братиславы (час назад привел вульгарную бабу в ботфортах до ушей; до завтра из номера точно не выйдут). Да собственно Анна Шварц в 208-м — в гордом одиночестве. До утра гостей вряд ли прибавится. Ева убрала в тумбочку журнал регистрации постояльцев, бегло глянула в зеркало и поднялась на второй этаж.

— Анна, откройте, — постучала она в дверь 208-го номера. — Это Ева.

Дверь приоткрылась на пару дюймов.

— Ева, простите, ради бога, — глуховато вымолвила женщина. — Голова от боли разрывается. Давайте завтра поговорим?

— Конечно, Анна, конечно, отдыхайте. Только видите ли, в чем дело... — Ева помялась и, решившись, сбивчиво поведала о своей недавней встрече.

Женщина в приоткрытой двери помолчала. На ее лицо падала крупная тень.

— Спасибо, Ева, — сказала она ровным голосом. — Я, кажется, знаю этого человека. Спокойной ночи.

Дверь закрылась перед носом у портье. Немного обескураженная, Ева пожала плечами. Постояла в задумчивости, оправила юбку и отправилась по своим хозяйским делам.

А женщина стояла, охваченная ужасом. Молитвы не почти по адресу — случилось страшное. Фирма вышла на ее след. Ей не дали фору — отсидеться в Чехии и к 20 ноября выехать во Францию, куда надежный человек должен смастерить визу. Уболтавший Еву господин — киллер, кто бы сомневался. Вряд ли это банальная месть. Фирма не страдает ребячеством, и «вендетта по-корсикански» не ее стиль. Миллион утянутых долларов — тоже не причина. Вернее, причина, но она меркнет перед главной. Никто не попытается вернуть эти доллары — что упало, то пропало. Ее ликвидируют, в момент и без колебаний, поскольку она знает структуру организации и основных лиц в руководстве. А такой недочет оставить Фирма не может. Она и так понесла убытки по ее милости. Зачем ожидать большего? Беседа с представителем Интерпола — и для Фирмы начинаются проблемы. Жадничать надо меньше.

Но она была сильной личностью. Поборов слабость, женщина притушила настенный светильник и подошла к окну. Отодвинула шторину. Так и есть — беда просто колошматилась в ворота! Остолопка Ева чем-то выдала себя, привлекла внимание к «Белому

олению»!.. Окна номера выходили на задний двор. Силикатная бойлерная, кусты, прочерченная кирпичами дорожка из соседнего дворика в дальнейший... Темнота не пала окончательно: она сумела рассмотреть человека у куста белой акации. Грамотная позиция! Эта полянка — единственное место на заднем дворе, откуда полностью просматривалась задняя стена гостиницы и обе пожарные лестницы. Не может там случайно стоять человек!

Она поспешила отступить в глубину комнаты. Но глаз наблюдателя был не менее острым. Он отлично справлялся со своими обязанностями — подмечать то, что другим не под силу. В окне мелькнула скуластая женщина со светлыми волосами. Увидела наблюдателя и отошла. Момент значительный. Человек вынул из кармана сотовый телефон. Не сходя с места, набрал номер, произнес несколько слов.

— Отлично, — отозвался коллега на «лицевой» стороне гостиницы.

Ева протерла пол в коридоре (ей доплачивали за влажную уборку), полила гортензии на втором этаже. В крохотный вестибюль со стойкой она спустилась как раз в тот момент, когда человек с повадками джентльмена вновь входил в гостиницу. Он улыбался. Правда, вел себя по меньшей мере странно. Приветливо кивнув Еве, он запер на замок входную дверь. Подошел к окну, опустил жалюзи. Жестом предложил женщине подойти к стойке и сам сделал то же самое. Ева ощутила беспокойство.

Человек обогнул стойку. Забрался в тумбочку и достал журнал регистрации постояльцев. Открыв на последней странице, принялся изучать угловатые каракули Евы. Изучив, поднял глаза. Он продолжал добродушно улыбаться.

— Запасные ключи, пожалуйста.

— По какому поводу? — вымолвила обомлевшая Ева. Выразить резонное возмущение она уже не успела. В руке посетителя появился пистолет с глушителем.

— Ключи, пожалуйста, — настойчиво повторил он. Ева немеющим пальцем показала на стену. Посетитель отодвинул ситцевую занавеску. На доске висели двенадцать ключиков — по количеству комнат в гостинице. Над каждым значился номер.

— Спасибо вам большое, — поблагодарил он с чувством. Ева покосилась на лестницу — не сбежать ли? Рвануть на чердак — там дубовая дверь и замок вроде прочный...

Сухой выстрел бросил женщину на пол. Некуда бежать. Она раскинула руки и осталась лежать с дырочкой во лбу. Человек на время спрятал пистолет. Снял ключ со стены. Вырвал последнюю страницу из журнала, скомкал и убрал в карман. Порывшись в ящиках за стойкой, отыскал свою визитку. Отправил вслед за страницей. После чего взял труп под мышку и отволоч в каморку под лестницей. Там у Евы имелась кровать и маленький телевизор, антенна которого позволяла в вечерние часы ловить ОРТ.

Человек поднялся на второй этаж. Плотная дорожка из сплетенных шерстяных нитей гасила звук шагов. Он выждал наверху пару минут, постоял, прислушиваясь. Из комнаты чудаковатых швабов не доносилось ни звука. Пенсионеры рано ложатся спать. В номере специалиста по натюрмортам приглушенно хохотала вульгарная баба. В номере Анны Шварц никто не хохотал. Человек достал пистолет.

Он бесшумно вставил ключ и вошел в уютно меблированную комнату. Вполнакала горело настенное бра, прикрытое абажуром. Оно освещало неприбранную кровать, покрывало, украшенное ручной вышивкой. Остальное отстояло в полумраке. Но полумрак не скрывал обстановки. Человеку не требовалось напрягать глаза, чтобы понять — комната пуста. В раскрытую форточку задувал ветерок. Покачивались шторы — настолько тонкие, что могли укрыть разве что призрака. Слева в углу стоял массивный шкаф, справа ковер,

кровать, стул с резной тумбочкой. На полу — покрытие из жесткой синтетики. Смотрится неплохо, но фактура...

В комнате не было ни нищ, ни антресолей. Только дверь в санузел справа от ковра. Человек на цыпочках подошел к двери. Выстрелил дважды — сухими щелчками. Он не любил сюрпризы. Надавил выключатель над левой рукой и вошел в туалет. Немного удивленный, вышел. Заглянул под кровать, подошел к дубовому шкафу. Поднял пистолет на уровень груди — пуля пробила тугую древесину. Сместил пистолет, снова нажал на спуск. Он терпеть не мог выкрутасы. Беглянка могла выбраться из номера в тот момент, когда он разбирался с портье. Минута в ее распоряжении имелась — нагрянуть в комнату к швабам. Или на чердачную лестницу. К любителю натюрмортов она нагрянуть не могла — слишком беззаботно хохотала там баба.

Очень странно, у него отличный слух. Он мгновенно вычленяет из множества звуков нужный. Провела, паскуда? Он должен поспешать. Человек взялся за дверцу шкафа. Он обязан завизировать...

Дверца распахнулась с оглушительным треском, выбив пистолет из руки. Скрюченная на дне шкафа женщина выбросила вторую ногу. Удар пришелся по колену. Человек вскрикнул и нагнулся, чтобы поднять пистолет. Тем самым он совершил серьезную ошибку. Женщина успела выбраться и толкнула его обеими руками. Человек с повадками джентльмена не удержал равновесия, завалился на бок. Женщина завладела пистолетом. Когда он пружинисто вскочил, на него взирала парочка бешеных глаз, а пониже — дырочка, именуемая отверстием в стволе.

— Черт, — сказал мужчина. — Сука.

— Пока, — сказала женщина.

Пуля бросила его на кровать. Но в этот момент со звоном разбилось окно. Влетел второй, прикрывая лицо локтями. Упал на четыре конечности. Чужая неладное, он поднялся по пожарной лестнице и пытался проследить за событиями. Женщина развернулась. Пуля вышла в окно. Человек-паук распрямился, ударил снизу, по пистолету. Решали не мгновения — их доли. Кувыркаясь, пистолет уже летел в потолок. А женщина, оттолкнув киллера, уже бежала к двери. Она вынеслась в коридор, помчалась по дорожке из плетеной шерсти. Схватила за перила.

Ударившись плечом о косяк, оттолкнулась, полетела по лестнице — через ступени. Снесла этажерку для бегоний, но, не чувствуя боли, побежала к двери. Рванула ручку, дверь не поддавалась. Она принялась ее выкручивать, не соображая, что замок ниже. Мозг уже отмирал, не работал. Испепеляющий жар пожирал клетки. Она шаталась, точно пьяная, трясла ручку. Отрезвила ее пуля, отбившая от косяка щепу.

Она обернулась.

Человек стоял наверху и сжимал в руке смерть. Ни одна мысль не шевельнулась у нее в голове. Глупости, что перед смертью человек переживает заново свою жизнь. Это слишком долго — жизнь прожить. Проще поле перейти. Или пулю схлопотать. Она увидела, как из дула вырывается вспышка... Вот он — истинный «приход». Даже боли не испытала. Слишком быстро пал занавес.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

— Это Лидия Сергеевна Косичкина? — строго и официально спросили в трубке.

— Да, — не мудрствуя лукаво, призналась я. Захотелось немедленно вскочить и принести какую-нибудь справку. Не жила, мол, не значилась, не болела, не состояла...

— Сейчас с вами будут разговаривать, — торжественно пообещали на том конце.

Я чуть по струнке не вытянулась. Неужто царь? А я тут, понимаешь, не одета, не мыта, халат набекрень. Хриплю спросонок, как затертый винил.

В трубке как-то припадочно закричали. Словно человек пытался угнездиться в кресле, а оно его отторгало.

— Пардон, — спросила я бархатным голосом, — вы уже разговариваете?

— Что? — удивленно спросил немолодой мужской голос.

— Мне сказали, со мной будут разговаривать. Знаете, я не очень-то располагаю...

— Вы Лидия Сергеевна Косичкина?

— А то нет, — удивилась я. — Только не спрашивайте об этом в третий раз, а то начну сомневаться. Давайте лучше поздороваемся. Доброе утро.

— Хорошенькое утро, — недовольно забрюзжал мужчина, — два часа пополудни. Вам звонили трижды, причем дважды из Москвы. И каждый раз девочка-подросток отказывалась вас позвать, мотивируя это тем, что, если разбудит маму, мама огорчит ее табуреткой. Почему ваш ребенок не в школе, Лидия Сергеевна?

— Потому что каникулы новогодние, — буркнула я. — И кто вы такой, чтобы указывать, сколько мне спать? Как проснусь, тогда и утро, понятно? А кстати, кто вы такой?

Незнакомец хмыкнул:

— Грубовато, Лидия Сергеевна.

— Да, я немного одичала, — призналась я. — Это вызвано целым рядом обстоятельств. Во-первых, я много работаю, особенно по ночам. Во-вторых, я мало сплю, особенно днем. В-третьих, я бываю напугана, когда мне звонят незнакомцы, особенно из Москвы, и таким вот образом я реализую свое право на защиту от постороннего вмешательства.

Человек рассмеялся — короткими отрывистыми смешками.

— В Москве отчаялись вас услышать, Лидия Сергеевна. Поручили местным товарищам. Я полковник службы безопасности Ракитин Леонид Михайлович.

— Службы безопасности... чего? — не врубилась я.

— Хм... Вообще-то России. Управление ФСБ по Энской области...надцатый отдел. Вы отправляли электронной почтой в издательство «Черная семерка» роман «Возьми от смерти все»?

Я насторожилась:

— Ну положим.

— Издательство оценило неоспоримые достоинства произведения, но попросило у вас месяц срока на принятие решения?

Именно так. Я давно обрила голову, что написала этот горе-роман. Ни одно издательство никогда не просило у меня месяц срока. Либо от порога небрежно бросало «Нет», либо восторженно вопило «Да!».

Я промолчала. Какой прок просто так напрягать мышцы лица?

— Это ваш роман?

— Мой... — вот этими самыми руками, бессонными ночами и мотанием нервов...

— В таком случае мы должны с вами встретиться.

— А в чем, собственно, причина?

— А причина, собственно, в том, что мы прочитали ваш роман...

— Подождите, — перебила я. — Это смутно мне напоминает... Точно! «Три дня «Кондора»! Целый отдел ЦРУ занимался внимательным прочтением детективных романов-новинки. Непыльная работка! Один чудак убежал за булочками, а когда вернулся, всех его коллег-книголюбителей цинично положили...

— Не перебивайте, Лидия Сергеевна. Ваш роман интересен не только динамикой событий, но и некоторыми фактами документального, скажем так, характера. Скажите, вы сами его выдумали? — Не дождавшись честного ответа, он заговорил дальше: — Дело в том, что имеются сведения о существовании тайной организации, проводящей аналогичные... гм, игры. Она имеет разветвленную международную структуру, агентурную сеть во многих странах и чрезвычайно мощную систему безопасности. Процесс налажен, и многообразие сюжетов обеспечено. Но неизменно одно — надеюсь, вы понимаете?.. Уж больно у вас получается схоже, как бы ни старались вы извратить это дело сообразно вашей буйной фантазии. Единая схема, Лидия Сергеевна.

— От меня-то вы что хотите? — нетерпеливо перебила я. Получать — так сразу.

— Мы хотим переговорить с человеком, предоставившим вам материал. Желательно в вашем присутствии.

— Но такого человека нет...

— Он умер?

— Я... я не знаю... — Я почувствовала, как коленка ни с того ни с сего затряслась, к ней пристроилась соседняя, а спустя секунды я вся заходила ходуном, охваченная тотальным ознобом...

Человек, отрекомендовавшийся полковником ФСБ, может оказаться далеким от этого уважаемого ведомства. А если и не так, то что мешает настоящему полковнику совмещать свою деятельность с другой — не совсем легальной, но, безусловно, выгодной?

— О чем молчите, Лидия Сергеевна? — с интересом спросил незнакомец. — Не пора ли признаться, что человек, обеспечивший вас материалом, реально существует или, скажем так, существовал?

— Нет, — собравшись с духом, сказала я. — Никакого человека не существует. И никогда, скажем так, не существовало. Роман «Возьми от смерти все» — продукт моей разгоряченной фантазии. Если вас ранят отдельные эпизоды, то откройте первый лист со ссылкой на выдуманность персонажей и случайность совпадений. Больше мне сказать нечего.

— Хорошо, давайте помолчим вместе. Через два часа вас ожидают на Коммунистической, один. Представитесь дежурному, он подскажет, в какой кабинет пройти.

Боже, подумалось мне. Этот полковник не самый там главный?.. Я достаиваюсь величайшей чести. Или забыл, бедненький, в каком кабинете сидит?

— В противном случае, Лидия Сергеевна, можем поговорить у вас дома.

— Что вы, — испугалась я, — этот случай очень противный. И большая честь для меня. Да и диван у меня покатый. И вообще я не слишком натаскана в романтических обедах. Давайте лучше мы к вам.

— Договорились, — удовлетворенно проурчал незнакомец. — Жду.

Я осторожно положила трубку и уставилась на нее в полнейшей ошарашенности. От моего напряженного взгляда она, видимо, раскалилась и тут же истерично затряслась.

— Федеральная служба бе... — механически начала я.

— Отставить! — загремела Бронька, источая ударную огневую волну. — Пугай алкашей в песочнице, а я уже пуганая. Ты с кем там болтаешь, Масяня? Звоню, понимаешь, звоню, буква «е» на язык так и выпрыгивает...

— Сексом по телефону занималась, — призналась я. — Меня имели в грубой, животной форме. Есть такая утренняя услуга, вроде зарядки, где твоя буква очень кстати...

— Не свисти... — Бронька помолчала, научно переваривая. — Какое утро? Скоро вечер. И на будущее запомни, подруга: секс по телефону, как и обед по телефону, — это беспонтово. Никакого удовольствия. Если ты, конечно, не свихнулась или не обрела, скажем, наследства от какого-нибудь мертвого прадедушки из Кореи.

— Меня вызывают в ФСБ, — тоскливо призналась я. — Через два часа. По поводу моего нового романа.

— Ну что ж, — обдумав ситуацию, резюмировала Бронька, — это не совсем здорово, согласна. Мне кажется, парочка приводов в ФСБ у тебя уже была. Будь поосторожнее. А главное, я тут совершенно ни при чем, а у тебя такой провоцирующий тон...

— Нет, при чем! — гаркнула я. — Ты опять меня подставила. Ты должна пойти со мной и все объяснить во избежание неприятностей. У меня семья. Ты подруга или сволочь?

— Как будто сволочь не может быть подругой, — хрюкнула Бронька. — Или наоборот. Кто тебя вызывает?

— Полковник Ракитин.

— Целый полковник?

— Знаешь, я согласна и на лейтенанта, но у них, говорят, звания начинаются с майора...

— Ладно... — Бронька помрачнела и стала что-то лихорадочно обдумывать. — Я попробую выяснить про этого хмыря по своим каналам. Вернее, по каналам моего спонсора. Если чистый, в шестнадцать ноль-ноль встречаемся у часовни на Красном. Замолю твои грехи. Ну все, жертва репрессий, ариведерче.

Через полчаса, когда я мрачной тучей витала над компьютером и с отвращением давилась пятой чашкой кофе, в комнату вошла мама. Она беззвучно положила на кровать казенно-серый сверток, посмотрела на меня со всей строгой принципиальностью налогового инспектора, которому недодали, и вышла.

Я совсем забыла про это заказное письмо. Я притащила его вечером с почты вместе с посылкой от тети Эвелины из подмосковного Гадюкино (незыблемо убежденная, что Сибирь — остров голодных, она регулярно шлет нам крупы) и алиментами от Бережкова (в трех кварталах обретается, подлец, а нарочно ходит на почту и посылает переводы, чтобы я их подольше не получала).

Я подъехала на вертушке к кровати, забрала корреспонденцию и укатила обратно. Это было обычное заказное письмо, подписанное обычным женским почерком. С обычным обратным адресом: город Кострома, Главпочтамт, Мария Федоровна Островная. Однако возбуждение, охватившее меня, едва ли подпадало под категорию «обычное». Отставив пустую чашку, я сорвала сургуч.

По клавиатуре рассыпались фотографии...

Я собрала их дрожащими пальцами, перевернула.

История, поведенная несчастной женщиной, перестала казаться занимательной

чепухой. Она обрастала документальными подтверждениями. Я держала их в руке — бесстрастные, безжалостные документы, свидетельствующие, что вся эта карусель с трупами — от начала до конца — чистая невыдуманная правда. Фотографии фирмы «Фуджи». Женщина с инициалами, как у президента, выслала их мне, чтобы я окончательно поверила. Чтобы я прочувствовала, содрогнулась и сделала свой роман не бездарной писулькой, а пронзительным криком души.

Поздно. Наш поезд ушел, опередив расписание.

Однако история не картошка, не выкинешь.

Мертвые мужские лица, вырванные фотовспышкой из темени склепа. Каждое в отдельности — крупным планом, лишённое индивидуальности и характеризующееся лишь продолжительностью существования в качестве трупа. Я узнавала их — по подробному описанию рассказчицы. У одного ссохшиеся почерневшие губы. Глаза наполнены болью. Невезучий по всей программе. Есть такие люди: что ни делают — все насмарку... У другого яркая улыбка и пышная шевелюра — по мнению Самсона, свидетельство долголетия, жизненной силы и уверенности в себе... Третий изумлен — он не ожидал от жизни такой подляны; он ведь бог, а богам умирать некрасиво... Четвертый деформирован, лежит неудобно, вмяв лицо в пол — не поймешь, что хочет сказать. И хочет ли вообще прокомментировать ситуацию...

Общий план — все четверо. Дружно. Сплоченно. Несимпатично. Следующий снимок — человек не мертвый. Он схватился за живот, искаженным лицом повернут к фотографу. У него приятное мужское лицо. Но боль в глазах — вселенская. Вследствие этой боли он весь перекошен, вырван из размеренности жизни. За спиной у человека море и массивные перила балюстрады... Пожилой мужчина с орущим лицом висит над разлохмаченной пропастью, сухие пальцы судорожно сжимают обломки половиц. Он синий от нечеловеческих усилий, в глазах — «предвкушение смерти», они пылают, как густо-красные карбункулы... Этот же старик — разбросанный по полу. Раздавленный, переломанный. Окончательно погибший... Неприметная женщина — серая мышь — с отвратительным кровавым сгустком во всю ширину лба... Снова море. Человек, заваленный камнями. Устроился калачиком, спит, как убитый... Белокурая «Гретхен» в полосе прибоя. Стройное тело плещется в воде. Волосы рассыпаны, их поедает пена...

В голове гудели траурные трубы. Я убрала фотографии в конверт. Бросила на самую верхушку стеллажа. Траурные трубы смолкли. Я подождала, убедилась, что они действительно смолкли, а не настраиваются на новую мелодию. Ладненько.

Пять минут прошли в тоскливой тишине. Только машины за окном гудели и сталкивались. Мягко ступая, в комнату вошла Варюша — моя любимая двоюродная сестра и единственный кандидат на поднос стакана воды в старости.

— Ты получила алименты от Бережкова, маман? — Она с опаской сапера оглядела комнату, как будто проверяя, не наблюдается ли вблизи меня какой внезапной табуретки. Это что-то свеженькое в ее лексиконе — гоняться за родимым чадом с табуретом.

— Получила, — дерзко бросила я.

— А почему мы еще не в «Баскин Роббинс»?

— Деточка, — назидательно сказала я, — эти жалкие копеечки твой так называемый папа высылает на твоё возвращение и воспитание, их так мало, что решительно отвергаются всякие там мелкие буржуазные радости, вроде мороженого с шарик от кинг-кон... блин, пинг-понга, стоимостью в сто двадцать рублей...

— Ой, маман, не дури, — нахмурила бровушки Варюша. — Традиция есть традиция, не тебе ее ломать. В котором часу побредем?

— Вечером, — буркнула я. Побредем, паломники. А про себя подумала: если не стану жертвой репрессий.

— Класс, — просияла Варюша. — Смотри не обмани. А то знаю я тебя. Слушай мамахен... — Моя обездоленная кровинушка явно не рассчитывала оставить родственницу наедине с собой. — А вот я через месяц паспорт получаю. Это важное событие, да?

— Неслыханно важное, — подтвердила я. — Это твоя первая зарубка во взрослой жизни.

— А кем я буду? Я имею в виду, фамиллярно. Вот по метрике я вроде Бережкова. А по духу — Косичкина. А в паспорте я чего буду?

По какому это духу она, интересно, Косичкина? По святому, что ли?

— А в паспорте ты будешь не чего, а через черточку, — объяснила я, — Бережкова-Косичкина, вот как. Вроде Бендер-Задунайского. Или Мамина-Сибиряка с Бонч-Бруевичем. Замуж выйдешь — добавишь третью черточку. Станешь Бережковой-Косичкиной-... м-м, ну, допустим, Бурштейн. Если повезет.

— Я знаю, — кивнула Варюша. — Если не повезет, стану Дуняшкиной.

— А теперь иди и открой Ожегова на слове «фамиллярный», — строго приказала я. — Потом отчитаешься.

— Хорошо, маман. — Варюша вздохнула. — Счастливо сделать вид, будто ты трудишься.

Она закрыла дверь. Но ненадолго.

— Ах да, — сказала Варюша, открывая дверь, — тебе звонила целая прорва мужиков.

— Я знаю.

— Еще звонила женщина. Представилась Марией Федоровной. Вроде бы межгород — там все время что-то взрывалось и трещало. Я сказала, что не имею морального права тебя будить, а если у нее имеется важное дело, то пусть перезвонит в полночь — к наступлению пика твоей активности. Она сказала, что уезжает с любимым человеком, перезвонить не сможет, и просила передать, что в жизни есть только одно счастье — ощущение собственного покоя и безопасности. А тот, кто счастлив по другой причине, просто не ведает истинной причины своего счастья. И тем счастлив вдвойне. Как-то так, мамахен. Тебе этот бред ни о чем не говорит?

— О многом, — улыбнулась я. — Спасибо, Варюша. Ты запомнила слишком длинную фразу. Не забудь ее на всякий случай повторить перед сном, договорились?

Больше книг на сайте - Knigoed.net